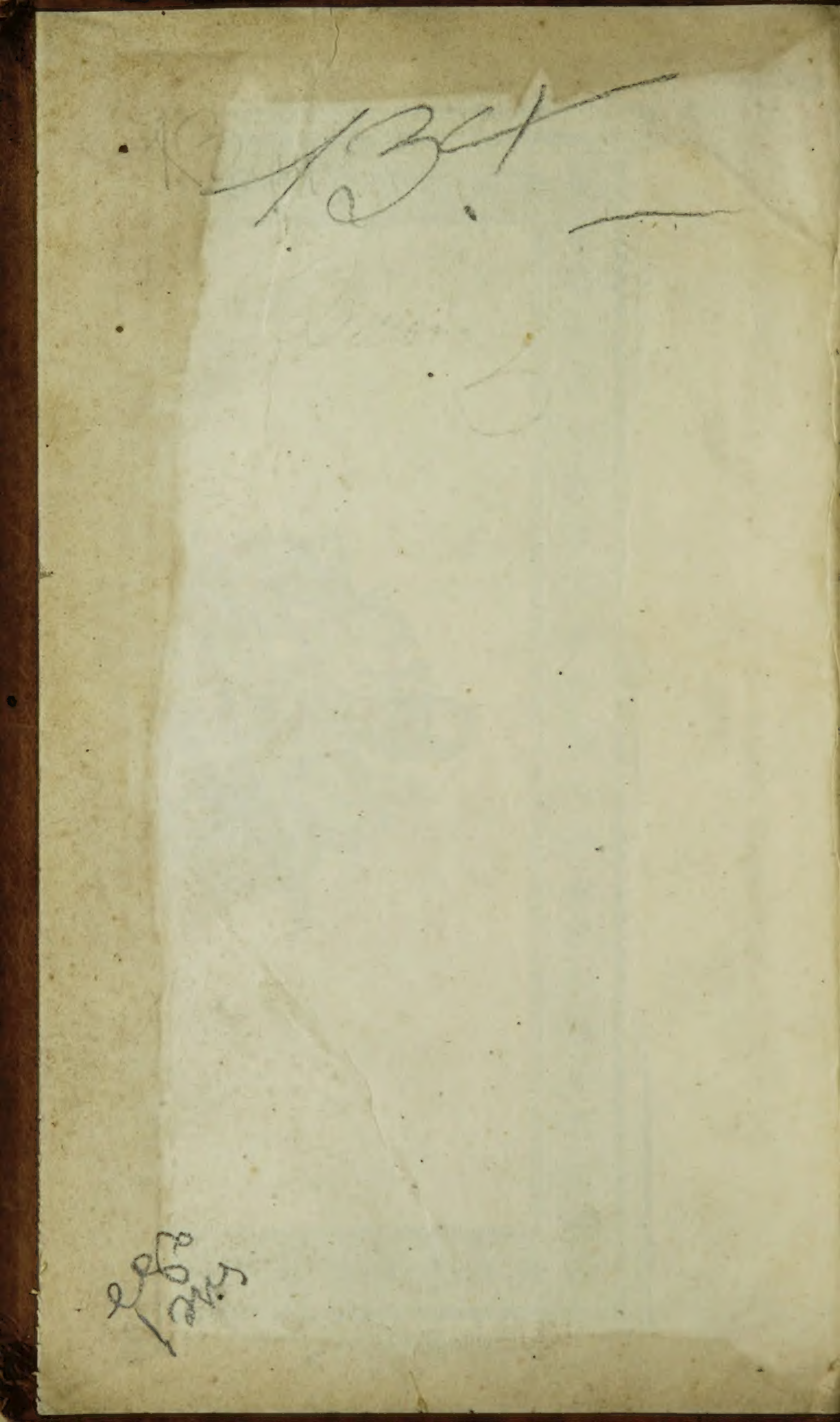

134

КАБИНЕТЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ
при Историко-Филологическомъ
факультетѣ.

Муравьев-Апостол

ПУТЕШЕСТВІЕ

по

ТАВРИДѢ.

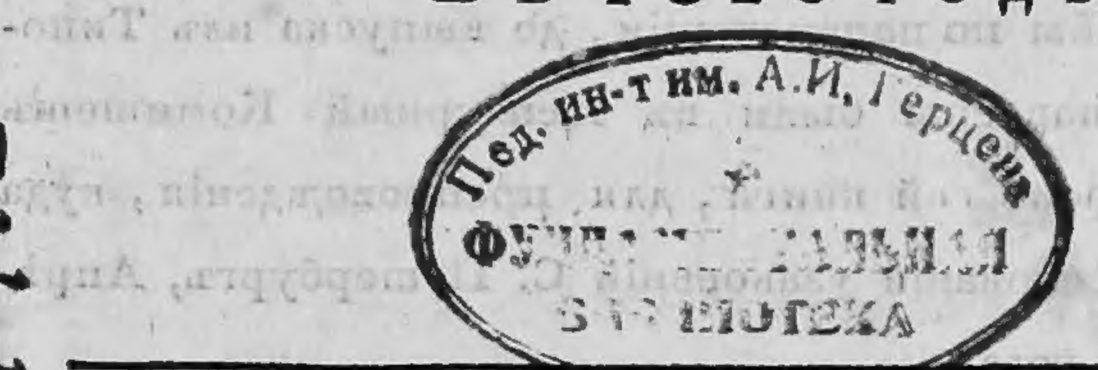
Гі. 2009

ПУТЕШЕСТВІЕ

по

ТАВРИДѢ

Въ 1820 годѣ,

— aproach this consecrated land
And pass in peace along the magic waste:
But spare its relics; — let no busy hand
Deface the Scenes... already how defaced!

Byron

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи состоящей при особенной Канцеляріи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ

1823.

Печатать позволяется

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія, куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній С. Петербургъ, Апрѣля 19 дня, 1823 года.

Цензоръ Александръ Красовскій.

НѢЖНОМУ ДРУГУ,

СОПУТНИЦѢ СВОЕЙ ПО ТАВРИДѢ

И

НА ПОПРИЩѢ ЖИЗНИ,

ПАРАСКОВЬѢ ВАСИЛЬЕВНѢ МУРАВЬЕВОЙ-АПОСТОЛЪ,

Сочинитель трудъ сей

посвящаетъ.

Если бы можно было назвать сочиненіе сего рода, *Опытомъ*, то я бы далъ книгѣ моей заглавіе: *Опытъ Путешествія по Тавридѣ*; ибо 8 недѣль, проведенныя мною на полуостровѣ, весьма недостаточны для обозрѣнія земли классической, заслуживающей, на каждомъ шагѣ, прилѣжное изслѣдованіе; и гдѣ, не взирая на истребленіе памятниковъ, столько еще осталося слѣдовъ, по коимъ можно выводить заключенія служащія къ поясненію древнихъ Исторіи и Географіи Тавриды. Однакоже, хотя путешествіе мое по Крыму продолжалося только два мѣсяца, но я приготовлялся къ оному два года, въ теченіе коихъ занимался, почти исключительно, чтеніемъ всего того,

что, относительно къ Тавридѣ, находится въ древнѣйшихъ повѣствователяхъ и Географахъ, въ Лѣтописяхъ среднихъ вѣковъ и въ описаніяхъ новѣйшихъ путешественниковъ. Это одно подаетъ мнѣ нѣкоторую смѣлость надѣяться, что наблюденія мои не вовсе будутъ недостойными вниманія просвѣщеннаго читателя.

Вездѣ гдѣ мнѣ было нужно подкрѣпить мнѣніе мое свидѣтельствами древнихъ, я, не взирая на опасность заслужить упрекъ въ педантствѣ, приводилъ ихъ въ подлинникѣ, дабы читатели, въ классическихъ языкахъ искусные, могли удостовѣриться въ точности, съ которою я слѣдовалъ моимъ путеводителямъ. Что же касается до новѣйшихъ, собственныхъ нашихъ писателей, то я не ссылался на нихъ, опасаясь чрезъ мѣру изпестрить книгу мою примѣчаніями, а здѣсь дол-

женъ объявить, что я во многомъ имъ обязанъ, особливо почтенному Митрополиту Сестренцевичу, коего сочиненіе, по всей справедливости можно назвать вѣрнѣйшимъ указателемъ источниковъ, въ коихъ можно находить свѣдѣнія о Тавридѣ.

Для удобнѣйшаго понятія Географическихъ Описаній, я почелъ нужнымъ приобщить къ Сочиненію моему нѣсколько картъ и плановъ. Двѣ первыя не иное что какъ сколки: большая, съ одного листа подробной карты Россіи; меньшая (Ираклійскаго полуостровка) съ одного же листа подробной карты Крыма. Обѣ онѣ служатъ къ ипотетическому опредѣленію мѣстъ упомянутыхъ древними землеописателями, особливо Страбономъ, коимъ я руководствовался, предъ всѣми другими, предпочтительно. О планахъ, исключая Елизомѣрный Чертежъ Манкупа, я

могу говорить съ полнымъ увѣреніемъ въ ихъ топографической точности, а особливо о первомъ, Стомогильнаго урочища, коимъ я обязанъ дружбѣ почтеннаго Адмирала Грейга, посылавшаго снимать оный нарочно для меня. Два послѣдніе, развалинъ Херсонскихъ стѣнъ и Карантина Ѳеодосіи, сообщены мнѣ жителемъ города сего, Гмъ Галлерою (Gallera), коего познанія о Тавридѣ, особливо относительно къ временамъ, когда соотчичи его Генуэзцы обладали Каффою, занимательны столько же сколько общество его привлекательно по вѣжливости и образованности, коими онъ отличается.

Я писалъ путешествіе мое не на память, а на тѣхъ самыхъ мѣстахъ которыя описывалъ. На примѣръ, повѣствованіе мое о Митридатѣ, начертано было на горѣ, гдѣ, какъ я полагаю, стояли царскіе чертоги. Такимъ

точно образомъ и все прочее описывалъ я, имѣвъ предметы предъ моими глазами. Возвратясь домой, мнѣ оставалося только собрать письма и привести ихъ въ порядокъ; что я и исполнилъ въ концѣ того же 1820 года и сочиненіе сіе конечно появилося бы въ свѣтъ еще въ 1821^мъ, когда бы не воспрепятствовали тому обстоятельства отъ меня не зависящія. Еслибы я могъ предвидѣть ихъ, то можетъ быть самое замедлѣніе послужило бы къ пользѣ книги моей, которую бы я имѣлъ болѣе времени пересмотрѣть, почистить; теперь уже поздно; и остается мнѣ только сказать съ Овидіемъ:

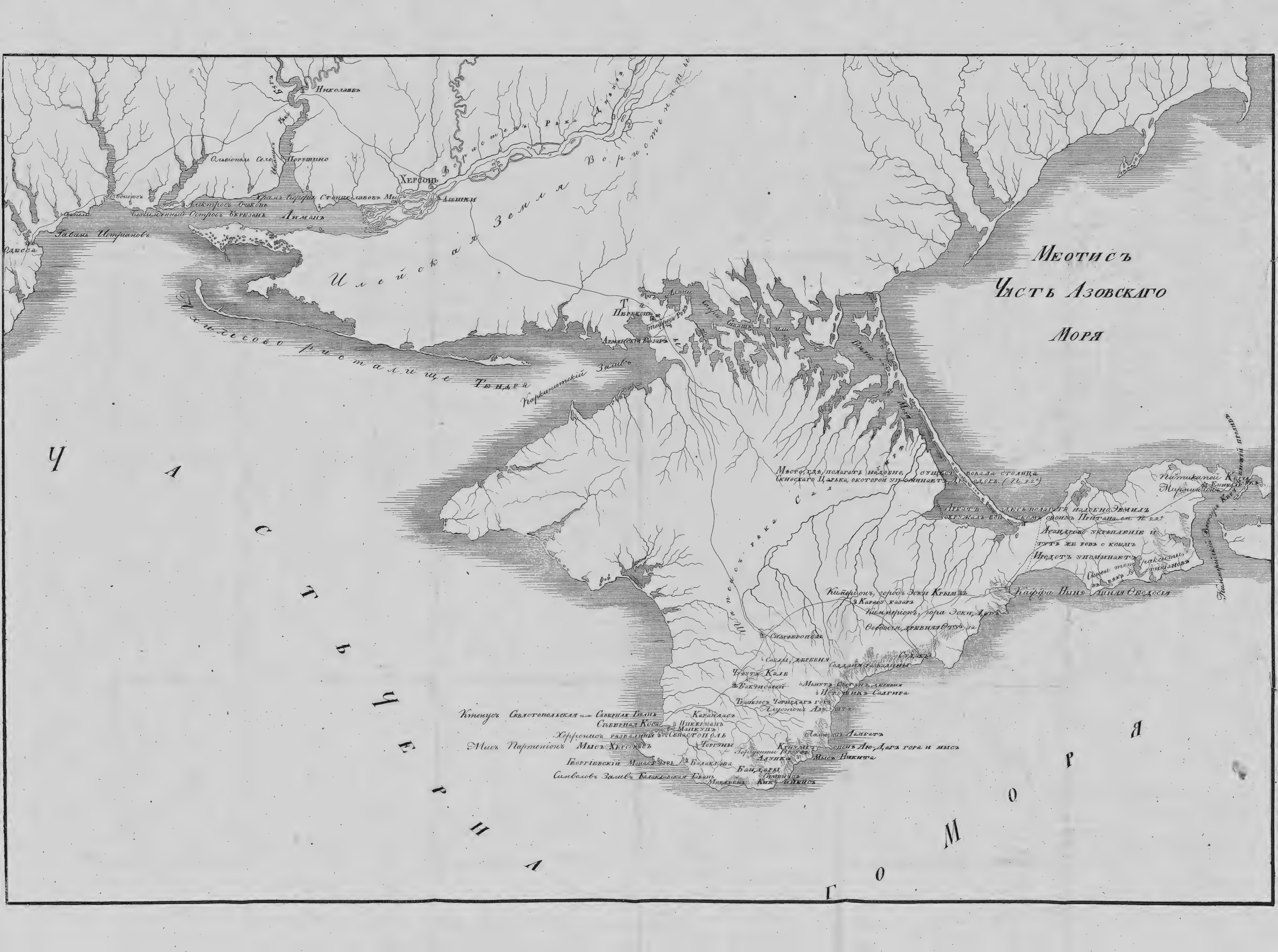
Si qua meis fuerint, ut erunt, vitiosa libellis.

Excusata, suo tempore, lector, habe.

Муравьевъ-Апостолъ.

Хомутецъ.

Іюня 16го дня 1823 года.

Николаевъ
Бугъ
Рѣка
Ипанисъ
Ольвiополь Село
Порутино
Херсонъ
Одиссосъ
Алектросъ Очаковъ
Храмъ Цереры
Станиславовъ Мысъ
Алешки
Безименный Островъ Березань
Лиманъ
Гавань Истріановъ
Одесса
Борисѳенъ Рѣка Днѣпръ
Борисѳениты
Илейская Земля
Ахиллесово ристалище Тендра
Каркинитскій Заливъ
Перекопъ
Тафросъ Ровъ
Армянскій Базаръ
Меотисъ
Часть Азовскаго
Моря
Мѣсто, гдѣ полагать надобно, существовала столица Скиѳскаго Царька, о которой упоминаетъ Діодоръ. (N. 22)
Здѣсь полагать надобно, Эмилъ окружалъ войскомъ своимъ Притана. см. N. 22
Асандрово укрѣпленіе и тутъ же ровъ о коемъ Иродотъ упоминаетъ
Пантикапей Керчь
Мирмикіонъ
Еникале
Киммерійскій Восфоръ Керченскій проливъ
Кафа Нынѣшняя Ѳеодосія
Карасу базаръ
Симферополь
Судакъ
Салы, деревня
Солдайя развалины
Чуфутъ Кале
Бакчисарай
Мамутъ Султанъ, деревня
Источникъ Салгира
Трапезосъ Чатырдагъ гора
Алустонъ Алушта
Ктенусъ Севастопольская или Северная Гавань
Сѣверная Коса
Караилась
Инкерманъ
Манкупъ
Херронисъ развалины
Севастополь
Мысъ Партеніонъ
Мысъ Херсонесъ
Чоргуны
Алупка
Мысъ Никита
Георгіевскій Монастырь
Балаклава
Байдары
Символовъ Заливъ
Балаклавская Гавань
Мердвень
Кикинеисъ
Часть Чернаго Моря

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО ТАВРИДѢ.

ПИСЬМО Iе.

Одесса 11. Сентября 1820 года.

Наконецъ желаніе мое, давнишнее, пламенное желаніе посѣтить Таврическій Полуостровъ, кажется начинаетъ исполняться. Я говорю *кажется*, потому что до сихъ поръ судьба противилася намѣренію моему. Сколько разъ я до сего ни сбирался въ Крымъ, всегда случалися помѣхи; такъ что я и теперь боюсь какого нибудь неожиданнаго препятствія. Однако же коляска моя уже подвезена и чрезъ часъ я пускаюсь въ путь. Послѣднія минуты моего здѣсь пребыванія, вступленіе мое къ путешествію, я тебѣ другъ мой, посвящаю: ты на это право имѣешь неоспоримое; ибо я отправляюсь въ тотъ край, гдѣ нѣкогда въ Храмѣ дружества курился Ѳиміамъ въ честь Ореста и Пилада.

Ты конечно будешь пенять мнѣ, что я ничего не писалъ къ тебѣ объ Одессѣ. Да послужитъ мнѣ предъ тобою извиненіемъ, признаніе мое въ томъ, что я страстно люблю Одессу. А какъ расказамъ влюбленнаго о любезной худо вѣрится, такъ лучше и мнѣ прейти въ молчаніи прелести, которыя, статься можетъ, говорятъ только сердцу моему, а не иннаго. Самъ побывай здѣсь; посмотри на море; покупайся въ немъ; полюбуйся благотворнымъ движеніемъ торговли, сей волшебницы, превращающей пустыни въ вертограды, созидающей Пальмиру посреди степи (1.); особливо поживи, какъ я, на прекрасномъ Хуторѣ К.... и тогда ты узнаешь, что такое значитъ отрада и спокойствіе Алкіоновыхъ дней.

Во время путешествія моего я буду писать къ тебѣ исправно; но дневныхъ, путевыхъ записокъ, отъ меня не ожидай; я буду говорить тебѣ только о томъ, что покажется мнѣ достойнымъ любопытства твоего.

(1.) Пальмира обязана была цвѣтущимъ состояніемъ своимъ торговлѣ, ибо она лежала на пути Карavановъ изъ Индіи въ Тиръ и прочіе Финикійскіе Приморскіе города.

Какъ любителю ученія древностей, я буду сообщать тебѣ мои о нихъ соображенія, догадки, бреды; ты изъ всего выберешь то, что можетъ быть не вовсе будетъ недостойнымъ вниманія. И такъ, дабы теперь же сдѣлать начало, я скажу тебѣ, что новую нашу Одессу я полагаю не на томъ мѣстѣ, гдѣ древняя стояла; и основываю догадку мою на Периплѣ Арріановомъ и *Безъ-именнаго*, который не иное что, какъ превращенная въ прозу Географическая поэма Скимна Хійскаго.

Въ Стадіазмѣ сего послѣдняго Перипла, то есть, въ измѣреніи разстояній на стадіи, сказано:„ отъ рѣки Ворисшена до маленькаго, „пустаго, безъ-именнаго Острова 60 стадій; „отъ сего Острова до Одисса 80 стадій; отъ „Одисса до мѣстечка Скопелы 160 стадій; отъ Скопелъ до Гавани Истріяновъ 90 стадій (2.)." Если бы можно было отгадать, что

(1.) Peripl. anonym. По немъ разстояніе отъ Ворисшена до гавани Истріяновъ 390 стадій. Полагая 5 ст. на одну версту, сумма 390 ст. будетъ равна 78 верстамъ, что точно соотвѣтствуетъ разстоянію отъ устья Днѣпровскаго Лимана между Кинбурномъ и Очаковымъ до Одессы. — См. Будищева Меркаторскую карту Чернаго и Азовскаго морей.

именно разумѣли Арріанъ и Безъ-именный, сказавъ: *отъ рѣки Ворисшена*, тогда бы удобнѣе было съ точностію опредѣлить мѣсто, гдѣ стоялъ Одиссъ. Нельзя полагать, чтобы они измѣряли отъ Станиславова мыса, гдѣ подлинно кончится Днѣпръ, и начинается общій его съ Бугомъ Лиманъ: ибо тутъ ни какого нѣтъ острова въ 60 ст. разстоянія; слѣдственно остается принять за основаніе Очаковъ, гдѣ кончается Днѣпровскій Лиманъ; и тогда мы дѣйствительно найдемъ къ западу отъ Устья и точно въ 60 ст., то есть, около 12 верстъ, маленькой и до сихъ поръ необитаемый, только что не безъ-именный островокъ Березань или Аду. По сему послѣднему предположенію, Одиссъ находился на *Делигульскомъ Лиманѣ*; Скопелы на Межеликѣ; а наша Одесса стоитъ на Гавани нѣкогда Истріянамъ принадлежавшей.

Я сажусь въ коляску; прощай!

ПИСЬМО 2е.

Село Порушино.

Пространная набережная площадь, коей полуовальный видъ имѣетъ основаніемъ широкую рѣку, а дугою высокую гору; — огромный храмъ, стоящій на краю утеса, надъ самою срединою площади; — зданія отъ храма сего на обѣихъ сторонахъ по хребту горы до рѣки простирающіяся: — вотъ что представляется мнѣ, стоящему между столповъ помянутаго храма, фасадою къ рѣкѣ обращеннаго. Обхожу на другую противоположную сторону зданія и вижу предъ собою городъ, стѣною обнесенный; за нимъ нѣсколько башень на большомъ пространствѣ разсѣянныхъ и между ими пустыри, признаки раззоренія. — Гдѣ я очутился?... Не вѣдаю. — Любопытство влечетъ меня къ подошвѣ горы, на площадь множествомъ народа покрытую. По обѣимъ сторонамъ храма, два соотвѣтствующіе другъ другу спуска ведутъ къ оной: я схожу и сквозь толпу пробираюсь къ набережной, устланной широкими четвероугольными плитами. Какое движеніе! Какая дѣятельность на пристани!

Суда причалены стоятъ въ два и три ряда, отъ одного конца набережной до другаго: здѣсь палубы насыпаются пшеницею; тамъ изъ кораблей выкачиваются бочки съ винами, выгружаются огромныя кипы съ товарами. Между тѣмъ какъ пораженный столь удивительнымъ и неожидаемымъ посреди дикой степи явленіемъ, я стою въ изумленіи, подходитъ ко мнѣ человѣкъ среднихъ лѣтъ, важной осанки и ласково привѣтствуя меня, говоритъ: ты если я не ошибаюсь, заѣзжій сюда путешественникъ, коего любопытство влечетъ далѣе на Востокъ, можетъ быть посѣтитъ Тавриду, о которой столько говорятъ и такъ мало знаютъ. — Я утвердилъ незнакомца въ его мнѣніи о себѣ, и онъ продолжалъ: я такой же странникъ какъ и ты. Оставивъ родину мою... по нѣкоторымъ непріятнымъ для меня обстоятельствамъ... захотѣлось мнѣ употребить въ пользу любопытства, время произвольнаго моего отсутствія изъ отечества, и для того я посѣщалъ берега, нѣкогда Царству Лидійскому принадлежащіе; осматривалъ Троаду; и хотя не вѣрю осадѣ Иліона (1.), но съ удо-

---

(1.) Ὑπὲρ τοῦ Ἴλιου μὴ ἁλῶναι. Dion. Chrys. orat. IX.

вольствіемъ наблюдалъ мѣста увѣковѣченныя творческимъ воображеніемъ Омира; видѣлъ Мисянъ одноплеменныхъ съ Европейскими Тракіянами (2); видѣлъ въ Витиніи гробницу, а въ Понтѣ колыбель двухъ жесточайшихъ враговъ Рима (3); чрезъ Колхиду прибылъ въ Севастополь, нѣкогда городомъ Діоскуровъ называемый; оттоль проѣхавъ чрезъ страну Синдовъ, въ Фанагорію, переплылъ чрезъ Воспоръ и прибылъ въ Пантикапей, Столицу Царей Воспорскихъ, присяжниковъ Рима; объѣхалъ весь Скиѳскій полуостровъ; и наконецъ чрезъ Тафры и страну Илейскую, прибылъ къ берегамъ Ворисѳена, переправился чрезъ Сѣверный Нилъ (4.) и теперь на пути моемъ въ страну Гетовъ, нахожусь здѣсь, въ Ольвіополѣ... — Въ Ольвіополѣ! — вскричалъ я, перебивъ рѣчь его. — Такъ, это Ольвіополь! этотъ знаменитый торговлею городъ, *средоточіе Скиѳскаго приморія!* — (5.) Точно такъ, отвѣчалъ мнѣ

(2.) Strabo Lib. VII. Cap. 3. § 2.

(3.) Ганнибала и Митридата

(4.) т. е. Днѣпръ или Ворисѳенъ, котораго нѣкоторые изъ древнихъ называютъ *Сѣвернымъ Ниломъ.*

(5.) *τῦτο γὰρ* (Βορυσθενεϊτέων ἐμποριον) *τῶν παραθαλασσίων μεσαίτατόν ἐστι πάσης τῆς Σκυθίης.* Herod. Lib. IV. C. 17.

незнакомецъ; мы находимся въ Колоніи Іоній-цевъ, еще во время Мидійскаго Царства, Милитянами основанной. Но сколько она перемѣнилась противъ того, что была въ древности! Ты будучи на горѣ, конечно замѣтилъ пустыри, за городомъ, между башнями находящимися. Это печальные слѣды частыхъ разореній отъ воинственныхъ варваровъ, вокругъ Ольвіополя обитающихъ. Безпрерывныя почти съ оными войны, давно уже привели городъ сей въ упадокъ; но послѣдній ударъ, 150 лѣтъ тому назадъ, набѣгомъ Гетовъ ему нанесенный, столько былъ жестокъ, что городъ сей конечно и не возсталъ бы послѣ онаго, если бы сами Скиѳы того не пожелали. Какъ въ то же самое время и подъ ударами тѣхъ же Гетовъ, пали всѣ Эллинскія поселенія на правомъ берегу Эвксинскаго моря, даже до Аполлоніи (6.), то первымъ послѣдствіемъ сего раззоренія было совершенное прекращеніе торговли. Ни одно Эллинское судно неотваживалося болѣе плыть

(6.) Сего имени было много городовъ, но здѣсь рѣчь о Аполлоніи Тракійской, находившейся на берегу Чернаго моря.

къ берегамъ, на которыхъ уже не надѣялось находить друзей, Соплеменныхъ, одноязычныхъ! и Эвксинъ снова угрожаемъ былъ по справедливости назваться *Аксеномъ* (7.). Но вскорѣ такую перемѣну почувствовали и сами варвары, которые хотя презираютъ торговлю, однако же и обходиться безъ оной не могутъ; ибо наши вкусныя вина и тонкія ткани сдѣлалися уже для нихъ необходимою потребностію. Вотъ причина, по которой, какъ я полагаю, возникъ снова Ольвіополь, не тотъ, что въ древности процвѣталъ богатствомъ, людностью; но изнуренный, упадающій, однимъ словомъ тотъ, который мы видимъ передъ собою. Взгляни на отдаленныя башни, въ такомъ разстояніи одна отъ другой отстоящія: кто бы теперь подумалъ что они заключалися въ одномъ городѣ? Но такова подлинно была нѣкогда обширность древняго Ольвіополя. Теперь не осталося половины его; и что всего болѣе опечаливаетъ любителя художествъ, такъ это состояніе, въ коемъ варвары оставили статуи, памятники и вообще всѣ пред-

---

(7.) *Негостепріимнымъ* въ противность Эвксину *гостепріимному*.

меты искуствъ. Ты ни одного изъ нихъ не увидишь, который бы не былъ изуродованъ, другіе же и совсѣмъ истреблены. Проведя здѣсь часть лѣта, я безполезно старался отыскать бѣлаго Грифона, или другаго какого либо остатка, по которому бы могъ опредѣлить мѣсто, гдѣ стояли Скилисовы чертоги . . .

Незнакомый примѣтивъ, что я слушаю какъ человѣкъ не ясно понимающій расказы его о Грифонахъ и Скилисѣ, не хотѣлъ оставить меня далѣе въ недоразумѣніи и объясняясь такимъ образомъ: Иродотъ (8.) (продолжалъ онъ) повѣствуетъ о нѣкоемъ Скилисѣ, Царѣ Скиѳскомъ, который рожденъ будучи отъ матери Ольвіополитанки, и получивъ отъ нее воспитаніе не Скиѳское, до того пристрастился къ Эллинскимъ обычаямъ, что принявъ по смерти отца своего бразды правленія, часто скрывался одинъ въ стѣнахъ города сего, гдѣ недовольствуясь перемѣною одежды и обычаевъ, онъ даже женился на здѣшней Гражданкѣ и выстроилъ себѣ домъ въ изящномъ вкусѣ нашего зодчества. Такой образъ жизни его продолжался до тѣхъ поръ,

---

(8.) Herod. Lib IV CC. 78, 79, и 80.

пока скрывался подъ завѣсою тайны; но лишь только Скиѳы проникли оную, то и Скилисъ, подобно Анахарсису, палъ жертвою чужеземныхъ обычаевъ. Домъ его сгорѣвшій отъ громоваго удара, окруженъ былъ, по словамъ Иродота, Грифонами изъ бѣлаго камня изсѣченными: отъ сихъ-то Грифоновъ я ласкалъ себя открыть хотя одинъ обломокъ; но всѣ старанія мои остались до сихъ поръ безполезными.

Не удивляюся, сказалъ я, любопытству твоему и почитаю щастливыми тѣхъ, коимъ подобныя изысканія доставляютъ пріятныя и невинныя занятія; впрочемъ какъ странникъ, ты сего дня здѣсь, а завтра въ иномъ мѣстѣ найдешь пищу любопытству своему и судьба Ольвіополя съ твоею не сопряжена: но то, чему я надивиться не могу, такъ это безпечной дѣятельности этихъ самихъ Ольвіополитанцевъ, безстрашно упражняющихся въ промыслахъ, въ торговлѣ, какъ будто бы не были они окружены врагами, ни угрожаемы отъ нихъ нападеніемъ. — Ты еще болѣе удивишься, отвѣчалъ незнакомый, когда я скажу тебѣ что въ эту самую минуту, они подлинно въ ожиданіи набѣга варваровъ. Посмотри на

толпу насъ окружающую; ты не увидишь ни одного человѣка въ ней, который бы не былъ вооруженъ; ты замѣтилъ башни: на нихъ подняты знамена красныя, знакъ предстоящей войны; ибо не позже какъ вчера, Скиѳы нападали на передовыхъ стражей Ольвіополя, нѣкоторыхъ изъ нихъ побили, а другихъ увлекли за собою въ плѣнъ. Ни кто не можетъ поручиться здѣшнимъ жителямъ въ томъ, что бы сей день не былъ для нихъ послѣднимъ: не смотря на то, они точно такъ живутъ и упражняются въ обыкновенныхъ своихъ занятіяхъ, какъ будто бы ни какой опасности не подверженные. Таково свойство человѣка! Онъ любитъ пепелище свое; любитъ мѣсто, гдѣ съ младенчества привыкъ находить всѣ выгоды жизни, и никакія бѣдствія отвратить его отъ онаго не могутъ. Давно ли Везувій покрылъ золою два города, у подошвы его стоявшіе?— И сказываютъ, что уже начинаютъ селиться близъ дымящихся еще холмовъ, подъ коими сокрывалися на всегда Помпея и Геркуланъ. Такъ точно и Ольвіополь: ни безпрестанные набѣги варваровъ, ни конечное раззореніе, за полтораста лѣтъ его постигшее, не могли отвадить жителей онаго отъ мѣста, гдѣ предки

ихъ, чрезъ столько столѣтій, вкушали всѣ выгоды жизни, проистекающія отъ богатой, дѣятельной торговли; и гдѣ кажется, сама природа назначила быть узлу, взаимною пользою связующему варваровъ съ жителями просвѣщеннаго міра. Взгляни на мѣстоположеніе города сего: видишь ли вдали, по ту сторону, вправо, синѣющійся берегъ? Это мысъ Ипполай (9.), подобно корабельному носу остроконечный; на немъ стоитъ Храмъ, Керерѣ посвященный и около него сливаются Ворисѳенъ съ Ипанисомъ (10.) и составляютъ общій Лиманъ (11.). Отсель до моря считается около двухъ сотъ стадій; и тамъ гдѣ оканчивается этотъ самый берегъ, на которомъ мы стоимъ, находится приморскій городъ Алектросъ (12), принадлежащій, какъ говорятъ,

---

(9.) Станиславовъ мысъ. — Вся Топографія сія, удивительной точности какъ въ Діонѣ, такъ и въ Иродотѣ.

(10.) Съ Бугомъ.

(11.) *ἀγχοῦ τε δὴ θαλάσσης ὁ Βορυσθένης ῥέων γίνεται, καὶ οἱ συμμίσγεται ὁ Ὕπανις ἐς τωὐτὸ ἕλος ἐκδιδούς. τὸ δὲ μεταξὺ τῶν ποταμῶν τουτέων ἐὸν ἔμβολον τῆς χώρης Ἱππόλεω ἄκρη καλέεται· ἐν δέ αὐτῷ ἱρὸν Δημητρος ἐνίδρυται.* Herold. Lib. IV. C. 53.

(12.) Очаковъ. — Н. М. Карамзинъ, говоря о заложеніи крѣ-

супругѣ Савроматскаго Царя. Ты самъ долженъ согласиться, что мѣсто, гдѣ соединяются такія рѣки, каковы Ворисѳенъ и Ипанисъ, есть удобнѣйшее для обмѣннаго торга съ варварами. Сюда привозятъ земледѣльцы Скиѳы (13.) пшеницу свою; рыбаки осетровъ, коими столько изобилуетъ Ворисѳенъ (14.); прочіе варвары, звѣриныя кожи, мѣха, медъ, воскъ и въ замѣну получаютъ сукна, разныя издѣлія промышленности, а особливо вина, которыя и Скиѳы научилися уже предпочитать своему заквашенному кобыльему молоку. Утвердительно сказать можно, что нѣтъ ни одного Эллинскаго поселенія на берегахъ Эвксинскаго моря, которое соединяло бы столько выгодъ для обмѣннаго торга какъ Ольвіополь сей, неправильно нами названный *городомъ Ворисѳенитовъ*, и потому только такъ названный, что рѣка, по которой мы дали

посши сей Крымскимъ Ханомъ Менгли Гиреемъ, упоминаетъ при томъ, что она была основана *на какихъ-то-развалинахъ*. Ист. Г. Рос. томъ VI. стр. 222, 1 изд.

(13.) Земледѣльцы-Скиѳы обитали на берегу Днѣпра, въ нынѣшней Екатеринославской Губерніи.

(14.) Иродотъ, описывая Днѣпръ, говоритъ между прочимъ о *безкостной* большаго рода рыбѣ, которую онъ называетъ *Антакеемъ*.

ему это имя, извѣстнѣе намъ нежели Ипанисъ, на коей онъ подлинно стоитъ. Возьми Иродота, прочти Мелпомену его, гдѣ онъ говоритъ о мѣстахъ сихъ; ты увидишь съ какою вѣрностію онъ ихъ описываетъ. Впрочемъ можно ли усумниться въ точности отца Исторіи, который самъ посѣщалъ эти мѣста и описывалъ то, что самъ видѣлъ; не такъ какъ прочіе, каковы Мела, Плиній и многіе другіе, которые не бывъ сами на Сѣверныхъ берегахъ Понта, писали о нихъ по наслышкамъ, по преданіямъ; отъ чего болѣе затьмили и запутали свѣденія о такъ называемой *малой Скиѳіи*, нежели дали о ней ясное понятіе.

Между тѣмъ какъ онъ такъ говорилъ, проѣхалъ верхомъ по площади молодой человѣкъ, коему въ слѣдъ незнакомецъ мой закричалъ: Каллистратъ! Постой! остановись! — Но Каллистратъ поднялся на гору, не слышавъ зова и скрылся изъ вида. Тогда товарищъ мой, обратившись ко мнѣ, продолжалъ такимъ образомъ: Этотъ Каллистратъ, прелестный Юноша, любимецъ соградждан своихъ Ольвіополитанцевъ и заслуживаетъ любовь. Ему не болѣе 18 лѣтъ отъ роду, и онъ успѣлъ уже отличиться на войнѣ противъ Савроматовъ, изъ

коихъ нѣкоторые пали отъ ударовъ его, другіе достались ему въ плѣнъ. Красота лица, ловкость, вѣжливость, все въ немъ плѣняетъ и все обнаруживаетъ Іонійское его происхожденіе, особливо прилежаніе его къ Философіи и краснорѣчію. Онъ съ успѣхомъ въ нихъ упражняется и ни чего такъ не желаетъ, какъ быть сопутникомъ моимъ въ странахъ просвѣщенныхъ, дабы довершить чрезъ то образованіе свое. Впрочемъ надобно сказать, что и всѣ Ольвіополитанцы, не смотря на смѣшеніе ихъ съ варварами, сохранили еще чувство и вкусъ къ изящнему. Съ трудомъ повѣрить можно, до какой степени они пристрастны къ Омиру и къ воспѣтому имъ Ирою. Видишь ли этотъ храмъ? — Онъ посвященъ сыну Пилееву; и таковыхъ храмовъ здѣсь нѣсколько считается. Ахиллесу они какъ нѣкоторому Божеству покланяются, а Омира чтутъ на ровнѣ съ безсмертными. Правда, что нарѣчіе его въ устахъ ихъ поисказилося и здѣсь уже не такъ чисто выговариваютъ по Эллински (что впрочемъ иначе и быть не могло, по причинѣ безпрерывнаго ихъ обращенія съ варварами), но Иліаду они всѣ знаютъ на изусть; Омиръ у нихъ безпрестанно на

языкѣ; идутъ ли на сраженіе, они поютъ стихи его, такъ точно какъ Спартанцы пѣвали Тиртеевы; и сохрани Богъ! кого нибудь замѣтить недостатокъ или слабое мѣсто въ пѣвцѣ Ахиллеса и Одиссея.

Едва окончена была рѣчь сія, какъ мы увидѣли Каллистрата спускающагося на площадь. Не доѣзжая до толпы, онъ остановился, отдалъ лошадь свою конюху, самъ пошелъ прямо къ намъ. Поступь, осанка, видъ его могли бы послужить образцами Греческому Художнику; что же касается до одежды его, то она показалась мнѣ вовсе не Іонійскою: шаравары, полукафтанье, препоясанное палашемъ, конными воинами употребляемымъ; накинутая на плеча короткая черная епанча, похожая на извѣстныя намъ *бурки*; таковъ былъ нарядъ его, общій съ прочими туземцами Я замѣтилъ это товарищу моему; онъ мнѣ отвѣчалъ: неудивляйся, что поклонники Ахиллеса и самые усердные почитатели Омира, боготворители его, заимствовали нарядъ свой отъ сосѣдственныхъ народовъ; климатъ и особливо безпрерывная война на конѣ, къ тому ихъ понудила. Что же касается до черной епанчи, то эта часть ихъ одѣянія есть по-

чти общая всѣмъ Скиѳамъ; и я увѣренъ, что по этой единственно причинѣ мы называемъ одно изъ племенъ ихъ *Меланхленами* (15.)

Между этимъ разговоромъ подошелъ къ намъ Каллистратъ.— Здравствуй Діонъ! здравствуй нашъ гость дорогой, почтенный Златоустъ (*)! — *Златоустъ?..* — а! а! (смѣкнулъ я себѣ на умѣ), товарищъ мой, конечно изъ числа этихъ *почтенныхъ* Софистовъ — краснобаевъ, которые разъѣзжая по Греческимъ городамъ, щеголяютъ предъ народомъ на площадяхъ краснорѣчіемъ своимъ. Я не ошибся въ заключеніи моемъ. — Что слышно о войнѣ? спросилъ Діонъ. — Я выѣзжалъ за городъ, отвѣчалъ Каллистратъ; всходилъ на башню: все тихо и спокойно; передовая стража наша, внезапнымъ вчерашнимъ нападеніемъ напуганная, не дремлетъ; но о Скиѳахъ слуха нѣтъ;

(15.) *Черноризцами.* — Отъ словъ μέλας, черный и χλαῖνα риза.

(*) Діонъ Хризостомъ, Греческій Ораторъ и Софистъ, жившій при Неронѣ, Веспасіянѣ и Домиціанѣ. Его мало свѣдущіе въ Исторіи смѣшиваютъ иногда съ жившимъ въ послѣдней половинѣ IV.го и въ началѣ V.го вѣка Св. Іоанномъ, Архіепископомъ Константинопольскимъ, имѣющимъ предпочтительное право на названіе Златоустаго, которое дано ему Церковію.

въ которую сторону они ушли, неизвѣстно. Увидѣвъ, что во мнѣ теперь тамъ нѣтъ нужды, я возвратился; и какъ слуга мой сказалъ мнѣ, что онъ проѣздомъ здѣсь примѣтилъ тебя на площади, то я поспѣшилъ сюда, дабы насладиться слушаніемъ рѣчей твоихъ. — Вотъ, сказалъ Діонъ, обратившись ко мнѣ, вотъ достойное Эллиновъ отродіе! Война виситъ у нихъ на носу, но они забываютъ о всѣхъ угрожающихъ опасностяхъ для того, чтобы послушать кое что отъ человѣка, которому искуство витійства не чуждо. Такъ точно Аѳиняне, на канунѣ погибели своей, толпилися на площади, не столько для того, чтобы заняться умыслами Филиппа противъ нихъ, какъ состязаніемъ въ краснорѣчіи Димостина съ Эсхиномъ. — Такъ говорилъ Діонъ, а я себя на умѣ: и того еще похожее на жителей Византіи, стекавшихся слушать пустыя прѣнія о непонятномъ и уму человѣческому не подлежащемъ, между тѣмъ какъ стѣнобойни варваровъ громили городскія укрѣпленія.

И въ самомъ дѣлѣ окружила насъ несмѣтная толпа, изъ коей многіе голоса вдругъ закричали: *Златоустъ*! Утѣшь насъ! Поговори о чемъ нибудь! — О чемъ же я буду говорить?

О чемъ хочешь. — Тогда изъ средины толпы выступилъ человѣкъ пожилой по имени Росонъ, и сказалъ ему: мы, Діонъ, худо понимаемъ всѣ эти утонченія Философіи, которыми вы теперь славитесь; для насъ, какъ ты самъ знаешь, одинъ на свѣтѣ поэтъ - Омиръ; и для не многихъ изъ насъ, изъ числа коихъ я, одинъ только Философъ - Платонъ . . . — Странные вы люди! воскликнулъ Діонъ, перебивъ рѣчь его: у васъ только одинъ Омиръ на умѣ да и полно. Ну! что вы скажете мнѣ о Фокилидѣ?— О Фокилидѣ твоемъ, возразилъ Каллистратъ, ни кто изъ насъ и не слыхивалъ; а въ Омирѣ мы всѣ чтимъ пѣвца Ахиллесова выше всѣхъ пѣвцовъ и почитаемъ въ немъ по превосходству поэта. — Почитайте въ немъ кого хотите, продолжалъ Діонъ; но для чего же исключительное такое почтеніе? Къ вамъ привозятся разныя вина; вы не отвѣдавъ ихъ прочь отъ себя не отсылаете: для чего же отвергать Фокилида и его сперва *не отвѣдавъ*? Увѣряю васъ, что въ двухъ стишкахъ его иногда болѣе смысла, нежели во всѣхъ этихъ прыжкахъ Ахиллесовыхъ, въ этомъ крикѣ его, которымъ однимъ онъ опрокидываетъ цѣлые ряды Троянъ ...—Послушай Діонъ! сказалъ Каллистратъ, пре-

рвавъ рѣчь его и пылая гнѣвомъ; мы всѣ въ тебѣ уважаемъ гостя и почитаемъ превосходнаго Витію, иначе бы!... Онъ замолкъ; и Діонъ улыбаясь продолжалъ: не сердись, любезный Каллистрапъ; я и въ мысляхъ не имѣю оскорблять столь высоко чтимаго тобою Омира; да и гдѣ мнѣ взять такіе доспѣхи, съ коими бы я могъ вступить въ сраженіе съ убійцею Экпора? Нѣтъ; я не имѣю ни силы ни дерзости Эврипа (16.) и желаю подолѣе его пожить на землѣ. Успокойся же; будетъ всему время; я отдамъ должную справедливость творцу Иліады: но чтобы намъ теперь помѣшало побесѣдовать о двухъ стишкахъ Фокилидовыхъ, въ коихъ такъ кратко и хорошо сказано: *что небольшой уголокъ земли, но мудро управляемый, предпочтителенъ пространной Нинивіи безумцами населенной?* (17.).— Охотно! Охотно! вскричала толпа слушателей. — Постойте же! Сказалъ Діонъ; ежели я буду

(16.) Odyss. Lib VIII- vers. 226.

(17.) *καὶ τὸ δε Φωκυλίδου· πόλις ἐν σκοπέλῳ κατα κοσμον οἰκεῦσα σμικρή, κρείσσων Nίνου αφραινούσης.* Dion. Or. Borysthenica.

говоришь здѣсь, ходя взадъ и впередъ по набережной, то позади идущіе не услышатъ словъ моихъ, да сверхъ того тѣснясь и толпясь впередъ, обезпокоютъ и себя и другихъ: не лучше ли намъ идти въ такое мѣсто, гдѣ бы рѣчь моя была каждому слышна и внятна? — Пойдемъ! воскликнули всѣ, пойдемъ въ ограду Зевсова Храма . . . — и двинулась толпа. Въ переди оной шли Діонъ съ Каллистратомъ, я за ними! мы взошли на гору; остановились у храма, о которомъ я прежде говорилъ и гдѣ обыкновенно собираются на совѣщаніе городскіе старшины. Тутъ почетные граждане сѣли на ступеняхъ огромнаго крыльца, вокругъ коего оступила толпа слушателей. Діонъ сталъ на срединѣ помоста, Каллистратъ подлѣ него; я недалеко отъ нихъ. Удивительно было видѣть, съ какимъ вниманіемъ народъ вперилъ взоры свои на Оратора, и казался готовымъ глотать ушами слова его. Діонъ подошедъ ко мнѣ, сказалъ, указывая на собраніе: посмотри на эту картину; и Омиръ бы узналъ въ ней своихъ *брадатыхъ Ахеевъ!* — Въ самомъ дѣлѣ во всей многолюдной толпѣ сей, одинъ только человѣкъ отличался отъ прочихъ обритою бородою. Я это замѣтилъ

Діону, но Каллистратъ вмѣшавшись въ рѣчь нашу, отвѣчалъ мнѣ: этотъ голобородой, котораго ты видишь, не для чего инаго отличается отъ прочихъ сограждань своихъ, какъ только изъ подлаго угожденія Римлянамъ, которымъ онъ, даже и бородою своею, хочетъ показать рабское свое подобострастіе; и по этой причинѣ онъ въ такомъ у насъ презрѣніи, въ каковомъ не бывалъ и Терситъ въ станѣ Агаменоновомъ. — Тутъ Діонъ далъ намъ знакъ рукою, что онъ готовъ начинать рѣчь свою и . . . я проснулся въ Порутинѣ, въ домѣ добраго управителя, радушно угощающаго посѣтителей мѣста, гдѣ нѣкогда процвѣтала Ольвія. —

Вотъ тебѣ, любезный другъ, сонъ мой. Ты конечно скажешь, что онъ долговатъ, — согласенъ; можетъ быть найдешь, что онъ не много бредомъ пахнетъ, — и это дѣло возможное: но когда судьба Ольвіи по видимому такова, что бы о ней бредили, не только новѣйшіе, но и древніе, то для чего бы возбранно было и мнѣ въ очередь свою побредить; хотя впрочемъ могу увѣрить тебя, что все то, что мнѣ грезилось о ней, взято мною изъ Діона Хрисостома, коего повѣствованіе я почитаю лю-

бопытнѣйшимъ изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ о семъ городѣ, въ послѣднемъ періодѣ его бытія (18). Ворисѳенская рѣчь Діонова, есть драгоцѣнное для насъ произведеніе, по мѣстнымъ и прочимъ въ ней подробностямъ, безъ всякаго сомнѣнія доказывающимъ, что Ораторъ описывалъ Ольвію не воображеніемъ, но какъ очевидецъ. А я, такой же очевидецъ, описывающій тебѣ, не городъ, а прахъ онаго, могу утвердительно сказать, что если бы и Діонова Рѣчь не дошла до насъ, то достаточно было бы одного Иродота, для рѣшительнаго заключенія, что Ольвія стояла на Бугѣ, а не на Днѣпрѣ. Теперь уже и мѣстоположеніе оной не есть проблема: отрытыя здѣсь мраморныя доски съ надписями, основанія зданій, обломки Статуй, урны и безчисленное множество медалей — все это служитъ уже не

(18.) Читатель проститъ мнѣ бредъ мой: я хотѣлъ помѣстить здѣсь все сказанное объ Ольвіи Иродотомъ и Діономъ и вмѣстѣ дать описанію моему живость драматическую; для сего я не могъ придумать другаго средства какъ только видѣть во снѣ то, чего на яву представить было не возможно. Въ концѣ Книги помѣщенъ переводъ отрывка изъ Діоновой рѣчи, Borysthenica Oratio XXXVI.

догадками, а математическими доводами къ тому, что Ольвія подлинно стояла на самомъ томъ мѣстѣ, которое здѣсь называется *Стомогильнымъ Урочищемъ*. Открытіемъ симъ однако же мы обязаны слѣпому случаю: Управителю села Порутина, который отрывъ урну съ медалями, поступилъ съ нею (и спасибо ему за то) такъ какъ Эзоповъ пѣтухъ съ жемчужиною (19) — отправилъ ее къ помѣщику своему. Безъ сего мы и до сихъ поръ не имѣли бы яснаго понятія о мѣстоположеніи города сего; ибо древніе Географы, хотя имѣли Иродота въ рукахъ и повѣствовали о Ольвіи въ такое время, когда она еще существовала, если не въ цвѣтущемъ состояніи, то по крайней мѣрѣ, извѣстнымъ торговымъ городомъ, составили о ней описанія до того ложныя и запутанныя, что новѣйшіе изыскатели, слѣдуя по нещастію имъ и оставивъ надежнѣйшаго путеводителя Иродота, пустилися искать города сего на Днѣпровскихъ берегахъ и вез-

(19.) Un jour un coq détourna
Une perle qu'il donna
Au beau premier lapidaire. — La Font.

Такъ ли помѣщикъ поступилъ съ нею какъ должно Ювелиру — мнѣ это не извѣстно.

дѣ, кромѣ того мѣста, гдѣ онъ подлинно существовалъ и которое такъ вѣрно означено Иродотомъ. — Страбонъ ставитъ его именно на Днѣпрѣ (20); П. Мела вмѣсто одного города щитаетъ два: Ворисѳенъ и Ольвіополь (21.); — Плиній, слѣдуя Страбону, ставитъ его такъ же на Днѣпрѣ и говоритъ, что онъ въ древности назывался Ольвіополемъ и Мелитополемъ (22.); Птолемей, повторяетъ ту же ошибку (23); однимъ словомъ, всѣ, изключая Скимна Хійскаго и послѣдователя его Безъименнаго Автора Перипла (24.) описыва-

---

(20.) *πλεύσαντι τὸν Βορυσθένη ςαδίϐς διακοσίϐς ὁμώνυμος τῶ ποταμῶ πόλις, ἣ δ' αὐτή καὶ Ὀλβία καλεῖται μέγα ἐμπορεῖον.* Strab. p. 306.

(21.) Borysthenes, (flumen), secundum Borysthenida et Olbiam, graeca Oppida, egreditur. P. Mela. Lib. II. Cap. 1.

(22.) Borysthenes flumen, lacusque et gens eodem nomine et Oppidum a mare recedens 15 M. pass. Olbiopolis et Melitopolis antiquis nominibus. — Plin. Lib. IV. Cap. 5.

(23.) *Περὶ δὲ τὸν Βορυσθένην ποταμὸν — Ὄλβιας καὶ Βορυσθενὶς.* Ptolem. Lib. III. Cap. 5.

(24.) *Τῶν δυσὶ ποταμῶν συμβολαις ἐςὶ πολις Κτιθεισα, πρότερον Ὄλβια καλϐμένη.* — Scymn. Ch. *Ἐπί δὲ καθ' Ὑπάνην καὶ Βορυσθένην συμβολαῖς, ἐςι κτιθείσα πόλις πρότερον μὲν Ολβια Σαυία καλϐμένη, μέτα δὲ*

ютъ Ольвію безъ основательнаго о положеніи ея понятія. Какія же бы тому могли быть причины? я ихъ нахожу двѣ: первая, что никто изъ помянутыхъ Географовъ не былъ самъ на мѣстѣ; вторая, что всѣхъ ихъ обмануло названіе города *Ваористенъ*; чему яснѣйшимъ доказательствомъ служатъ слѣдующія Діоновы слова: „ городъ сей хотя и получилъ на„званіе свое отъ Ворисена, по причинѣ кра„соты и величины рѣки сей, однако же онъ „подлинно стоитъ на Ипанисѣ, на самомъ томъ „мѣстѣ, гдѣ и прежде стоялъ на супротивъ, „но по выше не много мыса Ипполая" (25)". —

ταῦτα ὑφ' Ἑλλήνων πάλιν Βορυσθένης κλειθεῖσα. Peripl. Anony. Хотя Ольвія и не стояла у самаго соединенія обѣихъ рѣкъ, но по выше не много, какъ именно говоритъ Діонъ, однако же описанія Скимна и Безъ-именнаго несравненно ближе всѣхъ прочихъ подходятъ къ истинѣ: по крайней мѣрѣ они уже ставятъ Ольвію у соединенія рѣкъ, а не на Днѣпрѣ. Что же касается до Эпитета Савія, коего кромѣ Безъ-именнаго никто Ольвіи не давалъ, то я признаюсь, что ничего въ немъ не понимаю и догадаться не могу, какому онъ языку принадлежитъ.

(25.) *Ἡ γὰρ πόλις (Βορυσθένης) τὸ μὲν ὄνομα εἴληφεν ἀπὸ τοῦ Βορυσθένους, διὰ τὸ κάλλος καὶ τὸ μέγεθος τοῦ ποταμοῦ. κεῖται δὲ πρὸς τῷ Ὑπανίδι, ἥ τε νῦν καὶ ἡ πρότερον οὕτως*

Если къ симъ словамъ вспомнить Иродотовы, что *они* (Бужскіе Греки) *сами себя называя Ольвіополитанцами, именуютъ Вористенитами народы обитающіе отъ нихъ за Вористеномъ* (26): то можно будетъ прибавить къ тому, что они никогда иначе и не называли себя, какъ только *Ольвіополитанцами*; ибо на тысячахъ монетъ ихъ, находящихся те-

---

ῳκεῖτο, ὃυ πολὺ ἄνωθεν τῆς Ἱππολαου καλουμένης ἄκρας, ἐν τῷ καταντικρὺ. Dion. Chrys. Bor.

(26.) *Ἀτὰρ διαβάντι τὸν Βορυςθένεα, ἀπὸ θαλάσσης πρῶτον μεν ἡ Ὑλαίη· ἀπὸ δὲ ταύτης ἄνω οἰκέουσι Σκύθαι γεωργοὶ. τους Ἕλληνες οἱ οἰκέοντες ἐπὶ τῷ Ὑπάνι ποταμῷ, καλέουσι Βορυσθενεῖτας, σφέας δὲ αὐτὲς Ὀλβιοπολίτας.* Herod Lib. IV. C. 18. Иродотъ говоритъ не о Грекахъ вообще, а именно о тѣхъ только, которые обитаютъ на берегахъ Буга, *Ἕλληνες, οἱ οἰκέοντες ἐπὶ τῷ Ὑπάνι ποταμῷ*, т. е. о *Ольвіополитанцахъ*. Они то, *Бужскіе Греки*, называютъ заднѣпровскихъ жителей, Скиѳовъ земледѣльцевъ, *Вористенитами*, а самихъ себя *Ольвіополитанцами, σφέας δέ αὐτὲς Ὀλβιοπολίτας.* Не говоря уже ни о чемъ другомъ, я спрашиваю: къ кому, въ простомъ Грамматическомъ смыслѣ, отнести *σφέας δε αὐτὲς*, какъ не къ *Ἕλλησι τοῖς οἰκέυσι ἐπὶ τῷ Ὑπάνι*? — Смыселъ весьма ясный, ни какому сомнѣнію не подверженный; но кото-

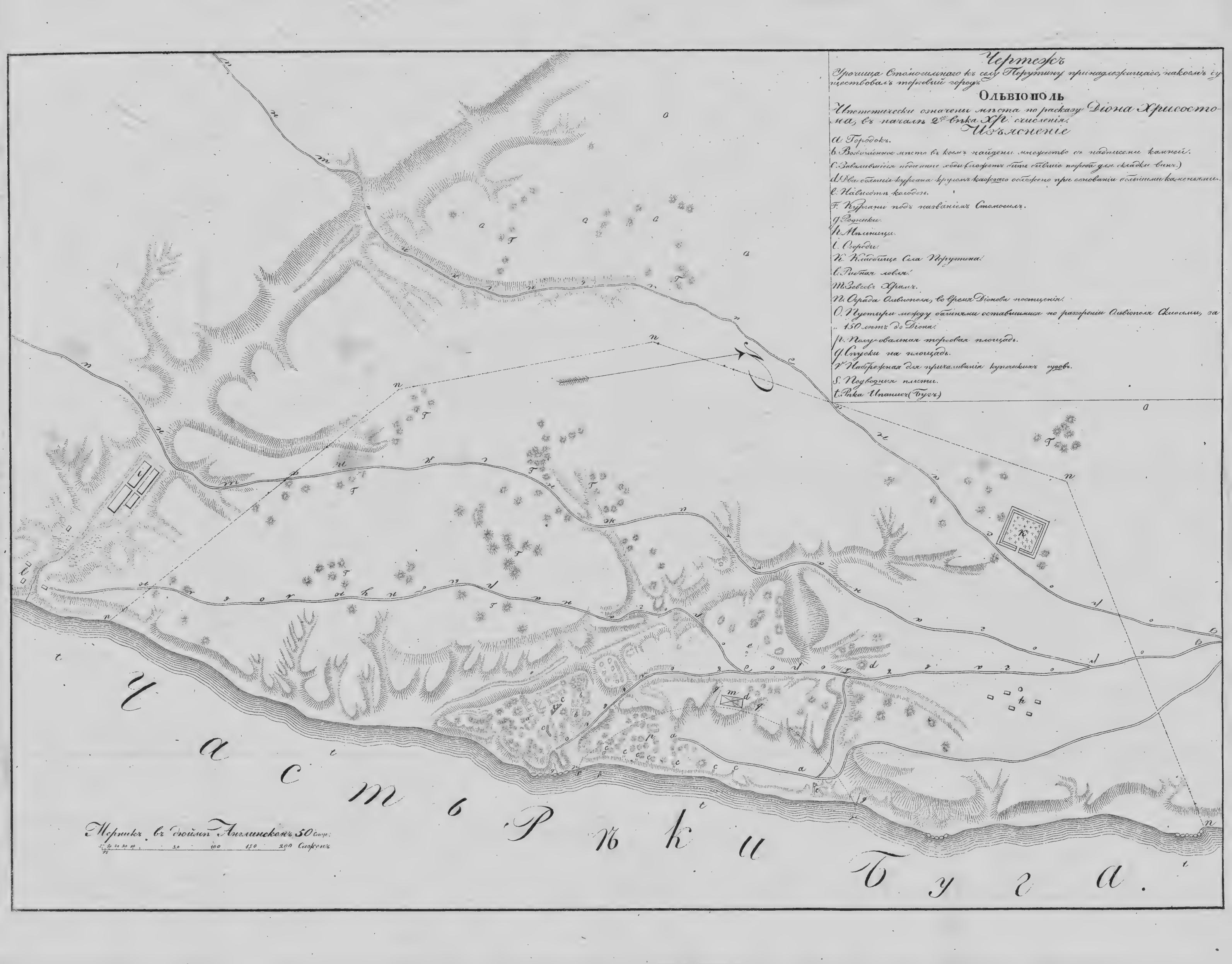
перь въ рукахъ Нумисматовъ, всегда одинъ и тотъ же знакъ ОΛВΙО, что значитъ сокращенно Ольвіополь; Ворисѳена же БОΡΥΣ никто и никогда невидывалъ.

Теперь отложивъ въ сторону сонъ и толкованіе на него, скажу тебѣ, другъ мой, что на пути моемъ изъ Одессы въ Николаевъ, я заѣхалъ сюда въ Порутино, иначе село Ильинское, своротивъ съ большой дороги на проселочную отъ станціи Янчыкракъ. Пріѣхавъ сюда поздно въ вечеру и вставъ рано по утру я цѣлый день посвятилъ на обозрѣніе мѣста гдѣ нѣкогда была Ольвія. Не буду говорить тебѣ объ *урочищѣ Стомогильномъ*, такъ названномъ по множеству разсѣянныхъ по немъ могилъ; не буду утверждать, что все это пространство нѣкогда занято было городомъ; или (что вѣроятнѣе) полагать отдаленнѣйшіе курганы *могилами* въ точномъ смыслѣ слова сего, а только ближайшіе, основаніями

рый исказили переводчики и толкователи, искавшіе принаровить слова Иродотовы къ ложнымъ понятіямъ, послѣдовавшихъ ему Землеописателей, ставившихъ Ольвію не на Бужскихъ а на Днѣпровскихъ берегахъ.

бывшихъ стѣны городской и башенъ, ибо и ближайшіе составляютъ окружность верстъ въ шесть и болѣе; — не буду опредѣлять мѣста, гдѣ были городскіе ворота, гдѣ стоялъ храмъ, Эскулапію посвященный; гдѣ Ахиллесовъ; не всѣ такъ щастливы, какъ Шатобріянъ, которому въ нѣсколько минутъ удалось опредѣлить мѣсто, гдѣ стояла Спарта: я ограничу описаніе мое однимъ только мѣстомъ, извѣстнымъ здѣсь подъ именемъ *Городокъ*, которое, по моему заключенію, изъ всѣхъ есть примѣчательнѣйшее,

Представь себѣ полу-овальную набережную площадь, окруженную высокою, вездѣ равною горою оканчивающеюся по обѣимъ концамъ мысами; представь себѣ на горѣ, надъ самою срединою площади, большую четвероугольную могилу; представь себѣ еще два спуска, по обѣимъ сторонамъ могилы и въ равномъ отъ оной разстояніи, ведущіе на площадь, — и тогда ты будешь имѣть понятіе о томъ, что здѣсь называется *Городокъ*. Теперь я спрошу тебя: если бы ты не въ воображеніи, а дѣйствительно стоя со мною на берегу рѣки, увидѣлъ, что гора какъ стѣна описываетъ *правильную* дугу; что на срединѣ

Чертежъ
Урочища Стоносильнаго къ селу Порутину принадлежащаго, накоемъ существовалъ торговый городъ
Ольвіополь
Ипотетически означены мѣста по раскасу Діона Хрисостома, въ началѣ 2го вѣка Хр. счисленія.
Изъясненіе
a. Городокъ.
b. Возвышенное мѣсто въ коемъ найдены множество съ надписями камней.
c. Завалившіеся подземные ходы (можетъ быть бывшіе погреба для складки винъ.)
d. Два большіе кургана кругомъ каждаго обложено при основаніи большими каменьями.
e. Навысотѣ колодезь.
F. Курганы подъ названіемъ Стоносилъ.
g. Родники.
h. Мѣльницы.
i. Огороды.
K. Кладбище Села Порутина.
l. Рыбная ловля.
m. Зевсовъ Храмъ.
n. Ограда Ольвіополя, во время Діонова посѣщенія.
o. Пустыри между башнями оставшимися по разореніи Ольвіополя Скиѳами, за 150 лѣтъ до Діона.
p. Полу-овальная торговая площадь.
q. Спуски на площадь.
r. Набережная для причаливанія купеческихъ судовъ.
s. Подводныя плиты.
t. Рѣка Ипанисъ (Бугъ.)
Часть Рѣки Буга.
Масштабъ въ дюймѣ Англинскомъ 50 саж:
5 40 30 20 10 50 100 150 200 Саженъ

оной или говоря съ математическою точностію: на той самой точкѣ, которая дѣлитъ дугу на двѣ равныя части, находится возвышеніе служившее основаніемъ зданію; что по обѣимъ сторонамъ возвышенія спуски, которые не смотря на осыпку земли, на рытвины потоками произведенныя, сохранили еще явные слѣды симметрической между собою соотвѣтственности: не сказалъ ли бы ты, что все это вмѣстѣ не можетъ быть дѣйствіемъ случайности? Я точно такое сдѣлалъ заключеніе; и что придало оному сугубую силу, такъ это самая площадь, которая и до сихъ поръ такъ мало потеряла своей равности, что весьма не многаго труда стоило бы сдѣлать ее совершенно оризонтальною. Это кажется довольно для признанія тутъ *дѣла рукъ человѣческихъ*: но если бы и этаго мало было, если бы оставалося въ тебѣ еще сомнѣніе, то сей часъ я скажу тебѣ то, что должно совершенно убѣдить тебя. Расхаживая взадъ и впередъ по берегу и мечтая о набережной Ольвіи, о пристани, о площади, на которой Діонъ встрѣтился съ Каллистратомъ, я спросилъ проводника моего: не случалось ли когда нибудь открывать на этомъ мѣстѣ плитъ? —

Какъ не случалось. Отвѣчалъ мнѣ *мужикъ-чичероне*, въ рѣкѣ не далеко отъ берега, много плитъ лежитъ, нѣкоторыя близко одна отъ другой; другія сплошь. Сказавъ это, онъ разулся и пошелъ въ воду. Отойдя не много отъ берега, онъ мнѣ кричалъ: *вотъ я стою теперь на плитѣ! Вотъ теперь сплошь иду по нимъ!* — Пощупай руками, сказалъ я ему; не найдешь ли дыръ по краямъ плитъ. Мой чичероне сталъ ощупывать и закричалъ: *есть баринъ, есть! Вотъ точно было тутъ желѣзо, которымъ связаны были плиты!..* — Если бы я нашелъ Этрурскую вазу, или даже бѣлаго Грифона, я не думаю, что бы такъ обрадовался находкѣ моей, какъ этому открытію, которое чрезъ сіи плиты, водою подмытыя и въ рѣку обрушившіяся, неоспоримо мнѣ доказало, что пристань и площадь Ольвіи были на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я видѣлъ ихъ во снѣ и полагаю на яву — въ *Городкѣ* (26.).

Послѣ этого торжества моего, скажу тебѣ, мой другъ, и о печальномъ впечатлѣніи Оль-

---

(26) Довольно странно и то, что здѣшніе мужики, какимъ то чутьемъ, прозвали это мѣсто *городкомъ*, гораздо прежде открытія урны съ медалями.

ніею во мигъ произведенномъ. Все изрыто здѣсь! все ископано! увы! Нѣтъ покоя и праху бѣдныхъ Ольвіополитанцевъ отъ потомства угнѣтавшихъ нѣкогда ихъ *варваровъ!* — Вмѣсто того что бы слѣдуя методѣ, систематически дѣлать ископанія, которыя безъ всякаго сомнѣнія довели бы до какого ни будь весьма любопытнаго открытія, здѣсь мужикъ, съ заступомъ идетъ куда ему заблагоразсудится *добывать денежекъ и горшковъ.* Разроютъ ли гдѣ могилу и найдутъ ли основаніе зданія; тутъ берутъ камень на строеніе, марморъ на известь; и отъ того, гдѣ ни ступишь здѣсь, то увидишь обломки камня или отбитые отъ урнъ ушки. Нельзя въ этой картинѣ безъ ужаса видѣть, что то, чего не успѣли истребить варвары, чего не успѣло и все-разрушающее время, то едва не довершила рука невѣжества (*)! —

(*) Это можетъ относиться къ прошедшему времени: уже Публикѣ извѣстно что Правительство не только приняло лучшія мѣры къ сохраненію древнихъ достопамятностей Тавриды отъ разрушенія и потери, но и положило издать описаніе рисунковъ Крымскихъ памятниковъ и древностей. Смотри въ No XI *журнала Департамента народнаго просвѣщенія* прошлаго

Можетъ быть ты полюбопытствуешь знать какъ отыскиваются здѣсь медали: — Онѣ ловятся какъ рыба; но еще вѣрнѣе того! ибо на рыбу не всегда бываетъ ловъ, а на медали здѣсь всегда. Мальчики съ решетами идутъ на рѣку; входятъ по поясъ въ воду; берутъ со дна песокъ, насыпаютъ его въ решета, трясутъ, промываютъ и — возвращаются домой съ пригоршнею медалей, а иногда и съ двумя. Это неминуемо удается каждый день и сдѣлалося промысломъ для здѣшнихъ поселянъ, которые часть находки своей отдаютъ управителю, а другую продаютъ любопытнымъ посѣтителямъ сего мѣста. Но и тутъ еще бѣда; они не читали басни Крылова *червонецъ;* и отъ того когда попадется имъ въ руки медаль, въ которой они по своему полагаютъ какое нибудь достоинство, то такъ ее вычистятъ кирпичемъ, что и солдатская пуговица ничего противъ нее.

На щетъ медалей сихъ не ожидай отъ меня ничего. Хотя и самъ начинаю собирать

1822 года третью статью въ которой напечатано Высочайшее повелѣніе Государя Императора отъ 4 Іюля того года о сохраненіи достопамятностей Тавриды (страницы 249 — 261.)

ихъ, но я до сихъ поръ еще ученикъ, *оглашенный* въ Нумисматикѣ; и такъ ты ни слова о нихъ не услышишь отъ меня, пока я, какъ говорится, не набью себѣ руки. Хочешь ли много любопытнаго узнать о нихъ? Поѣзжай въ Одессу и познакомься тамъ съ Г. Бларамбергомъ. Кромѣ того, что всегда выгодно знакомство съ человѣкомъ пріятнымъ и умнымъ, ты найдешь въ немъ истиннаго знатока, а въ собраніи его медалей, сокровище въ отношеніи къ Ольвіи. Сверьхъ сего онъ имѣетъ у себя доски съ надписями, урны, статуи и другія рѣдкости открытыя въ Порутинѣ, о которыхъ, надѣяться надобно, онъ самъ дастъ отчетъ просвѣщенной публикѣ. Я скажу тебѣ одно только замѣчаніе его на щетъ здѣшнихъ медалей, которое показалося мнѣ весьма любопытнымъ относительно къ немногимъ дошедшимъ до насъ историческимъ свѣденіямъ объ Ольвіи. Мы знаемъ, что городъ сей основанъ былъ Іонійскими Греками изъ Мелита, въ XXXI. Олимпіадѣ (665 л. до Р. Х.); политическая жизнь его, впрочемъ весьма скудная произшествіями, такъ же не во все безъизвѣстна намъ чрезъ повѣствованіе писателей, начиная отъ Иродота и до Діона. Изъ словъ

сего послѣдняго мы знаемъ, что за полтораста лѣтъ до него, т. е. около половины послѣдняго вѣка идолопоклонничества, Ольвія претерпѣла жестокое пораженіе отъ Гетовъ и не возстала бы вновь, если бы сами Скиѳы того не пожелали: но когда послѣдовало конечное паденіе ея, когда престала быть Ольвія, того мы не знаемъ, ибо о томъ ни какого преданія до насъ не дошло. Г. Б. полагаетъ, что существованіе Ольвіи пресѣклося около половины III. вѣка Христіанства; и вотъ причина, на коей онъ основываетъ заключеніе свое: Въ Кабинетѣ его находятся множество медалей служившихъ монетами независимому Ольвіополю, *Автоному*, собственными законами управляемому; Императорскихъ же медалей весьма не многое число и то начиная отъ Септима до Александра Севера. Но какъ позже сего послѣдняго и матери его Маммеи, ни одной медали здѣсь не нашлось, то по сему обстоятельству Г. Б. заключаетъ, что Ольвія пала невозвратно въ царствованіе Александра Севера, продолжавшееся отъ 222 по 235 годъ; и я нахожу заключеніе его весьма основательнымъ (27.): ибо въ

(27.) Изъ позднѣйшихъ повѣствователей Римскихъ Ам-

противномъ случаѣ, нельзя полагать что бы чрезъ двадцать лѣтъ, въ которыя весь здѣшній берегъ изрытъ, не отыскалося бы хотя одной медали Гордіановъ, или преемниковъ ихъ. Но этого нѣтъ; отъ Септима до Александра Севера порядокъ медалей непрерывенъ; а тутъ вдругъ на отрѣзъ пресѣкается.... Такъ точно какъ и письмо мое уже съ лиш-

---

міянъ Марцелинъ упоминаетъ въ IV. вѣкѣ о городѣ *Вористенѣ:* Dein Borysthenes (fluvium), a montibus oriens Neurorum primigeniis fontibus copiosus, concursuque multorum amnium adolescens, mari praeruptis undarum verticibus, intimatur: cujus in marginibus n e m o r o s i s Borysthenes est civitas. Lib. XXII. 234, Edit: Hamburg. 1619. — Свидѣтельство сіе однако же ни мало въ мысляхъ моихъ не ослабляетъ заключенія Г. Б. потому, что Амміянъ говоритъ о какомъ то городѣ Вористенѣ, стоящемъ на лѣсномъ берегу Днѣпра, слѣдственно не объ Ольвіи. Впрочемъ къ сему надобно замѣтить и то, что хотя названіе *Вористенитовъ* (а потому полагать можно и какихъ нибудь городовъ того же имени) сохранилося до позднихъ временъ восточной Имперіи, ибо оно находится и въ Константинѣ Порфирогенетѣ, но принимать его должно въ точномъ только опаго смыслѣ, т. е. жителями Днѣпровскихъ береговъ, безъ всякаго отношенія къ Ольвіи, или къ тому, что древнѣйшіе разумѣли подъ названіемъ Города Вористенитовъ.

комъ длинное. И такъ прощай, другъ мой; будь во всемъ благополучнымъ, въ существѣ *благополучнымъ*, а не по слову только, какъ была *Ольвія* (28.).

ПИСЬМО 3е.

Перекопъ

Волшебство разрушилось; я ступилъ уже ногою въ Крымъ. Пріѣхавъ сюда предъ восхожденіемъ Солнца, первое движеніе мое было сходить за *Перекопъ*, для того только что бы я могъ сказать: *я былъ въ Крыму*; и подлинно я *былъ*, проходилъ въ каменныя ворота, переступилъ за ровъ, или *Перекопъ*, или Тафросъ (1), что все одно и тоже; и уже отъ полуострова всходилъ на валъ составляющій настоящій перешеекъ, ибо онъ отъ востока на западъ идетъ отъ Сиваша до Чернаго моря.

(28.) *Ольвія* на Греческомъ языкѣ значитъ *благополучная*.

(1) *Тафросъ*, по Гречески значитъ *ровъ* или *перекопъ*.

Первый шагъ мой ознаменованъ былъ щастливою примѣтою: лишь я вступилъ на валъ, какъ солнце, ясное, чистое появилося на небокраѣ и лучи его заиграли на Сивашѣ. Легкій ночный туманъ еще висѣлъ на западѣ; но онъ рѣдѣлъ, изчезъ; наконецъ весь небесный сводъ слился въ одинъ голубый, прозрачный цвѣтъ и я увидѣлъ Каркинитскій Заливъ. Тутъ воображеніе мое перенесло меня въ отдаленнѣйшія тѣ времена, когда мѣста сіи были еще подъ водою, когда Таврія была островомъ (2.). Я представилъ себѣ то страшное явленіе, когда Эвксинъ, не вмѣщающій въ себѣ избытка рѣчныхъ водъ, хлынулъ чрезъ пространство тогда соединявшее Тракію съ малою Азіею и сколько разлитіемъ своимъ осушилъ здѣсь земель, столько тамъ покрылъ водою (3.). Тогда то появилася эта плоская, низкая равнина, продолжающаяся отъ сюда до Симферополя; и тогда еще оставшіяся

---

(2) Taurica — quondam mari circumfusa et ipsa, quaqua nunc jacent campi. Plin Hist. nat. Lib IV. c. 36.

(3) Diod. Sic. Lib. V. C. 47.

около сѣверовосточныхъ береговъ Тавріи воды, заслужили названіе *гнилаго моря* (4.).

Нынѣшній городъ Перекопъ не что иное, какъ широкая, съ версту въ длину, слобода, на большой дорогѣ лежащая и примыкающаяся къ воротамъ и мосту, о которыхъ я выше упоминалъ. Она населена торгующими мѣщанами и Солеными приставами. Крѣпость Татарская Ор-Капи стоитъ по ту сторону рва, отъ слободы на востокъ, въ близкомъ разстояніи отъ каменныхъ воротъ. Вотъ все что я имѣю сказать о городѣ семъ; и если *Неонъ Тихосъ* (новая стѣна) и того еще древнѣйшій *Тафросъ*, о коемъ упоминаютъ Плиній, Птолемей и нѣкоторые другіе, не лучше былъ нынѣшняго Перекопа, то нельзя пенять Страбону, что онъ говоря о народѣ *Тафрахъ*, ни слова не сказалъ о городѣ ихъ. Здѣсь такъ же замѣчу тебѣ, что на самомъ порогѣ Тавриды, Страбонъ уже внушаетъ довѣренность къ себѣ, по исправности, съ которою онъ опредѣляетъ ширину перешейка въ 40 стадій, т. е. 8 верстъ: настоящая мѣра пространства между обѣими морями (5).

(4.) *λιμνὴ σαπρὰ* apud. Strab. et alios

(5.) *Ἐνταῦθα ἐστίν ὁ ἰσθμὸς ὁ διείργων τὴν Σαπρὰν λε-*

Я обѣщалъ тебѣ, другъ мой, писать о Тавридѣ; и съ такимъ предположеніемъ ни Ольвія не должна бы входить въ составъ моей переписки съ тобою, ни путешествіе мое отъ Буга до сего мѣста: но первая увлекала меня занимательностію своею; о второмъ же поговорю съ тобою, по той причинѣ, что проѣхавъ цѣлую ночь, добрая, дорогая Сопутница моя требуетъ отдохновенья, а я не могу лучше занять это время, какъ бесѣдою съ тобою.

Слышалъ ли ты, мой другъ, о этихъ *обманахъ* оптики и вмѣстѣ воображенія, которымъ подверженъ бываетъ странникъ на жаркихъ степяхъ южной Азіи? — Изнуренный зноемъ и жаждою, утомленный путемъ подъ лучами вертикальнаго солнца, онъ изнемогаетъ, послѣднія силы его оставляютъ. . . . Какъ вдругъ онъ видитъ — хотя въ туманѣ — но видитъ предъ собою городъ, башни, сады, воду; всѣ силы въ немъ оживаютъ; мышцы его снова приходятъ въ движеніе; онъ стремится къ цѣли; мечтаетъ уже объ отдохновеніи про-

---

γομένην λίμνην ἀπὸ τῆς θαλάσσης, σταδίων τεσσαράκοντα, καὶ ποιῶν τὴν ταυρικὴν καὶ Σκυθικὴν λεγομένην Χεῤῥονησον. Strab. Lib. VII. C. 4.

хладѣ.... *Жестокое привидѣніе!* Оно изчезаетъ и бѣдный странникъ остается на голой степи, съ отчаяніемъ въ душѣ (6). — Я самъ утомленъ будучи единообразіемъ степи, дня два не видавъ ничего, кромѣ Неба и Земли, вспоминалъ о семъ явленіи и даже желалъ быть обманутымъ; какъ вдругъ представляется взорамъ моимъ прелестный садъ на берегу излучистой рѣки; деревья великолѣпнѣйшія.... Деревья тамъ, гдѣ не ожидаешь видѣть прутика! — Я право думалъ, что это все мечта, и протиралъ себѣ глаза; но привидѣніе сдѣлалося существенностію: это было *Спасское*, Загородный Домъ, въ трехъ верстахъ отъ Николаева, на Ингулѣ; основанный К. Потемкинымъ; послѣ него забытый, травою поросшій; и теперь вновь ожившій и обязанный новымъ своимъ процвѣтающимъ бытіемъ Адміралу Грейгу. Я провелъ въ немъ цѣлый день; любовался мѣстоположеніемъ, деревьями, которыя кажутся вѣковыми, между тѣмъ какъ нѣтъ еще и сорока лѣтъ что онѣ насажены; воображалъ себѣ, что со временемъ бу-

---

(6.) Voyage de la Côte de Malabar à Constantinople, en 1807, par W. Heude. Chap. VIII. p. 169.

детъ Спасское, когда разростутся посаженныя въ сіи послѣдніе два года, многія тысячи разнородныхъ деревъ: я восхищался; но долженъ сказать, что привсемъ этомъ лучшее украшеніе сего мѣста — настоящій онаго хозяинъ. — Мнѣ не для чего говорить тебѣ о Николаевѣ; ты самъ бывалъ въ немъ нѣсколько разъ.

О Херсонѣ ничего не могу сказать пріятнаго. Удивляюсь, почему названъ городъ сей *Херсономъ*, тогда какъ и похожаго ничего нѣтъ на *полуостровѣ* въ томъ мѣстѣ, на которомъ онъ стоитъ. Положеніе его на правомъ берегу Днѣпра, раздѣляющагося къ лѣвому на множество рукавовъ между камышами текущихъ. Воздухъ въ Херсонѣ не здоровъ, какъ сказываютъ, по причинѣ тѣхъ самыхъ камышей. Онъ прежде былъ даже смертоносенъ; теперь жители утверждаютъ, что онъ не столько вреденъ; но мнѣ показалося, что Херсонъ все больнымъ глядитъ. Я не могу описать тебѣ печальнаго впечатлѣнія, которое оставилъ во мнѣ городъ сей. Онъ представился мнѣ пространнымъ кладбищемъ, гдѣ столько тысячь храбрыхъ воиновъ нашихъ легли пораженные безвременною смертію. Одни гробы здѣсь пред-

ставлялися и воображенію и взорамъ моимъ. Я видѣлъ развалившійся, бѣдный памятникъ Гоуарда: еще немного лѣтъ и забудется мѣсто, гдѣ покоится *геловѣколюбецъ*. Я искалъ могилы Потемкина; и никто не умѣлъ сказать мнѣ, гдѣ сокрытъ прахъ его. Здѣсь Днѣпръ течетъ какъ *Лета*; и скромный благотворитель и гордый стяжатель славы, равно поглощаются пучиною забвенія. И тому, кто подвинулъ предѣлы Россіи до Чернаго Моря, здѣсь, на самомъ мѣстѣ славы его не найдешь

— dona exigui pulveris!

Но тѣнь величественная исполнителя великихъ намѣреній Екатерины, успокойся! Мракъ забвенія не удручитъ памяти твоей въ потомствѣ! Если прахъ твой, Потемкинъ, забытъ теперь: то можетъ быть нѣкогда благодарный Россіянинъ, избравъ холмъ возвышенный, приморскій, съ котораго бы видѣнъ былъ вдали синѣющійся берегъ Тавриды, воздвигнетъ на немъ простый столпъ съ надписью:

Jgnoti cineris Potemkini,

Viator,

Si monumentum quaeris,
Circumspice! (7)

Теперь если я скажу тебѣ, что у самаго въѣзда въ городъ по большой дорогѣ отъ Николаева, стоитъ гранитный обелискъ, памятникъ Гоуарда, ты подумаешь что я противорѣчу себѣ самымъ непростительнымъ образомъ — и ты ошибешься: и памятникъ подлинно тутъ находится; и я правъ. Памятникъ этотъ очень красивъ; гранитный, высокій обелискъ, коему вмѣсто пьедестала служитъ Саркофагъ съ надписью на немъ; *Гоуардъ скончался на 65 году отъ рожденія своего въ* 1790; онъ обнесенъ круглою каменною оградою, съ решетчатыми, широкими, желѣзными воротами насупротивъ надписи. — Все это такъ; и хвала тому кто захотѣлъ почтить память человѣка, заслужившаго право гражданства между всѣми народами, умѣющими цѣнить добродѣтели полезныя человѣчеству: но это памятникъ, Кенотафъ, а не

(7.) Безвѣстнаго праха Потемкина, прохожій, если ты памятника ищешь: смотри вокругъ себя. — Мысль эту мнѣ подала Эпитафія Рена, Архитектора Соборной Церкви Св. Павла въ Лондонѣ, подъ самымъ Куполомъ сего храма погребеннаго.

гробница Гоуарда. Прахъ благотворителя страждущихъ почиваетъ въ трехъ верстахъ отъ города; и тамъ-то я видѣлъ развалившуюся бѣдную, кирпичную пирамиду, тогда какъ я желалъ бы найти надъ самою могилою его *Солнечныя часы*, т. е. исполненною послѣднюю волю покойнаго. Это обстоятельство можетъ быть тебѣ неизвѣстно. —

Когда въ 1790 году наиболѣе свирѣпствовали здѣсь прилипчивыя, гнилыя, нервическія горячки, Гоуардъ случился въ Херсонѣ, на пути своемъ въ Царьградъ. Легко себѣ представить можешь, что человѣку, который ставилъ себѣ въ неминуемую обязанность ежедневно посѣщать больницы. тюрьмы, остроги, трудно было избѣжать заразы: онъ дѣйствительно сдѣлался жертвою оной. Почувствовавъ сильное воспаленіе въ крови своей и въ тотъ же часъ отгадавъ что конецъ его близокъ, онъ призвалъ къ себѣ двухъ пріятелей своихъ Г. Г . . . , съ коими могъ говорить на природномъ своемъ языкѣ, и сказалъ имъ: „Прощайте! Я умираю. Вы меня любили, ис„полните же послѣднюю волю мою: предайте „тѣло мое, если это возможно, такой землѣ

„на которой не живутъ рабы. (*) Памятника „я никакого не хочу; а прошу васъ поставить „надъ могилою моею *простыя Солнечныя ча-„сы!* " . . — Онъ сказалъ; и часъ вѣчности ударилъ для него. Первыя два повелѣнія его исполнены; **) второе, особливо, слишкомъ въ точности; но третье забыто: нѣтъ *Солнечныхъ часовъ* надъ Гоуардомъ; и этого жаль, очень жаль! Какой то неизвѣстный Французъ, имѣлъ тогда подъ самымъ городомъ землю, разумѣется безъ крестьянъ, которая по имени помѣщика назвалася Дофиновкою. Такого рода земля показалася Гоуардовымъ пріятелямъ удобною для выполненія перваго приказанія его;

(*) Иногда Британцы можетъ быть слишкомъ далеко разпространяютъ понятіе о семъ словѣ.

(**) Въ Біографіи Джона Говарда, помѣщенной въ Журналѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества (Смотр. Іюль мѣсяцъ 1817 г. стран. 85-93) сказано, что онъ по собственному желанію похороненъ вѣрнымъ слугою въ Загородномъ домѣ своего пріятеля. Говардъ въ Духовномъ Завѣщаніи не забылъ главнаго предмета своей дѣятельности, и назначилъ великую сумму на исправленіе темницъ и домовъ въ коихъ содержатся сумасшедшіе.— Сему мужу, который оказалъ столь великія услуги человѣчеству и пожертвовалъ благу его самимъ собою — отечество воздвигло памятникъ въ Лондонской церкви Св. Апостола Павла.

и они выспросивъ у Дофине уголокъ земли, положили въ немъ тѣло друга своего, поставя надъ нимъ маленькую кирпичную пирамиду, а не Солнечныя часы, какъ завѣщано имъ было. Теперь и эта пирамида разсыпалась и вскорѣ, какъ я сказалъ, не узнаютъ мѣста, гдѣ лежатъ остатки друга Страдальцевъ, точно такъ какъ Дофине не зналъ сокровища которое Богъ ввѣрилъ нивамъ его: прахъ добродѣтельнаго мужа. Я смѣло скажу, что онъ не зналъ, иначе бы онъ переименовалъ землю свою изъ Дофиновки въ *Гоуардовку.*

Вотъ, другъ мой, какимъ образомъ то, что казалося противорѣчіемъ, престаетъ быть онымъ. Памятникъ Гоуарда существуетъ; есть даже и солнечные часы на вершинѣ обелиска: но я не этого ищу, а желаю того, чего онъ самъ хотѣлъ, чтобы *гробъ его* указывалъ полдень; чтобы и простый селянинъ зналъ, кто въ немъ лежитъ и не проходилъ бы мимо его не перекрестившись и не сказавъ: *миръ праху твоему, Добродѣтельный!* Это такъ легко исполнить! Многаго ли стоитъ поставить надъ нимъ Солнечные часы, съ простою надписью его же волю выражающею:

Procul estote Servi!

Но я записался; пора перестать; прибавлю только, что и выѣздъ мой Днѣпромъ изъ Херсона въ Алешки, имѣлъ что то похожее на выѣздъ изъ царства тѣней, коихъ — Styx novies coërcet. Верстъ на пятнадцать плаванія по излучистымъ узкимъ рукавамъ рѣки, извивающимся между высокими камышами: я ничего печальнѣе этого не видывалъ! —

Отъ Алешекъ, оставивъ позади себя на сѣверѣ *Скиѳовъ Оратаевъ*, я проѣзжалъ по землѣ *Илейской*. Иродотъ такъ ясно опредѣляетъ это мѣсто (8)! Давно ли тамъ не стало лѣсовъ, по которымъ эта страна носила имя *Илей*? Гдѣ та роща въ которой Анахарсисъ палъ пронзенный стрѣлою пущенною братоубійцею?

ПИСЬМО IV.

Деревня Саблы.

Вотъ четвертыя сутки, что я здѣсь гощу у стариннаго пріятеля моего А. М. Б. и забываю, что я пріѣхалъ въ Крымъ не для

(8.) Herod Lib. VI. Cap. 18.

того, что бы гостить. Въ добродушномъ гостепріимствѣ есть нѣчто для меня очаровательное; и я думаю, что Лотосъ Омировъ не иное что, какъ *хлѣбъ соль* добрыхъ людей. Ежели къ этому прибавить, что я засталъ здѣсь любезную семью Р.....хъ, такихъ же путешественниковъ какъ и я, то ты еще менѣе удивишься тому, что Лотосъ мнѣ столько вкуснымъ показался. Какъ бы то оно ни было, но завтра *на тощахъ* уѣду. Между тѣмъ, пока общество не собралось еще въ гостиную, дамъ отчетъ тебѣ въ путешествіи моемъ по сю сторону перешейка.

Въ трехъ верстахъ отъ Перекопа, я проѣхалъ чрезъ Армянскій базаръ, селеніе, въ которомъ Жиды, Греки, Армяне и немного Рускихъ, торгуютъ всякою всячиною, наипаче же овчинками или какъ называютъ ихъ Крымскими смушками. Это *мѣстечко*, хотя неможетъ равняться съ Малороссійскими, однако же несравненно болѣе похоже на городъ, нежели и самый Перекопъ. Отъ него до Симферополя, на пространствѣ 130 верстъ, голая степь, на которой не видно другихъ селеній по дорогѣ, кромѣ станцій.

Погода была прекраснѣйшая. Термометръ

показывалъ 25° тепла. Я мысленно переносился въ тѣ краи, гдѣ случалося мнѣ въ Декабрѣ искать прохлады подъ тѣнью деревъ; и мнѣ казалося я начиналъ уже дышать знакомымъ мнѣ воздухомъ, тѣмъ, которымъ я питался въ Валенсіи. Южный небокрай представлялся мнѣ, какъ нѣкая цѣль пріятныхъ надеждъ.... Но я вижу на немъ облако синее; оно отдѣляется отъ полосы земной, неподвижно, видъ его правильный — не ужели это гора? — Я спрашиваю ямщика и онъ утверждаетъ догадку мою: это подлинно *Чатыр - Дагъ* (1), видимый за полтораста верстъ. Я предчувствую, что это гора та самая, которую Страбонъ называетъ Трапезусъ; и если узнаю, что вершина оной съ моря между берегами Анатоліи и Тавриды, представляется такимъ же трапезоидомъ какъ отсюда, то догадка моя обратится въ несомнѣнную истину.

На пути моемъ по степи, обитатель пустыни, вельблюдъ, привлекъ на себя внима-

---

(1) Чатыр - Дагъ т. е. Шатеръ-Гора. Татары для Руских перевели ее Палатъ-Горою; а одинъ Рускій съ Французскаго Языка la montagne de la Tente, перевелъ *Тетушкина-Гора.*

ніе мое. Стада животныхъ сихъ паслися по обѣимъ сторонамъ дороги и я тутъ не находилъ ихъ столько неуклюжими, сколько они мнѣ прежде сего казались; напротивъ того въ нихъ представлялося мнѣ нѣчто величественное. — Всякій предметъ видимый на горѣ, или на небокраѣ пространной равнины, кажется большимъ, нежели онъ есть въ существѣ (2); по сей причинѣ и вельблюдъ на степи показываетcя издали страшной величины, особливо, когда онъ расправляетъ длинную шею свою и поднявъ высоко голову обозрѣваетъ пространство вокругъ себя. Нельзя тогда не узнать въ немъ намѣренія Творца природы, сотворившаго его жителемъ необозримыхъ равнинъ Азіи, дабы служить орудіемъ сообщенія между Востокомъ и Западомъ. *Степные корабли* сіи (3) носили на хребтахъ своихъ сокровища Индіи до Тира и Сидона, тогда какъ отважнѣйшіе моряки едва дерзали еще выплывать за столпы Иракловы, и то неосмѣливаясь терять изъ вида береговъ. Чѣмъ же не обязаны мы Европейцы этому покорному,

(2) По этой самой причинѣ полагать надобно, что Патагонцы казалися исполинами первымъ плавателямъ въ Магеллановомъ проливѣ.

(3) Такъ Аравитяне называютъ Вельблюдовъ.

терпѣливому животному; мы, меньшія дѣти общества человѣческаго, опозрѣвшаго уже въ Азіи тогда какъ мы еще коснѣли въ пеленахъ младенчества! Многимъ насъ одарила Азія: не одними корицею, перцемъ и сему подобнымъ. Конечно торговля какъ есть, такъ и была всегда движима корыстолюбіемъ; купецъ видѣлъ въ Азіи способъ обогатиться, точно такъ какъ крыжакъ искалъ въ ней исполненія обѣта вѣры своей: однако же и тотъ и другій, не догадываясь, приносили съ собою сѣмена просвѣщенія, которымъ послѣ медленнаго прозябенія, опредѣлено было судьбою произвести столь великолѣпные плоды на Европейской почвѣ. Азія, и мертвая уже Азія, всегда останется предметомъ любопытнѣйшихъ изысканій для Философа. Уже ученые нашего вѣка, особливо Англичане, съ успѣхомъ обратили на нее вниманіе свое и сорвали покровъ невѣжества, столь долго лежавшій на колыбели рода человѣческаго. Сколько же впередъ ожидать надобно открытій разливающихъ новый свѣтъ на исторію происхожденія народовъ, языковъ ихъ и слѣдственно понятій, которыя тѣмъ яснѣе чѣмъ ближе къ источнику! Удивляюсь я что мы живущіе на краю Евро-

пы, на самомъ порогѣ Востока, такъ долго смотрѣли равнодушно на успѣхи постороннихъ, не желая принимать въ нихъ участія, тогда какъ всѣ способы у насъ, такъ сказать, подъ рукою. Однако же я слышалъ съ несказаннымъ удовольствіемъ, что нынѣшнее Министерство Просвѣщенія основало въ С. Петербургскомъ университетѣ каѳедру восточныхъ языковъ и выписало для того людей знающихъ и достойныхъ: нельзя довольно благодарить того, кто первый подалъ эту прекрасную и полезнѣйшую мысль.

Вотъ какъ за караванами я далеко уѣхалъ на вельблюдахъ. Возвращаюсь; но еще хочу сказать тебѣ впечатлѣніе которое произвела во мнѣ степь. Эти вельблюды, нѣкоторые пасущіеся, другіе изрѣдка попадающіеся на встрѣчу съ *Арбами* (4) представляли картину, въ которой мечталось мнѣ видѣть всю свѣжесть красокъ юнаго, пустыннаго міра, когда вся земля принадлежала одному семейству; когда по всему лицу ея были *Устнѣ единѣ и гласъ единъ всѣмъ*.... Въ такихъ размышленіяхъ проѣхалъ цѣлый день; ночь настигла; мѣсяцъ

(4) Татарская фура покрытая холстомъ.

взошелъ; мы продолжали путь; и къ свѣту пріѣхали въ Симферополь.

Не доѣзжая города сего, уже изчезаетъ единообразіе степи. Земля, какъ будто по немногу испытываетъ силы свои надъ холмами, что бы далѣе произвести горы, а тамъ еще далѣе тѣ страшныя громады, которыя рисуются на южномъ небокраѣ. Тутъ начинается настоящая *Таврія* (5) все то что я проѣхалъ досель было за нѣсколько тысячь лѣтъ дномъ морскимъ, жилищемъ рыбъ.

Я пробылъ въ Симферополѣ только нѣсколько часовъ и спѣшилъ къ обѣду сюда, 15 верстъ отъ города. Еще разъ повторяю, не-

---

(5) Весьма основательно догадка что Таврія и Тавры, жители ея, получили наименованіе свое отъ гористаго южнаго берега полуострова, ибо на Ассирійскомъ языкѣ *Тоира*, какъ на Халдейскомъ Тиру, а на Сирійскомъ Туро, значитъ гора. Linguarum totius orbis Vocabularium. Petropol. pars pr. p. 334. Названіе Тавромъ цѣпи горъ раздѣляющихъ Азію отъ сѣверной Индіи до Халидонскаго мыса въ Ликіи, на верхнюю и нижнюю происходитъ конечно отъ того же; ибо въ Малой Азіи слово *Тавръ* принималося точно въ томъ смыслѣ въ которомъ мы употребляемъ Альпы т. е. вообще всякую цѣпь высокихъ горъ.

ожидай отъ меня мѣлочныхъ, топографическихъ описаній, развѣ только о таковыхъ мѣстахъ, которыя, или ни кѣмъ не были до меня наблюдаемы, или хотя и были, но мнѣ представилися въ новомъ, инаковомъ видѣ. Повторять же то, что писалъ Палласъ и лишнее и безполезно; потому что если никто лучше его не наблюдалъ, то конечно лучше его никто и неопишетъ. Впрочемъ я еще буду въ Симферополѣ на возвратномъ пути моемъ и если найду что нибудь сказать о немъ, то не упущу случая. Между тѣмъ замѣчу только названіе *Симферополь*, въ которое угодно было завоевателямъ переименовать Татарскую *Ахмечеть* т. е. Бѣлую мечеть, бывшую столицу Калги - Султановъ. Я подозрѣваю виновникомъ сего новоизобретеннаго имени, ученаго Архіепископа Евгенія, переводчика Виргилія, который чрезъ оное хотѣлъ ознаменовать *пользу* ожидаемую для всего здѣшняго края отъ основанія губернскаго города: ибо *Симферополь* не иное что значитъ какъ *градъ пользы* или *пользу* приносящій (6). Можно надѣяться что

(6) Συμφέρω — пользу приношу.

нынѣшній начальникъ губерніи оправдаетъ на самомъ дѣлѣ прорицаніе Аполлонова любимца (7).

ПИСЬМО V.

Севастополь.

Я уже третій день здѣсь, и ничего еще не успѣлъ видѣть, хотя на все смотрю, любуюсь и налюбоваться не могу. Живалъ я въ

---

(7) Не задолго предъ пріѣздомъ моимъ въ Симферополь А. Н. Барановъ вступилъ въ должность Губернатора, и въ самое короткое время успѣлъ уже заслужить любовь, довѣренность и уваженіе жителей Тавриды. Объѣхавъ съ нимъ вмѣстѣ часть южнаго берега, я имѣлъ случай узнать въ немъ молодаго человѣка рѣдкихъ достоинствъ, прекрасной души, ума образованнаго, съ единственною цѣлью въ честолюбіи *быть полезнымъ*.... Могъ ли я ожидать тогда, что чрезъ годъ *моя* рука посыплетъ крины на гробницу твою, Юноша, незабвенный! Въ тебѣ отечество утратило сына, подававшаго основательныя надежды на великія заслуги....

Heu! miserande puer! Si qua fata aspera rumpas,
Tu Marcellus eris...!

Лиссабонѣ надъ рѣкою; живалъ въ Неаполѣ на Кьяѣ: восхищался берегами Тага, заливомъ Неапольскимъ съ его Посилиппомъ направо, Везувіемъ на лѣво и съ Капреею на супротивъ; и послѣ этого еще прельщаюсь живописными бухтами Севастопольскими. Можетъ быть здѣсь дѣйствуетъ отчасти надо мною и нравственная причина: тамъ я былъ на чужой сторонѣ; здѣсь между своими, между добрыми нашими моряками, осыпанный ласками почтенныхъ здѣшнихъ начальниковъ. Кто хочетъ испытать, что такое Руское гостепріимство, истинная *сердечная* вѣжливость, тотъ пріѣзжай сюда, въ Севастополь.

Оставивъ Саблы третьяго дня, рѣшимость моя награждена была прелестнымъ путешествіемъ по излучистымъ, узкимъ долинамъ, окруженнымъ живописными горами до Бакчисарая, или лучше сказать до станціи Бакчисарайской, ибо я въ городъ не заѣзжалъ и даже не видѣлъ его сокрытаго въ ущельи горы. Ты спросишь меня: зачѣмъ я небылъ въ городѣ? — Затѣмъ что я спѣшилъ сюда, а въ Бакчисараѣ буду еще и не одинъ разъ. Отъ помянутой станціи до Севастополя щитается 30 верстъ, изъ коихъ, почти на половину, дорога нечув-

ствительно подымается въ гору, но потомъ вдругъ спускается, и довольно круто, къ Татарской деревнѣ *Дуванкой*. Селеніе прекрасное! Тополи, минареты, чистенькіе Татарскіе домики, сады орошенные ручьями, искуственно приведенными для поливанія виноградниковъ — все это даетъ ему видъ картинный, прелестный. Отъ него дорога идетъ по узкому карнизу, имѣющему съ одной стороны гору стѣною, съ другой рѣчьку Бальбекъ. И тутъ живописные виды: за рѣчькою между деревьями мелькаютъ сады, огороды, обработанныя поля. Переѣхавъ Бальбекъ, по мосту, дорога продолжается еще лѣвымъ сей рѣчки берегомъ, до самаго моря, но тутъ у деревни Учкую, круто поворачивается прямо на полдень къ сѣверной косѣ, гдѣ перевозъ чрезъ большую гавань. Тутъ каттеръ ожидалъ меня и я поплылъ — по огненному морю. По всѣмъ Европейскимъ я плавалъ, другъ мой, но ни въ которомъ не видалъ такого изобилія фосфора какъ въ здѣшнемъ. Ночь была тихая, теплая, темная: какъ ударили четырнадцать веселъ по водѣ, то море загорѣлось вокругъ каттера и струя огненная тянулась отъ одного берега до другаго. Подобнаго явленія я нигдѣ не

видывалъ. Шевеля тростью въ водѣ и брызгая къ верху, искры не погасали и на воздухѣ. Нѣтъ ли тутъ общей причины, по которой это море такъ изобилуетъ и фосфорическими животными и этимъ *бичемъ кораблей* въ Севастопольскомъ портѣ (1), который всякое судно въ три года источилъ бы какъ губку, если бы оно небыло подбито мѣдью? — Этотъ вопросъ должно рѣшить Палласамъ: я скажу только, что весьма соглашаюсь съ тѣми, которые утверждаютъ, что червь сей есть гость прежде небывалый въ Европейскихъ моряхъ и завезенный къ нимъ изъ Индійскаго Океана, по открытіи плаванія вокругъ Африки: иначе кажется, Стравонъ, и особливо Плиній, не умолчали бы о немъ.

Плаваніе мое чрезъ сѣверный Заливъ напомнило мнѣ переѣздъ мой въ Лиссабонъ, случившійся такъ же въ ночную пору. Хотя Севастополь несравненно менѣе столицы Португаліи, но и онъ такъ же расположенъ амфитеатромъ на горѣ; и освѣщенные въ немъ домы представляютъ издали картину прекраснѣй-

---

(1) Червь Морскій. Reredo navalis. — У Линнея: Calamitas navium.

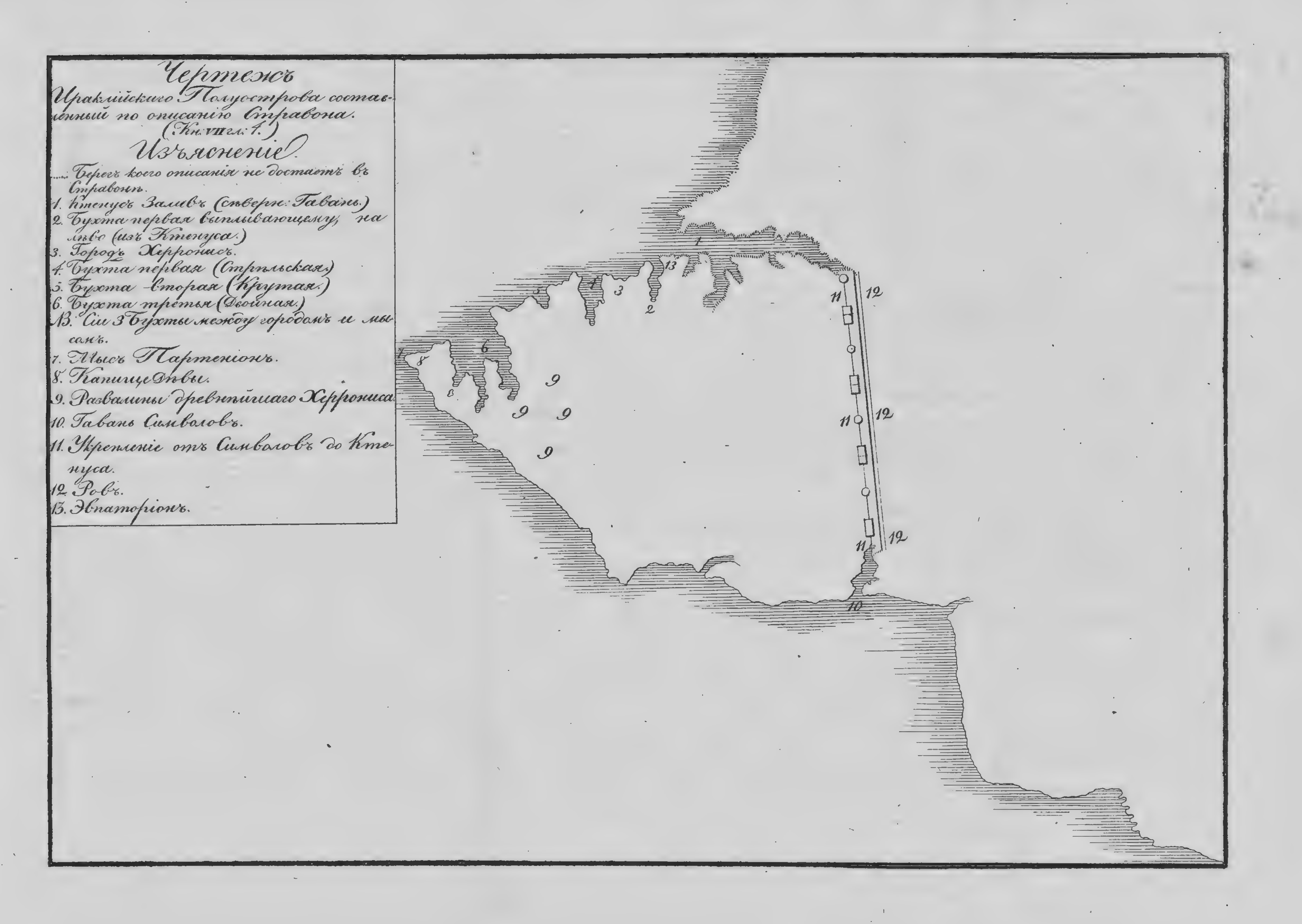
шую. Я вышелъ на берегъ у пристани, *графскою* названной (2) и проѣхалъ оттуда въ отведенный мнѣ домъ 1го Ранга Капитана Г. Спулли, который добродушнымъ гостепріимствомъ своимъ заставляетъ забывать, что можно быть хозяину въ тягость. Его чистый, опрятный домъ стоитъ на прекрасномъ мѣстѣ, на самомъ углу залива Артиллерійской бухты. Лишь солнце взойдетъ, и я уже сижу на балконѣ, любуясь движеніемъ каптеровъ, транспортовъ, рыбачихъ лодокъ; потомъ не пропускаю часа удобнаго для купанья; и возвратясь домой не забываю и завтрака, на который поля Амфитриты посылаютъ мнѣ въ дань устерсы, крабы, креветы, мулы и множество родовъ рыбъ самыхъ вкусныхъ, между коими *Кефала*, *Сгомбрія* (Макро) и *Морскія Иглы* должны почитаться превосходнѣйшими. Если бы я былъ Ихтіологъ или только Гастрономъ, то могъ бы весьма расплодить рѣчь мою о сихъ жителяхъ морей; но такъ какъ я имѣю другое въ виду, то прошу тебя отъ полученія сего письма до слѣдующаго,

(2) Можетъ быть по Графѣ Воиновичѣ, бывшемъ здѣсь изъ первыхъ начальниковъ.

прилѣжно заняться топографическою картою Тавриды. Мнѣ это весьма нужно для предмета, о коемъ хочу говорить тебѣ по первой почтѣ. Замѣть: что Югозападный уголъ Тавриды есть и самъ по себѣ полуостровокъ, образованный двумя заливами, большимъ сѣвернымъ и Балаклавскимъ; — что перешеекъ между концемъ Залива Балаклавскаго и устьемъ рѣки Біюкъ - Узеня простирается на восемь верстъ; — что бухты (и это пожалуй очень замѣть) Корабельная, Южная, Артиллерійская, *суть заливы большой сѣверной гавани*; — что выплывя уже изъ устья сей послѣдней, тотъ часъ на лѣво встрѣчается Каранпинная бухта, за которою лежатъ развалины древняго Херсонеса; — и наконецъ что за развалинами сими слѣдуетъ три бухты, 1. Стрельская, 2. Круглая, 3. Тройная (3) а за сею непосредственно мысъ Херсонесъ, на коемъ стоитъ маякъ. Замѣть это все и между тѣмъ прощай.

---

(3) Тройною бухтою я называю совокупно обѣ *Козацкую и Двойную*: читатель въ послѣдствіи увидитъ побудившія меня къ тому причины.

Чертежъ
Ираклійскаго Полуострова состав-
ленный по описанію Стравона.
(Кн: VII гл: 4.)
Изъясненіе.
..... Берегъ коего описанія не достаетъ въ
Стравонѣ.
1. Ктенусъ Заливъ (сѣверн: Гавань.)
2. Бухта первая выплывающему, на
лѣво (изъ Ктенуса.)
3. Городъ Херронисъ.
4. Бухта первая (Стрѣльская.)
5. Бухта вторая (Крутая.)
6. Бухта третья (Двойная.)
NB. Сіи 3 Бухты между городомъ и мы-
сомъ.
7. Мысъ Партеніонъ.
8. Капище Дѣвы.
9. Развалины древнѣйшаго Херрониса.
10. Гавань Символовъ.
11. Укрепленіе отъ Символовъ до Кте-
нуса.
12. Ровъ.
13. Эвпаторіонъ.

ПИСЬМО VI.

Севастополь.

Объѣхавъ весь полуостровъ Ираклійскій (1.) и полагая, что ты теперь уже познакомился съ нимъ на картѣ, я хочу сего дня показать тебѣ оный подъ руководствомъ сопутника моего и путеводителя Справона. И такъ пускаясь въ путь начнемъ съ того, что спросимъ у самаго древняго Географа, какъ онъ описываетъ мѣста, которыя мы съ тобою сбираемся осматривать.

„Выплывая, (говоритъ онъ) въ лѣво, „вы найдете городокъ и другую еще Бухту Херсонцевъ (2)" . . . . При самомъ началѣ я его останавливаю и говорю, что ничего не пойму изъ словъ его, если онъ сперьва не объявитъ мнѣ *откуда выплывая*. Но Справонъ не отвѣчаетъ, и я изъ молчанія его долженъ заключить, что въ его 7й книгѣ, между первымъ и

---

(1) Такъ называли древніе полуостровъ образованный Севастопольскимъ и Балаклавскимъ заливами, по причинѣ основанія на ономъ Херсона Ираклійцами Понтійскими, которые и сами были выходцами изъ Мегары.

(2) Strabo. Lib VII. Cap. IV. §. 2.

вторымъ параграфомъ 4й главы, есть недостатокъ, и что въ промежуткѣ семъ находилося описаніе берега отъ Тафровъ т. е. отъ Перекопа до полуострова Ираклійскаго, включая тутъ же и большую сѣверную гавань, къ которой безъ всякаго сомнѣнія, относится слово *выплывая*. Не подумай, другъ мой, чтобы я, подобно Пейсонелю и нѣкоторымъ другимъ, хотѣлъ тутъ пощеголять моими догадками; нѣтъ: я не парадоксъ утверждаю, основанный на одномъ воображеніи моемъ, но излагаю мнѣніе, на которое долженъ будетъ согласиться всякой просвѣщенный судья, лишь бы онъ только захотѣлъ взять на себя трудъ вникнуть въ существо дѣла, отложивъ въ сторону пристрастіе и предубѣжденіе.

Главныя причины, на которыхъ я основываю заключеніе мое о потерѣ мѣста между первымъ и вторымъ параграфами землеописанія Тавриды, суть двѣ слѣдующія: 1я извѣстныя и всѣми признанныя точность и обстоятельность въ описаніяхъ Страбоновыхъ; 2я совершенный недостатокъ связи между концемъ перваго и началомъ втораго помянутыхъ параграфовъ. На первую причину, я думаю, ты со мною безспорно согласишься, и мнѣ остается

ся только намекнуть тебѣ, что какъ намѣреніе Страбона состоитъ въ береговомъ описаніи Тавриды, начиная съ западной стороны, отъ Тафровъ, вокругъ цѣлаго полуострова до Меотійскаго моря, то обстоятельность и точность его подверглися бы великому сомнѣнію, если бы онъ вдругъ перенесъ насъ отъ Тафровъ въ городъ Херсонцевъ, не сказавъ ни слова о всѣмъ западномъ берегѣ полуострова. Этого предполагать ни какъ не возможно; ибо и въ такомъ случаѣ, въ которомъ бы онъ почелъ весь этотъ берегъ не заслуживающимъ ни какого вниманія, то и тогда бы онъ не преминулъ сказать, по крайней мѣрѣ, на сколько стадій онъ простирается. Этого нѣтъ: слѣдственно изъ недостатка сего я уже вывожу основательную причину, на которой могу утвердить заключеніе мое о потерѣ мѣста, гдѣ Страбонъ описывалъ Тарханскій кутъ и весь берегъ отъ Козлова до Сѣверной косы.

Теперь надобно тебѣ еще показать недостатокъ связи между двумя помянутыми Параграфами; и это мнѣ кажется всего легче, ибо онъ очевидѣнъ, Страбонъ заключаетъ 1 параграфъ (7 кн. 4 гл.) слѣдующею рѣчью: „Въ заливѣ семъ (въ Сивашѣ) находятся при

„острова, нѣсколько отмѣлей и не многіе подводные каменья, въ самыхъ мѣстахъ, гдѣ „ходъ для судовъ (5)". И за симъ непосредственно продолжаетъ: (§ 2,) „Выплывающему въ лѣво представляется городокъ и другая бухта Херсонитовъ (4)" — Если тутъ непремѣнно искать связи между 1м и 2м Параграфами, такъ откуда же полагать выплывающаго какъ не изъ пролива Геничи въ Азовское море? — Я удивляюсь какъ на эту мысль не напалъ Пейсонель и не основалъ Херсона своего не въ Козловѣ (5) а на *Моло́чныхъ во́дахъ*. Положимъ однако же и то, что Страбонъ, забывъ о Сивашѣ и начиная съ втораго § новое описаніе, говоритъ о выплывающемъ отъ Тафровъ, въ лѣво, изъ Каркинитскаго залива: то и въ такомъ случаѣ выйдетъ затрудненіе, которое не легче разрѣшить перваго. Страбонъ именно говоритъ: „Выплываю-

---

(3.) *Ἔχει δέ ὁ κόλπος νησίδια τρία, καί προσβραχῆ τίνα καὶ χοιραδώδη ὀλίγα, κατά τον παράπλουν.* Lib. VII. C. 4. § 1.

(4.) *Ἐκπλέοντι δ᾽ ἐν ἀριστερᾷ, πολίχνη, καὶ ἄλλος λιμην Χεῤῥονησιτῶν,* — Loco cit.

(5.) Гдѣ онъ подлинно полагалъ Херсонъ.

,,щему, въ лѣво представляется городокъ и ,,другая бухта Херсонцевъ". Дабы находить какой нибудь толкъ въ *другой* бухтѣ ἄλλος λιμὴν надобно предполагать, что было уже прежде говорено о *первой*, или можетъ быть и о многихъ другихъ бухтахъ Херсонцевъ. Этого однако же ни гдѣ нѣтъ, слѣдственно и связи нѣтъ предъидущаго съ послѣдующимъ. Я знаю впрочемъ, что Казобонъ, по видимому такъ же какъ и я, не находящій тутъ ни какого толка, разсѣкъ Гордіевъ узелъ по своему т. е. по примѣру всѣхъ ГГ: Схоліастовъ-Грамматиковъ, ищущихъ смысла болѣе въ словахъ нежели въ дѣлѣ, и написалъ вмѣсто ἄλλος, καλὸς λιμὴν, вмѣсто *другой*, *прекрасный* портъ или Sinus portuosus, о которомъ упоминаетъ П. Мела. Такимъ образомъ весьма легко разрѣшать всякія недоразумѣнія: стоитъ только по собственному произволу поставить слово вмѣсто другаго и дѣло съ концемъ. Однако же и въ этомъ, на сей случай, мало выигрыша: ибо, хотя бы и принять вопреки всѣмъ рукописямъ Страбона καλὸς вмѣсто ἄλλος, то и въ такомъ предположеніи, *прекрасною гаванью* можетъ, по превосходству, назваться одна только Ахтіярскаго. съ которою дѣйстви-

тельно по всей Тавридѣ ни какая другая не можетъ идти въ сравненіе. Касательно же до того, что какъ бы не называлъ Страбонъ гавань сію, но рѣчь его подлинно здѣсь о ней о *Севастопольской*, а не о другой, то прилежное вниманіе къ топографическому его описанію Ираклійскаго полуострова, не оставитъ въ тебѣ на щетъ сей ни малѣйшаго сомнѣнія. — Вотъ, другъ мой, мнѣніе, которое мнѣ слѣдовало предварительно утвердить. не на пустыхъ догадкахъ, а на существѣ дѣла: теперь смѣло пойдемъ по стопамъ путеводителя нашего и мы съ дороги не собьемся.

"Выплывающему въ лѣво, городокъ и другая бухта Херсонитовъ (6.)

Въ мѣстѣ до насъ не дошедшемъ, Страбонъ, сказавъ о большой сѣверной гавани и можетъ быть о бухтахъ Корабельной, Южной, Артиллерійской, продолжаетъ такимъ образомъ: Выплывающему (т. е. изъ большой гавани, миновавъ сѣверную косу), встрѣчается на лѣво селеніе и за нимъ *еще бухта тѣхъ же Херсонитовъ* къ городу ихъ ближайшая.— Эта

(6.) См. примѣч. 4.

бухта конечно не иная какъ Карантинная, ибо она перьвая внѣ устья сѣверной гавани. Далѣе:

„Продолжая плаваніе вдоль берега, должно „обходить выступающій къ полудню боль-„шой мысъ "(такъ называетъ Страбонъ Ираклійскій полуостровокъ; что онъ и самъ далѣе поясняетъ) „часть цѣлаго полуострова. „На немъ (на полуостровѣ) стоитъ городъ, „населенный выходцами изъ Ираклiи Понтій-„ской и по положенію онаго (на полуостровѣ) „*Херрснисомъ* называемый, разстояніемъ отъ „Тираса (Днѣстра) 4400 стадій. Въ городѣ семъ „находится храмъ Дѣвы, нѣкоему божеству, „посвященный, по которому и мысъ, во ста „стадіяхъ отъ города, называется *Парденіо-„номъ* (мысомъ Дѣвы) на коемъ стоитъ ка-„пище того же божества и съ истуканомъ „онаго. Между городомъ же и мысомъ симъ на-„ходятся три бухты (7.)".

7.) *Ἔκκειται γάρ ἐπι τὴν μεσημβρίαν ἄκρα μεγάλη κατά τὸν παράπλουν ἐφεξῆς, μέρος οὖσα τῆς ὅλης Χεῤῥονήσȣ. ἐφ᾽ ᾗ ἵδρυται πόλις Ἡρακλεωτῶν, ἄποικος τῶν ἐν τῷ πόντῳ, αὐτό τοῦτο καλουμένη Χεῤῥόνησος, διέχουσα τοῦ τύρα παράπλουν, ςαδίων τετρακισχιλίων τεσσαρακοσιων. ἐν ᾗ τὸ τῆς παρθένου ἱερόν, δαίμονος τίνος, ἧς ἐπώνυ-*

Ни что не можетъ быть этого ни точнѣе, ни вѣрнѣе: Стравонъ, приступая къ описанію югозападнаго угла Крыма, говоритъ, что какъ Таврида въ отношеніи къ материку, такъ уголъ сей къ Тавридѣ есть полуостровъ: и оно подлинно такъ. На немъ городъ Херронисъ; — мы видимъ и до сихъ поръ еще слѣды онаго. — О храмѣ будемъ послѣ говорить. — Но вотъ что всего важнѣе: между городомъ и мысомъ Партеніономъ щитается три бухты. — Посмотри на карту, только не на Турецкую Пейсонелеву (8.), и ты сочтешь эти три бухты: 1я за развалинами древняго Херсона, Стрельская; 2я круглая; 3я Козацкая совокупно съ двойною, или какъ я называю ихъ общимъ именемъ, *тройная* (9.) а за

μος καὶ ἡ ἄκρα ἡ πρὸ τῆς πόλεως ἐστιν ἐν σαδίοις ἑκατὸν, καλουμένη Παρθένιον, ἔχων νεὼν τῆς δαίμονας, καὶ ξοανόν. Μεταξὺ δὲ τῆς πόλεως καὶ τῆς ἄκρας λιμένες τρεῖς. — Loco cit.

(8.) Пейсонель нашедъ карты Миниха и Ласси невѣрными, говоритъ: Ie fus obligé de recourir à une carte Turque, i n f i n i m e n t e x a c t e à t o u s é g a r d s (!), d' après laquelle j' ai dressé celle que j'ai inseré dans cet ouvrage. — Observat. histor. &. — p. 93.

(9.) Можно и должно бы ее называть *Тройною*, ибо какъ козачья, такъ и оба залива составляющіе Двойную,

сею послѣднею мысь . . . — какой же? Конечно Партеніонъ, нашими моряками мысомъ Херсонесомъ называемый, и на коемъ теперь вмѣсто капища стоитъ Маякъ. — Дослушаемъ же теперь до конца то, что имѣетъ намъ сказать Справонъ о Ираклійскомъ полуостровѣ :

„За симъ (мысомъ Партеніономъ) слѣду„ютъ развалины древняго Херрониса; потомъ „*узкоустая* гавань, окрестъ коей Тавры, Скиѳ„ское племя, разбойничаютъ и нападаютъ на „заходящихъ въ гавань сію, *Символовъ* назы„ваемую. Сія то гавань и вмѣстѣ съ нею дру„гая по имени *Ктенусъ* образуютъ перешеекъ „въ 40 стадій длины, и симъ то перешейкомъ „смыкается малый полуостровъ, (который я „выше сего назвалъ частью большаго), съ Та„врическимъ и на ономъ стоитъ соименитый „ему городъ Херронисъ (10.)".

имѣютъ одно общее устье въ море. Палласъ, дабы согласить число бухтъ съ тремя помянутыми Справономъ, не ставитъ въ щетъ четвертый круглый; я же напротивъ того, по вышесказанной причинѣ, соединяю въ одно Козацкую и Двойную.

(10.) Εἶθ' ἡ παλαιὰ Χεῤῥόνησος κατεσκαμμένη, καὶ μετ' αὐτὴν, λιμὴν στενόςομος· καθ' ὃν μάλιςα οἱ ταῦροι,

Отъ мыса Херрониса берегъ обращается на юговостокъ до Георгіевскаго Монастыря; и на семъ пространствѣ, какъ близъ моря, такъ и внутрь земли, на каждомъ шагу видны явные признаки первобытнаго населенія: тутъ безъ сомнѣнія существовалъ древнѣйшій Херсонъ, покинутый жителями онаго для выгоднѣйшаго мѣстоположенія между сѣверныхъ бухтъ. Далѣе на востокъ отъ Георгіевскаго Монастыря, слѣдуетъ Балаклавская гавань; и я не думаю, чтобы можно было придумать Эпитета пристойнѣе для нее, какъ *Узкоустая* *στενόστομος*. Отъ конца оной, прямою чертою, до устья Биюкъ-Узеня точно 8 верстъ (40 стадій) и это пространство дѣйствительно есть перешеекъ смыкающій полуостровокъ съ полуостро-

---

Σκυθικόν ἔθνος, τὰ λῃστήρια συνίσαντο, τοῖς καταφεύγουσιν ἐπ᾽ αὐτόν ἐπιχειροῦντες· καλεῖται δὲ Συμβόλων λιμὴν. Οὗτος δὲ ποιεῖ πρὸς ἄλλον λιμένα κτενοῦντα καλέμενον, τετταράκοντα σαδίων ἰσθμόν· οὗτος δ᾽ ἐστὶν ὁ ἰσθμὸς ὁ κλείων τὴν μικρὰν Χεῤῥόνησον, ἥν ἔφαμεν τῆς μεγάλης Χεῤῥονήσου μέρος, ἔχουσαν ἐν αὐτῇ τὴν ὁμωνύμος λεγομένην πόλιν Χεῤῥόνησον. — Strab. Lib. VII. C. 4. § 2.

вомъ. Послѣ всего этого можно ли сомнѣваться что бы большая, сѣверная, Севастопольская гавань не была та самая, которую Стравонъ называетъ Ктенусомъ? Отвергать это, значить произвольно осуждать себя на слѣпоту: а какъ я полагаю, что ты, читая письмо мое, будешь смотрѣть въ оба глаза на карту и не на Турецкую, то я увѣренъ, что ты повѣривъ скорѣе Стравону нежели Пейсонелю, сдѣлаешь вмѣстѣ со мною слѣдующія заключенія:

1е Что поелику нѣтъ ни малѣйшей связи ни даже смысла между многократно помянутыми параграфами, то должно изъ послѣдующаго заключить, что въ мѣстѣ до насъ не дошедшемъ, Стравонъ описывалъ гавань Севастопольскую, иначе Ахтіярскую;

2е что *другая* гавань или бухта, для выплывающаго въ лѣво изъ Ахтіярской, есть Карантинная, ибо она первая внѣ устья залива;

3е что новѣйшій Херсонъ (разумѣется въ отношеніи къ древнѣйшему) дѣйствительно стоялъ на западномъ берегу Карантинной бухты, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы и теперь еще видимъ развалины стѣнъ;

4е что бухты Круглая, Стрельская и Тройная, суть самыя тѣ три бухты, которыя Стравонъ щитаетъ между городомъ и мысомъ; обстоятельство

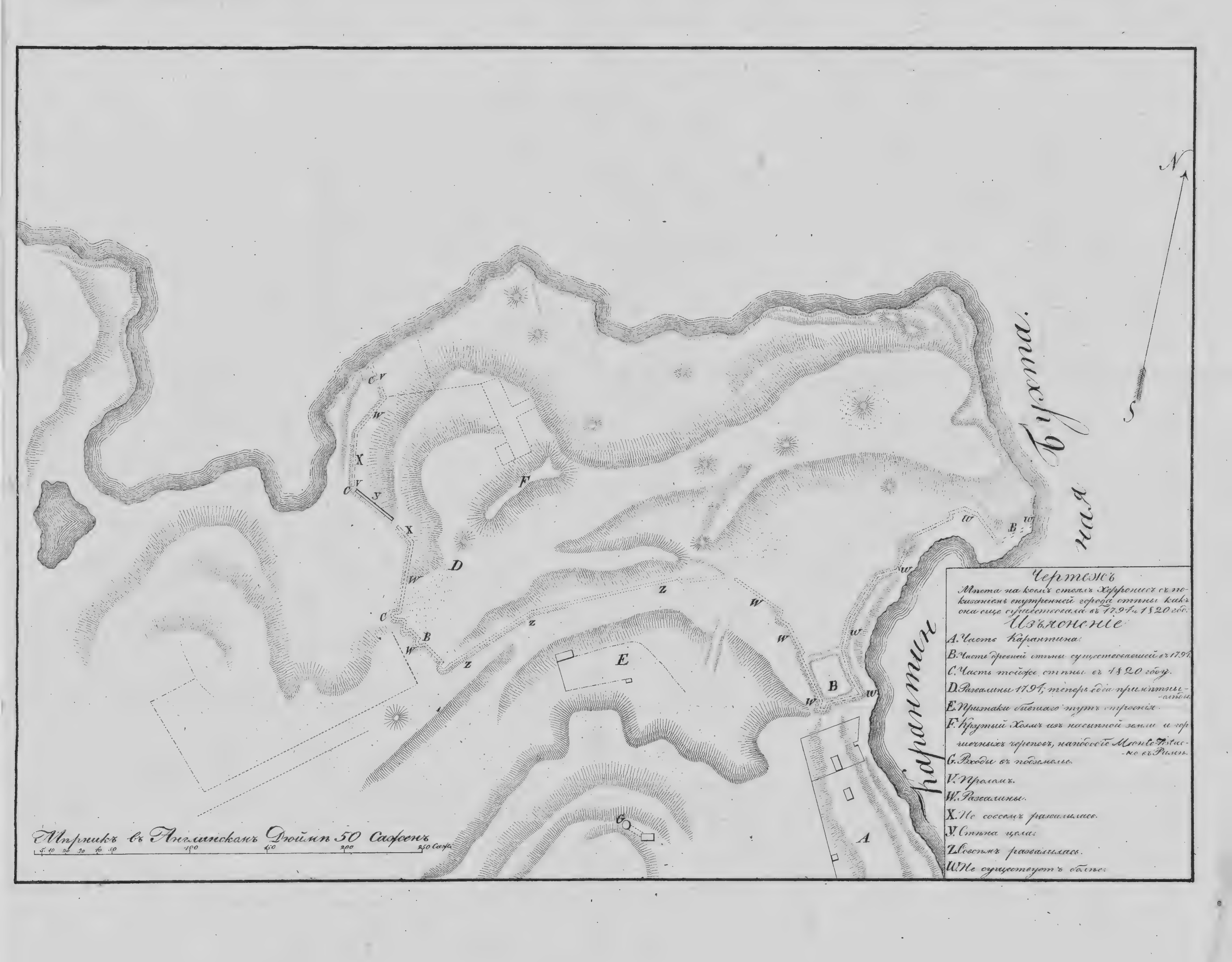
5е служащее неоспоримымъ доказательствомъ, что мысъ Партеніонъ не иное что, какъ *мысъ Херсонесъ*;

6е что до сихъ поръ явные признаки развалинъ между южнымъ берегомъ и сѣверными бухтами, доказываютъ, что въ сихъ мѣстахъ существовалъ древнѣйшій Херсонъ;

7е Что *Символовъ гавань* не иное что, какъ *Узко-устая* Балаклава;

8е Что пространство на 8 верстъ отъ конца залива Балаклавскаго до устья рѣки Бюкъ-Узеня, есть точно тотъ перешеекъ въ 40 стадій, о коемъ упоминаетъ Стравонъ. И наконецъ

9е поелику нѣтъ другой гавани кромѣ большой Севастопольской, которая бы вмѣстѣ съ Балаклавскою могла образовать помянутый перешеекъ, то изъ сего слѣдуетъ неоспоримое заключеніе: что *Ктенусъ* не иное что какъ *большая сѣверная*, Севастопольская гавань.

N
Карантин
ная бухта
A
B
C
D
E
F
G
V
W
X
Y
Z
Чертежъ
Мѣста на коемъ стоялъ Херронисъ съ показаніемъ внутренней города стѣны какъ она еще существовала въ 1794 и 1820 год.
Изъясненіе
A. Часть Карантина.
B. Часть древней стѣны существовавшей въ 1794.
C. Часть тойже стѣны въ 1820 году.
D. Развалины 1794, теперь едва примѣтны-
E. Признаки бывшаго тутъ строенія.
F. Крутый Холмъ изъ насыпной земли и горшечныхъ череповъ, наподобіе Monte-Testac-
-но въ Римѣ.
G. Входы въ подземелье.
V. Проломъ.
W. Развалины.
X. Не совсемъ развалилась.
Y. Стѣна цела.
Z. Совсѣмъ развалилась.
W. Не существуютъ болѣе.
Мѣрникъ въ Англинскомъ Дюймѣ 50 Саженъ
5 10 20 30 40 50 100 150 200 250 Саж.

ПИСЬМО VII.

Севастополь.

Если ты замѣтилъ на картѣ Артиллерійскую бухту, гдѣ стоитъ домъ въ которомъ я живу, то конечно видишь, что не далеко отъ меня мѣсто, гдѣ существуютъ еще не многія развалины Херсона. Объѣхавъ заливъ Карантинной бухты и поднявшись изъ оврага, я увидѣлъ предъ собою на возвышенномъ пространствѣ, между помянутою бухтою и Стрельскою, уцѣлѣвшія части стѣнъ, которыхъ не успѣли еще доломать на строенія въ городѣ и по хуторамъ. Палласъ еще въ 1793 году жаловался на истребленіе драгоцѣнныхъ сихъ остатковъ древности: что же мнѣ остается сказать о нихъ въ 1820! Онъ сѣтовалъ что не могъ узнать *плана улицъ и домовъ*: я бы желалъ быть въ его положеніи!

Части стѣны, которыя я осматривалъ, имѣютъ направленіе свое отъ сѣверо запада на юговостокъ и кажутся остатками внутренняго укрѣпленія города. Вотъ все то что я могу сказать о развалинахъ Херсона въ настоящемъ ихъ положеніи; прочее было бы одни догадки, коихъ ни на чемъ основательномъ

утверждать не возможно. Я даже и въ томъ не могу увѣриться, чтобы находящіеся тутъ погреба, которые Палласъ почитаетъ кладьбищами, были бы подлинно таковыми. Эти погреба на поверхности земли; входы въ нихъ, круглые и овальныя отверстія, въ дикомъ камнѣ высѣченныя, и по большой части столь узкія, что едва можетъ человѣкъ пролѣзть въ нихъ. Какъ же представить себѣ, чтобы въ таковыя отверстія могли проходить гробы? — Ты, можетъ быть, скажешь, что они служили для сохраненія Урнъ съ пепломъ сожженныхъ тѣлъ: но я этого полагать не могу, ибо такого рода гробницъ ни когда не существовало, ни въ самой Греціи, ни въ поселеніяхъ Греческихъ. Оставалося бы отнести ихъ къ временамъ Христіанства, къ вѣку Готическому въ Тавріи, когда мертвыя тѣла въ гробахъ зарывалися въ землю: но тутъ встрѣчается вышепомянутое затрудненіе, узкія отверстія. Еще если бы опустивъ гробъ, входъ къ нему на всегда закрывался, подобно нашимъ могиламъ: но и этого полагать нельзя; ибо высѣченныя на камнѣ вокругъ отверстій закраины доказываютъ, что они покрывалися крышками; а прочныя для спуска въ погреба

каменныя ступени, не позволять сомнѣваться чтобы входъ въ сіи подземныя жилища не былъ всегда свободнымъ. Къ симъ соображеніямъ представляется и другая мысль еще: погреба сіи находилися на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Херсонъ, можетъ быть въ лучшей части города; то какимъ же образомъ полагать, что бы Херсонцы устроили кладьбище посреди жилья своего, чего никогда у древнихъ не бывало? — Если бы отверстія сіи не были разсѣяны безъ всякой правильности въ направленіи оныхъ, я бы ихъ почелъ входами въ трубы водоводовъ.

Оставивъ задачу сію не рѣшенною, замѣтимъ только что весь треугольникъ между Севастополемъ, Георгіевскимъ монастыремъ и маякомъ, покрытъ былъ строеніями городскими, предмѣстій и загородныхъ домовъ: но гдѣ предѣлы древнѣйшаго Херсона; до котораго мѣста простирался новый городъ, которому Плиній даетъ въ окружности 5ᵗᵐ. шаговъ (passus) 7 верстъ; гдѣ и какого рода были прочія зданія, этого уже ни какъ нельзя опредѣлить по развалинамъ, или лучше сказать, по однимъ признакамъ развалинъ, которыя теперь остались.

Покинувъ безплодныя мои изысканія, я поѣхалъ дорогою, ведущею къ маяку, и подъѣзжая къ оному, увидѣлъ Козачью и Двойную бухты, которыя позволь мнѣ однажды на всегда называть общимъ именемъ *тройною бухтою.* Средній оныя рукавъ (восточный говоря о Двойной) привлекъ на себя вниманіе мое, по Палласову описанію островка въ самомъ углу залива находящагося. Я не буду повторять тебѣ всѣхъ словъ его, а скажу только, что онъ видѣлъ еще на крошечномъ островкѣ семъ стѣну и четвероугольную башню. Я ничего этого не нашелъ, кромѣ груды камней, доказывающихъ что тутъ нѣкогда было строеніе. Палласъ полагаетъ, что укрѣпленіе сіе могло служить къ защитѣ, или городу, или *Скиѳскому Царьку Скилуру, противу Митридатовыхъ полководцевъ.* Съ сею послѣднею догадкою его я согласиться не могу. Страбонъ упомянувъ о всѣхъ извѣстныхъ ему городахъ въ Тавридѣ, заключаетъ, что усверхъ оныхъ есть еще крѣпости, бывшія убѣжища Скилура и сыновей его, изъ коихъ они нападали на полководцевъ Митридатовыхъ: крѣпости сіи, Палакіонъ, Хавосъ, Неаполисъ, могли быть мѣста, Мангупу подобныя, въ го-

рахъ: но какъ полагать, что бы Скилуръ съ войскомъ своимъ скрывался на островишкѣ, на которое въ тихую погоду можно перейти по камнямъ, неомочивъ себѣ ноги, а въ вѣтренную, перекинувъ доску съ одного берега на другой? Да хотя бы и положить, что Скилуръ владѣлъ моремъ, чего впрочемъ не бывало, то и въ такомъ случаѣ самое пространство островка сего, не болѣе 12 саженей во всѣ стороны, не позволяетъ и думать, чтобы *многоплодный* Скиѳъ сей могъ помѣститься на ономъ, не только съ войскомъ, но даже съ одними сыновьями своими, которыхъ у него было, по словамъ Плутарха, человѣкъ до восьмидесяти (1.)

Приведенное мною выше сего мѣсто изъ Стравона побуждаетъ меня сдѣлать отступленіе и пуститься самому на догадку, которую предаю на твое осужденіе или одобреніе. Назвавъ поименно крѣпости, Палакіонъ, Хавосъ, Неаполисъ, Стравонъ продолжаетъ такимъ образомъ: „Былъ еще какой-то Эвпаторіонъ, построенный „Діофаномъ, Митридатовымъ полководцемъ. „Въ пятьнадцати или около того стадіяхъ

(1.) Plutarch. Apopht. 174.

„отъ городскихъ стѣнъ Херсонитовъ, есть „мысъ образующій изрядной величины заливъ „къ городу обращенный. По ту сторону залива находится озеро, въ которомъ соль осаживается; тутъ же и Ктенусъ. Когда Царская „(Митридатова) рать была варварами осажденою, то отрядъ войскъ оной занялъ мысъ, „укрѣпился на немъ стѣною и засыпалъ устье „залива вплоть до города, такъ что можно было ходить по плотинѣ и укрѣпленный мысъ „чрезъ то сдѣлался нѣкоторымъ образомъ „частью города. Симъ способомъ Царское войско легко могло отразить варваровъ отъ сихъ „мѣстъ.“ (2.).

(2.) *Παλάκιον τε, και Χαῦον, καὶ Νεάπολις· ἦν δὲ καὶ Εὐπατόριον τι, κτίσαντος Διοφάντου, Μιθριδάτη στρατηρoῦντος· Ἐςι δ᾽ ἄκρα διέχουσα τοῦ τῶν Χεῤῥονησιτῶν τείχους, ὅσον πεντεκαίδεκα σταδίους, κόλπον ποιοῦσα εὐμερέθη νευοντα πρὸς τὴν πόλιν· τούτου δ᾽ ὑπερκέιται λιμνοθάλαττα, ἁλοπήριον ἔχουσα· ἐνταῦθα δὲ καὶ ὁ κτένους. Ἵν᾽ οὖν ταῦτ᾽ ἔχοιεν οἱ βασιλικοὶ πολιορκούμενοι, τῇ τε ἄκρα τῇ λεχθείσῃ Φρουράν ἐρκατέντησαν, τειχίσαντες τὸν τόπον, καὶ τὸ στόμα τοῦ κόλπου τὸ μέχρι τῆς πόλεως διέχουσαν, ὥστε πεζεύεσθαι ραδιώς, καὶ τρόπον τινὰ μίαν εἶναι πόλιν ἐξ ἀμφοῖν· ἐκ δὲ τούτου ῥᾶον ἀπεκρούοντο τους Σκύθας.* — Strab. Lib. VII. C. 4 § 7.

Первое, что я вывожу изъ словъ сихъ, есть то что Козловъ нашъ не есть Эвпаторія, или Эвпаторіонъ, о коемъ Страбонъ упоминаетъ на ряду съ крѣпостцами Скилуровыми, чего бы онъ конечно не сдѣлалъ, если бы рѣчь его была о городѣ приморскомъ, столь выгодно лежащемъ для торговли. Къ тому же и Діофану кажется не до того было, что бы созидать новые города, тогда какъ вся цѣль его состояла въ томъ только, что бы укрѣплять старые и обороняться отъ Скиѳовъ. Это есть первое заключеніе, противъ коего, я думаю, ничего нельзя сказать. Но вотъ теперь догадка моя: нѣтъ ли связи между этимъ Эвпаторіономъ и слѣдующимъ за нимъ: *въ пятьнадцати стадіяхъ отъ стѣнъ Херсонитовъ есть мысъ?* — Я еще разъ повторяю тебѣ, это одна догадка; однако же догадка основанная на связи въ мысляхъ. Страбонъ называетъ укрѣпленія Скилуровы; потомъ за ними *бывшій какой-то Эвпаторіонъ*, по видимому весьма мало значущій, *какой то*, и притомъ въ его время уже не существовавшій, *бывшій*; и за нимъ непосредственно описываетъ мысъ, укрѣпленіе онаго и цѣль коей Діофанъ достигъ. Я, можетъ быть, ошибаюсь, но

между *Эвпаторіономъ* и *мысомъ* вижу связь: она есть между укрѣпленіями Скилура и Діофановымъ; она есть и въ томъ что какой-то Эвпаторіонъ существовалъ пока въ немъ нужда была, во время осады варварами Херсона и о которомъ вскорѣ только слухъ остался. Если оно такъ, то что же мѣшаетъ намъ и мѣста поискать, на которомъ стоялъ Эвпаторіонъ? — *Ктенусъ, разстояніе отъ городскихъ стѣнъ* — вотъ *извѣстное*; надобно сыскать *неизвѣстное: мысъ образующій бухту къ городу обращенную*. Поелику мы уже знаемъ, что Страбонъ называетъ Ктенусомъ сѣверную гавань, то первое открывается намъ, что мысъ, на которомъ укрѣплялся отрядъ войскъ Митридатовыхъ былъ на противуположномъ отъ города берегѣ Карантинной бухты. Между оною и Артиллерійскою могло тогда существовать соленое озерко, въ послѣдствіи времени высохшее; а что *тутъ* и *Ктенусъ*, въ этомъ можно удостовѣриться взглянувъ на карту, ибо тутъ же устроены нынѣшнія батареи, для защищенія устья большой Севастопольской гавани. Насупротивъ Карантина и до сихъ поръ существуетъ мысокъ, дѣйствительно образующій конецъ залива къ городу обращенный. Къ сему мы-

ску, постоянно дующій нѣсколько дней сѣверный вѣтеръ, обыкновенно наноситъ песокъ и слѣдственно не трудно полагать, что тутъ могла находиться плотина, отъ мыса до городской стѣны. И если въ этомъ ничего нѣтъ правдоподобію противнаго, то самое разстояніе, 15 стадій отъ мыса до городскихъ стѣнъ, придаетъ еще болѣе вѣса моему предположенію. Мы выше сего видѣли, что слово ἄκρα у Страбона имѣетъ весьма неопредѣленное значеніе, ибо онъ имъ называетъ и мысъ и полуостровъ. Въ слѣдствіе сего надобно полагать, что рѣчь его здѣсь не о маленькомъ этомъ мысѣ, который могъ служить къ соединенію крѣпостцы съ городомъ, способомъ плотины, но о всемъ томъ пространствѣ, которое заключается между Карантинною и Артиллерійскою бухтами; и тогда отъ устья Ктенуса до стѣны Херсона дѣйствительно будетъ 15 ст. или 3 версты. — Я отгадываю, что меня остановятъ вопросомъ: за чѣмъ бы Херсонцамъ укрѣпляться между Карантинною и Артиллерійскою бухтами, тогда какъ весь полуостровъ ихъ былъ огражденъ стѣною отъ Балаклавы до устья Біюкъ-Узеня (3.)? — Мой отвѣтъ: 1е что

(3.) Strab. Lib. VII. C. 4 § 7.

не надежна для нихъ была защита въ стѣнѣ перешейка, это доказывается тѣмъ самымъ, что они призвали Митридата къ себѣ на помощь, или лучше сказать, пожертвовали ему независимостію своею для безопасности отъ варваровъ; — 2е что Скиѳы дѣйствительно уже и прорывалися сквозь помянутую стѣну, какъ то явствуетъ изъ повѣствованія Страбона (4.); — и наконецъ 3е что Скиѳы могли, оставивъ стѣну позади себя и переправившись отъ Инкермана чрезъ узень, проходить берегомъ къ самому городу. Сверхъ этого не вздумаешь ли ты пугать меня свидѣтельствомъ Птолемея, поставившаго Эвпаторію первымъ городомъ Тавриды отъ Перекопа; что подало поводъ и намъ назвать Козловъ симъ именемъ? — Это свидѣтельство ни мало меня не колеблетъ: Страбонъ жилъ за 150 л. до Египетскаго Географа и я ему и Иродоту болѣе всѣхъ вѣрю въ отношеніи къ Тавридѣ и вообще къ землямъ гдѣ Скиѳы обитали. Впрочемъ надобно замѣтить и то, что ни до Птоломея, ни послѣ его, древніе Географы о Эвпаторіи не упоминаютъ; Страбонъ же говоритъ о

(4). Jd. — ibid. —

бывшемъ *какомъ то* Эвпаторіонѣ, слѣдственно уже не существовавшемъ около Р. Х., да если и существовавшемъ, то и въ такомъ случаѣ весьма не значущимъ, какъ временное укрѣпленіе, которое Діофану разсудилось украсить именемъ Государя своего.

Оставляя странствованіе мое по области догадокъ, я обращаюсь теперь къ западному углу Тавриды. Подъѣзжая къ оному, дорога становится похожа на широкую плотину; съ обѣихъ сторонъ вода; вотъ я вижу впереди себя море и вотъ я у Маяка на самомъ концѣ мыса Партеніона. Быть у башни и не взойти на оную, для меня дѣло не возможное: какъ не купить себѣ цѣною небольшой усталости, удовольствія вознестись выше обыкновеннаго, видѣть житейское подъ ногами у себя! Здѣсь трудъ мой награжденъ былъ не картиною суетъ мірскихъ, представляющуюся взорамъ стоящаго на высокой башнѣ, посреди шумнаго, многолюднаго города; но *Панорамомъ* полуострова Ираклійскаго: я увидѣлъ бухты, овраги, холмы, хутора, Севастополь, вѣрнѣе нежели на новой картѣ Тавриды (которой, мимоходовъ сказать, желалъ бы я нѣкоторыя поправки) и за всѣмъ этимъ на востокѣ, горы

позлащенныя лучами къ Западу склоняющагося солнца. Зрѣлище великолѣпное! Надъ всѣмъ господствуетъ Чатыр-Дагъ. Исполинъ возносится превыше облаковъ и чело его перуновъ не страшится. *Это Трапезусъ!* Я не имѣю болѣе въ томъ ни какого сомнѣнія: каковымъ онъ мнѣ казался отъ Перекопа, таковымъ точно и здѣсь; таковымъ же (увѣряли меня здѣшніе моряки (онъ представляется и съ моря: это Страбоновъ Трапезусъ. *Столъ Гора!*

Отъ Маяка мнѣ должно было возвратиться тою же дорогою до средняго залива Тройной бухты, гдѣ я, ѣдучи къ мысу, останавливался для обозрѣнія островка. Тутъ поворотивъ вправо, я пустился мимо неизвѣстныхъ теперь развалинъ древнѣйшаго Херсона, вдоль юговосточнаго, постепенно возвышающагося берега, до мыса Феолента (5), за коимъ представляется позлащенный крестъ, воодруженный на самомъ краю утеса. Н. добно близко подъѣхать, дабы выйти изъ обмана и увѣриться, что это крестъ церковной главы

---

(5). Я пишу Феолентъ, такъ какъ назначено на морскихъ картахъ: но подозрѣваю что это должно быть Violent, по Англійскому выговору *Вейолентъ.*

Георгіевскаго Монастыря, стоящаго на уступѣ горы, къ коему ведетъ спускъ крутый и опасный на лошадяхъ. Небольшой домикъ къ стѣнѣ прислоненный, жилище Архіепископа . ., за нимъ немногія кельи, надъ коими видны опустѣвшія, осыпающіяся пещеры, въ коихъ прежніе отшельники обитали; наконецъ не большая чистенькая, недавно построенная церковь, — вотъ все то, что составляетъ обитель Георгіевскую. Сойди нѣсколько ступеней крыльца церковнаго и ты на террасѣ, какъ балконъ висящемъ надъ ужасною пропастью. . . . Не довѣряй полусогнувшимъ деревяннымъ периламъ! И когда ты насладишься произвольнымъ трепетомъ, наслушаешься рева волнъ подъ ногами твоими, наглядишься на страшную скалу, какъ уголь черную, вокругъ коей ярится море и покрываетъ его пѣною: тогда обрати насыщенныя ужасомъ взоры, на картину спокойствія и тишины; посмотри на эти тополи, смоковни, коихъ вершины никогда не колебались отъ сѣвернаго вѣтра; взгляни на этотъ источникъ, какъ кристаллъ чистый и прозрачный, вытекающій изъ щели каменной горы — и вспомни Лукреціева мудреца, коего наслажденія возвыша-

ются ощущеніемъ внутренняго спокойствія, при созерцаніи внѣ бурь и треволненій. (*) Если ты, другъ мой, услышишь когда нибудь что я сдѣлался отшельникомъ, то ищи меня въ Георгіевскомъ Монастырѣ: здѣсь мѣдвица не видна и о сѣверѣ слуха нѣтъ.

Окончивъ путешествіе мое по Ираклійскому полуострову, я чувствую, что ты въ правѣ теперь спросить меня, для чего я ни слова еще не сказалъ тебѣ о храмѣ Ифигеніи. Я бы желалъ что бы ты не сдѣлалъ мнѣ такого вопроса, или что бы я могъ пройти въ молчаніи предметъ, по которому долженъ буду оспоривать мнѣніе много мною почитаемаго Палласа. Сколько я однакоже ни уважаю память его, но будучи вѣренъ обѣту моему, никогда не измѣнять правдѣ, вступаю — хотя съ трепетомъ — но вступаю въ состязаніе съ человѣкомъ, коего необыкновенные просвѣщеніе, умъ, познанія, суть такія оружія, отъ которыхъ бы я оробѣлъ на первомъ шагѣ поприща, если бы не имѣлъ противъ нихъ щита, въ убѣжденіи моемъ въ истинѣ.

(*) Suave, mari magno turbantibus aequora ventis
E terra magnum alterius spectare laborem.

Lucret. Lib. II. v. 1.

Разсмотрѣвъ прилѣжно источники, коими руководствуются новѣйшіе отыскатели храма Ифигеніи въ Тавридѣ, мы находимъ, что всѣ они ссылаются на Митографовъ и на Поэтовъ, повторявшихъ въ пѣсняхъ и на театрахъ сказанное первыми. Пышныя свидѣтельства, конечно, и многочисленныя; но увы! — весьма слабыя когда они не озарены свѣтильникомъ критики, различающей вымыселъ отъ историческои истины. Правда что Иродотъ упоминаетъ о поклоненіи Тавровъ Ифигеніи, дочери Агамемноновой; но и отецъ Исторіи повѣствуетъ а преданіи, хотя уже вкоренившемся между Греками, однако же не менѣе того баснословномъ и не имѣющемъ другаго источника, какъ только Миты и страсть Грековъ находить во всѣхъ странахъ извѣстнаго имъ міра, своихъ домашнихъ боговъ и Ироевъ. Такимъ образомъ они присвоили себѣ Вакха Индійскаго и Геркулеса Тирскаго, сдѣлавъ изъ нихъ Діонисія и Иракла, уроженцевъ Тиринты и Ѳивъ. Услышали они, что полудикій народъ Тавры поклоняются *какому то божеству Дѣвѣ:* кому же это быть, какъ не *дѣвственной* Діанѣ? И кого же дать ей въ жрицы, какъ не Ифигенію мстящую всѣмъ попадающимся ей

въ руки Грекамъ, за претерпѣнную ею насильственную смерть, которою они купили себѣ попутный вѣтръ, для отплытія къ берегамъ Фригійскимъ? — Можетъ быть для тебя еще этого мало, чтобы поколебать такую опору каково свидѣтельство Иродота: но если съ одной стороны отецъ Исторіи, то съ другой можно противупоставить ему отца Поэзіи, который въ самой Поэмѣ своей, посвященной славѣ Грековъ, въ походѣ ихъ противъ Трои, ни слова не говоритъ о закланіи Ифигеніи въ Авлидѣ, а на противъ того упоминаетъ о ней, вмѣстѣ съ сестрами ея и братомъ, какъ о живущей въ отцевскомъ домѣ, въ Микинахъ, въ теченіе послѣдняго, десятаго года осады (6). Я изъ сего вывожу то заключеніе, что хотя бы и не совсѣмъ отвергать басню о Ифигеніи, такъ по крайней мѣрѣ признать должно въ ней такія темноту и противорѣчіе, что стараться извлечь изъ оной какую нибудь историческую истину, въ отношеніи къ нашей Тавридѣ, есть дѣло совершенно невозможное.

(6.) *τρεῖς δέ μοι εἰσὶ θύγατρες ἐνι μεγάρῳ εὐπήκτῳ,*
χρυσόθεμις, και λαοδίκη, καί ΙΦΙΑΝΑΣΣΑ·

Jlias. IX. vers. 144.

Теперь отложивъ въ сторону Миты и самаго Иродота, займемся Страбономъ и Палласомъ, ссылающимся на Страбона. Палласъ говоритъ, что онъ видѣлъ на востокѣ Георгіевскаго Монастыря надъ берегомъ морскимъ, развалины строенія и дѣлаетъ о нихъ слѣдующее заключеніе: „трудно рѣшить, на какое употребленіе могло служить зданіе сіе: недостатокъ воды не позволяетъ мнѣ думать что „бы оно могло быть крѣпостью; но имя, которое мысъ, вблизи находящійся, носитъ и „до сихъ поръ, *Мыса Святаго*, и разстояніе „онаго отъ стѣнъ Херсонскихъ, даютъ мнѣ „поводъ къ заключенію, что это было fanum „Daemonis Virginis, *Капище Богини Дѣвы*, такъ „какъ Ая-Бурунъ, promontorium Parthenium, „о коихъ упоминаетъ Страбонъ" (7.). Такимъ образомъ Палласъ полагаетъ *мысъ Партеніонъ* въ полутора верстахъ на востокъ отъ Георгіевскаго Монастыря, гдѣ собственно нѣтъ мыса; *Храмъ Дѣвы*, fanum Virginis, ставитъ ближе къ Монастырю, между мнимымъ тѣмъ мысомъ и Феолентомъ; а что всего страннѣе, ссылается во всемъ этомъ на Страбона, ко-

(7.) Pallas, second Voyage. Tom. III. p. 74.

тораго каждое слово противорѣчитъ симъ заключеніямъ. Я повтореніями моими наскучу тебѣ, но обойтиться безъ нихъ не могу; ибо охотнѣе пожертвую пріятностію слога, нежели оставлю недоказаннымъ то, что мнѣ такъ ясно представляется. Вспомнимъ что Страбонъ дѣлаетъ *береговое* описаніе Тавриды, не входя ни въ какія подробности о мѣстахъ средиземныхъ полуострова, можетъ быть по той причинѣ что не имѣлъ о нихъ достаточныхъ свѣденій. Онъ говоритъ: отъ Херсона (въ которомъ Храмъ Дѣвы нѣкоего божества) 100 стадій до мыса Партеніона; на ономъ мысѣ капище того же божества; а между городомъ и мысомъ симъ, три бухты. Далѣе (разумѣется за мысомъ и все продолжая описаніе береговое) развалины древняго Херсона и проч.— Скажи самъ, не идетъ ли тутъ Страбонъ по порядку, какъ учитель Географіи, пальцемъ указывающій ученику на картѣ: *вотъ Херсонъ; вотъ бухта, другая, третья; вотъ мысъ Партеніонъ; далѣе развалины прежняго Херсона; потомъ гавань Символовъ и конецъ полуострова.* Палласъ самъ признаетъ точность сего описанія, щитаетъ тѣ же три бухты; но потомъ, вмѣсто того, что бы признать *Партеніонъ*

въ мысѣ Херсонесѣ, непосредственно за бухтами Страбономъ названными и столь ясно означенованными, онъ совершенно въ превратномъ порядкѣ, миновавъ мысъ настоящій а не мнимый, миновавъ развалины древнѣйшаго Херсона, ищетъ Партеніона на мѣстѣ, которое, если именовать мысомъ, то не будетъ ни одной излучины берега морскаго, которая бы не имѣла права на таковое названіе, и это все для того только что Ая - Бурунъ значитъ *Святой мысъ* и что разстояніе, отъ развалинъ близъ онаго находящихся, до стѣны городской соотвѣтствуетъ стамъ стадіямъ, назначеннымъ Страбономъ. Тутъ противорѣчіе за противорѣчіемъ: въ порядкѣ Страбоновомъ за тремя бухтами слѣдуетъ мысъ, за мысомъ развалины древнѣйшаго Херсона, за ними гавань Символовъ; у Палласа, за бухтами развалины, потомъ мѣсто гдѣ стояло капище нѣкоего божества, наконецъ мысъ Партеніонъ, который онъ находитъ въ Ая - Бурунѣ, отстоящемъ за Балаклавою на югъ, по крайней мѣрѣ въ осьми верстахъ, и то прямо моремъ, а не берегомъ. Положимъ и то что Ая - Бурунъ не правильно назначенъ на морскихъ картахъ и что онъ подлинно у деревни *Кораны*, то и въ

такомъ случаѣ капище Ифигеніи стояло бы не на мысѣ, а подлѣ онаго, что совершенно противно сказанному Страбономъ.

Всей этой запутанности причиною, кажется мнѣ, *названіе* мыса *Дѣвинымъ* и *Капище* наономъ *нѣкоего божества*. Всякой человѣкъ съ пылкимъ воображеніемъ, съ начитанностію, невольно нападаетъ на мысль о Ифигеніи, когда рѣчь зайдетъ, *о Капищѣ нѣкоего божества Дѣвы, въ Тавридѣ*: такъ точно и Палласъ завлеченъ былъ; и, что всего удивительнѣе, самымъ Страбономъ, у котораго и въ помышленіи не было говорить о дочери Агамемноновой: ибо въ противномъ случаѣ, онъ бы недовольствовался сказать *въ городѣ храмъ нѣкоего божества*, а конечно бы назвалъ это Божество *Діаною*; и говоря о мысѣ, не повторилъ бы того же недоумѣнія, а по крайней мѣрѣ намѣкнулъ бы читателю догадку свою, если бы подозрѣвалъ, что мысъ *Партеніонъ* названъ по *Дѣвѣ Ифигеніи*.

Солнце уже высоко. — Я слышу движеніе на пристани: — Это каттеръ мой .... Прощай!

ПИСЬМО VIII.

Севастополь.

Для окончательнаго обозрѣнія полуострова Ираклійскаго не доставало мнѣ еще видѣть образующія оный гавани, Ктенусъ и Символовъ, т. е. Ахтіярскую и Балаклавскую: и для того окончивъ вчера письмо мое къ тебѣ, я тотъ часъ сѣлъ на каттеръ и поплылъ. Отъ дома моего до конца залива большой гавани щитаютъ верстъ восемь или съ небольшимъ. Все мнѣ благопріятствовало: безвѣтріе, прелестнѣйшая погода, каковой у васъ не бываетъ въ лучшіе дни Іюня; и это здѣсь въ послѣдній Сентября! Охотно вѣрю Бальи, полагающему всѣ преселенія народовъ отъ сѣвера на полдень. Что чада постепенно охладѣвающей полуночной страны, покидали угрюмыя дебри свои и селилися въ краяхъ, гдѣ природа милуетъ человѣка; въ этомъ я вижу ходъ естественный. Но что бы люди испытавшіе благотворное вліяніе щастливаго небосклона, могли безъ крайняго принужденія осудить себя на обитаніе въ мѣстахъ, гдѣ природа не мать а мачиха, гдѣ круглый годъ зима, съ тою только разницею, какъ замѣтилъ одинъ ум-

ный Персіянинъ, что девять мѣсяцевъ *бѣлая* а остальные три *зеленая*: этого я ни какъ представить себѣ не могу, потому что щасшливый климатъ входитъ въ составъ благоденствія человѣческаго и есть одно изъ необходимыхъ условій для благополучной жизни.

Объѣхавъ мысъ, на коемъ лежитъ сѣверная часть города, Севастопольская гавань, постепенно къ востоку съужающаяся, представляетъ плывущему по ней прекраснѣйшіе съ обѣихъ сторонъ виды: на право открывается амфитеатромъ расположенный Севастополь, южная бухта; корабельная, наполненная судами какъ въ докахъ безопасно спящими; далѣе, въ береговыхъ горахъ пещеры служащія погребами для пороха не только что не теряющаго силы своей отъ близости къ водѣ, но еще большую пріобрѣтающаго, конечно по причинѣ селитры которою изобилуютъ горы сіи. На лѣвомъ берегу устья, представляется плоская сѣверная коса, съ маякомъ на ней, служащимъ для сигналовъ. За нею такія же въ береговой горѣ пещеры какъ и на правой сторонѣ, изъ коихъ нѣкоторыя употребляются для селитренныхъ заводовъ.

Отъ сѣверной косы до устья Узеня, маленькой рѣчки впадающей въ заливъ, я плылъ не болѣе часа: съ 14ю веслами въ рукахъ Рускихъ гребцовъ, не надобно вѣтра; съ ними и Агамемнонъ не имѣлъ бы нужды умилостивлять боговъ кровью дочери своей.

Устье рѣчки Узеня покрыто камышемъ. Каттеръ скрылся въ немъ, приставая къ лѣвому Инкерманскому берегу, гдѣ на горѣ видны развалины стѣнъ и башень, принадлежавшихъ, судя по занимаемому ими пространству, нарочито большому, хорошо укрѣпленному городу. Имя его Инкерманъ, значущее на Татарскомъ языкѣ *пещерный городъ*, доказываетъ, что оно дано было мѣсту сему по раззоренію настоящаго города, на щетъ коего другой догадки себѣ не позволяю, кромѣ той что въ немъ Херсониты обитали. Нѣкоторые путешественники (1) думали находить въ

(1.) Между прочими Гжа Гутри: a Tour through the Taurida, or Crimea; by Mrs Guthrie. — Путешествіе ее писано пріятнымъ, легкимъ слогомъ и въ немъ много воображенія; но по нещастію она часто и въ исторіи руководствуется воображеніемъ; напримѣръ говоря о Перекопѣ (стр. 50) она принимаетъ Херсонисъ Тракійскій за Таврическій.

Инкерманѣ городъ Ктенусъ: я не знаю, существовалъ ли когда нибудь городъ сего имени. Страбонъ, сколько я помню, упоминаетъ трижды о Ктенусѣ: первый съ присовокупленіемъ къ нему слова гавань; оба же другіе хотя и просто называетъ *Ктенусомъ*, но по всѣмъ соображеніямъ видно, что онъ говоритъ о той же гавани. Кромѣ Страбона и Птолемея, равнымъ образомъ называющаго Ктенусъ гаванью, я не думаю, что бы кто либо изъ древнихъ Географовъ упоминалъ объ ономъ, слѣдственно кажется мнѣ и слѣда нѣтъ отыскивать здѣсь города Ктенуса.

Вся Инкерманская гора ископана пещерами. Палласъ весьма основательно полагаетъ, что Иноки послѣдователи Арія, гонимы будучи Византійскими Государями, (*) находили убѣжище у Херсонитовъ, подобно имъ Аріянъ и не помѣщаясь въ ихъ городѣ, устроили себѣ кельи въ близь лежащей, удобной къ тому горѣ. Примѣчательнѣйшая изъ сихъ пещеръ находится подъ самою крѣпостью, въ двѣ трети горы отъ подошвы оной. Двѣ лѣсницы ведутъ къ ней, изъ коихъ по одной можно еще всхо-

---

(*) За Эресь осужденную на первомъ Вселенскомъ Соборѣ.

дитъ довольно безопасно. Любопытна тутъ церковь, высѣченная въ извѣстковомъ камнѣ, коей Архитектура мнѣ весьма понравилась и принадлежитъ къ хорошему вкусу, не правильно готическимъ называемому. Полуовальный видъ ея, легкій сводъ, олтарь насупротивъ арки служившей главнымъ входомъ; и по обѣимъ сторонамъ противоположныхъ стѣнъ впадины, въ коихъ по видимому были такъ же олтари: во всемъ этомъ соблюдена соразмѣрность въ частяхъ, обнаруживающая изящный вкусъ зодчаго. Надъ главнымъ олтаремъ, какъ подъ сводомъ, такъ и подъ жертвенникомъ, примѣтно что были образа, писанные на камнѣ: но время и особливо невѣжество осудившее на опустѣнія любопытнѣйшія мѣста въ Тавридѣ, изгладили всѣ до одной черты, по коимъ бы можно было судить о степени искуства, если не въ живописи, то по крайней мѣрѣ въ рисовкѣ. Я вспомнилъ о способѣ употребляемомъ въ Помпеѣ, плескалъ свѣжую воду на стѣну: но все было тщетно; примѣтно только что были тутъ краски и болѣе ни чего.

Въ одной изъ двухъ комнатъ прилежащихъ къ церкви, служившихъ можетъ быть для утвари или ризницами, есть почти раз-

валившаяся и опасная для всхода лѣстница, ведущая на поверхность горы, гдѣ находятся развалины: это конечно было сообщеніе между пещерною и наружною церквами. Остатки крѣпости теперь состоятъ изъ стѣнъ, башенъ и глубокаго рва, съ западной стороны, гдѣ полагать надобно былъ и главный въѣздъ въ укрѣпленный городъ сей. Кромѣ сего видно еще на юговосточномъ краю горы остатки зданія, имѣвшаго сообщенія съ пещерами по лѣсницамъ, сдѣлавшимися уже непроходимыми. — Этого мѣста не должно оставлять безъ вниманія: остатки крыльца, или тераса, надъ самымъ утесомъ горы, представляютъ изъ рядовъ камней, уступами лежащихъ, четвероугольную площадку, на которой можно отдыхая прельщаться восхитительнымъ видомъ Инкерманской долины, орошаемой извивающимся по ней Узенемъ.

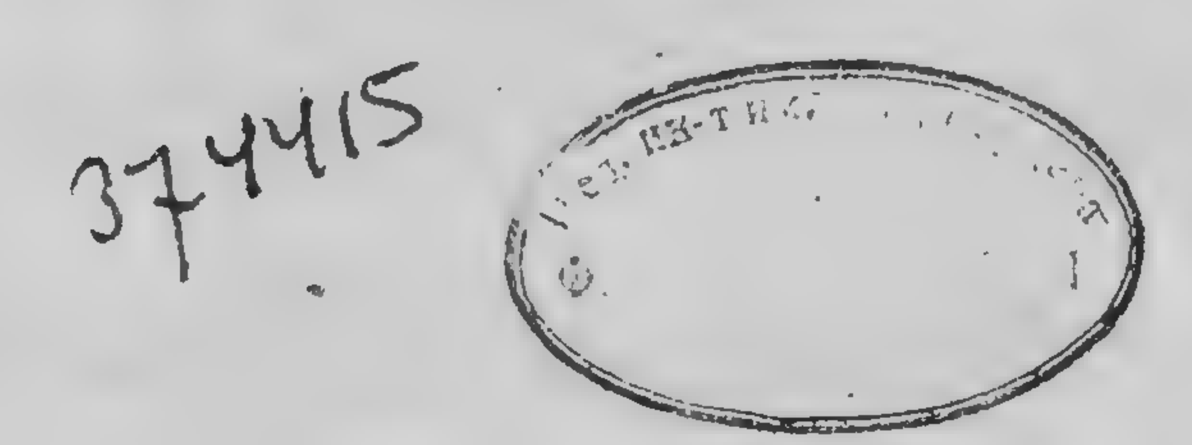
Осмотрѣвъ мѣста сіи, я перешелъ на лѣвый берегъ рѣчки, по сводамъ, оставшихся отъ моста, трехъ аркъ, довольно высокихъ и конечно весьма прочно основанныхъ, ибо онѣ, чрезъ столько вѣковъ, могли въ узкой долинѣ устоять противъ стремленія зимнихъ потоковъ. Южная гора во всемъ сходствуетъ съ

сѣверною Инкерманскою: такія же и въ ней пещеры и церковь одинаковой архитектуры, съ тою, о которой я говорилъ, только что не много по выше. Сверхъ этого, въ пещерахъ на сей сторонѣ, примѣчателенъ корридоръ широкій, высокій, дугою внутри горы ведущій отъ церкви къ пространной комнатѣ, съ большимъ отверстіемъ служившимъ для освѣщенія. Полагать надобно, что подобные сему корридоры находилися между всѣми пещерами горы сей и тою, которая теперь превращена въ пороховый погребъ. — Лѣвый берегъ Узеня вообще живописнѣе праваго: съ одной стороны скала надъ долиною выступаетъ навѣсомъ и составляетъ уголъ мѣстами, градусовъ въ 70 отъ подошвы горы; съ другой великолѣпныя теребинтныя деревья, разсѣяны по лужку, на которомъ совокупное дѣйствіе солнца и влаги даетъ прозябенію не обыкновенную свѣжесть и силу. —

ПИСЬМО IX.

Балаклава.

Чѣмъ менѣе бываетъ гостей въ какой землѣ; тѣмъ болѣе въ ней гостепріимства — такъ заключаютъ нѣкоторые наблюдатели нравовъ и мнѣ

374415

кажется заключают невыгодно для сердца человѣческаго, а можетъ быть и несправедливо: по крайней мѣрѣ Таврида служитъ сему правилу изключеніемъ. Множество путешественниковъ посѣщаютъ ее каждую осень и я нигдѣ не находилъ такого добродушнаго гостепріимства какъ здѣсь. Вотъ и теперь я нахожусь у заслуженнаго, израненнаго начальника Балаклавы и Греческаго баталіона Ревеліотиса, какъ у себя въ домѣ; и точно такъ, сказываютъ, онъ всѣхъ заѣзжающихъ къ себѣ принимаетъ; радъ служить всѣмъ, что имѣетъ; и вся семья его старается, какъ бы лучше угодить и чѣмъ бы лучше угостить. Чистенькій, веселый домикъ его стоитъ на концѣ города на восточномъ берегу *узкоустой* гавани, которая будучи стѣснена между двухъ высокихъ горъ, сходствуетъ болѣе съ рѣкою нежели въ заливомъ морскимъ. Противъ комнаты моей, съ южной стороны, я вижу на краю скалы, надъ самымъ устьемъ гавани, висящую Генуэзскую башню. Крѣпость сія, *Чембало*, принадлежившая сперва Грекамъ, потомъ Генуэзцамъ, была обнесена высокими стѣнами и сильно укрѣплена башнями, особливо отъ устья залива.

Ты помнишь что Страбонъ говоритъ: *около гавани Символовъ найболѣе разбойничаютъ Тавроскиѳы.* Эти слова подали поводъ толковать названіе *Символовъ*, какъ будто значущее *уговоровъ*, условій между разбойниками, о нападеніи на заплывающихъ въ гавань и о дѣлежѣ добычи. Но какія условія, какіе контракты могутъ существовать между полудикими разбойниками? Я охотнѣе производу названіе гавани сей отъ *σύμβολας, встрѣчный*, что могло бы соотвѣтствовать *сходбищу, притину* воровскому. Новое имя *Балаклава*, также занимало любителей словопроизводства: Палласъ, напримѣръ, полагаетъ что это можетъ быть испорченный *Палакіонъ*, чего однако же я не думаю; ибо Страбонъ упомянувъ о сей Скилуровой крѣпостцѣ, не опредѣлилъ мѣстоположенія оной, почему заключить можно, что она не была приморскою, а того еще менѣе на семъ мѣстѣ, у устья гавани, съ подробностями имъ описанной. Забавнѣе всего толкуютъ здѣшніе жители Греки: они производятъ *Балак-Лава* отъ двухъ словъ, одного Татарскаго *Балыкъ* рыба, а другаго Греческаго *Лаве бери* т. е. *рыбу лови* (1.) Ежели бы я охот-

(1.) λάβε а λαμβάνω.

никъ былъ до таковыхъ словопроизводствъ, то я бы сказалъ что Генуезцы, обрадованные находкою здѣсь *прекраснаго ключа* замыкающаго южный берегъ на западѣ, назвали гавань сію Bella Chiave, изъ которой Татары передѣлали свою Балаклаву: но Генуэзцы не давали имени своего, а найденное ими *Символвоб* превратилось въ Италіанское *Чембало*.

Я выше сказалъ; *здѣшніе жители Греки*; и подлинно весь этотъ городъ населенъ Греками, потомками тѣхъ морейцевъ, которые передались намъ во время пребыванія нашего флота въ Архипелагѣ въ 1770 году. И они подобно Троянцамъ, не вдругъ пристали къ берегамъ судьбами имъ обреченнымъ: не вдругъ основали Лавинію свою. По Кайнарджійскомъ мирѣ, они сперва поселилися въ Таганрогѣ; но когда возникла война, коей послѣдствіемъ было конечное покореніе Крыма, то посланы будучи чрезъ Арбатскую косу къ Каффѣ, они оттуда (это собственныя слова одного Спартанца) безъ милосердія гнали бѣдныхъ Татаръ вдоль сего южнаго берега и конечно бы загнали ихъ въ море, если бы миръ не настигъ гонителей въ Балаклавѣ, гдѣ остановясь они поселилися и живутъ до сихъ поръ, не лю-

бимые Татарами, называющими ихъ *Арнаутами.*

Если одинаковыя начала должны имѣть одинаковыя послѣдствія, то въ судьбахъ Балаклавы должно крыться нѣчто похожее на судьбы Ромулова города. Римляне по недостатку женъ, принуждены были похитить Сабинокъ: по той же самой причинѣ и новые Балаклавскіе поселенцы похищали Жидовокъ и Татарокъ, гдѣ только находили къ тому случай. Чиновники или тѣ изъ нихъ которые были позажиточнѣе, находили кое гдѣ Гречанокъ; и я самъ говорилъ съ однимъ почтеннымъ, сѣдоусымъ Капитаномъ, соотчичемъ Агезилая, который оставивъ Креузу свою въ Пелопонисѣ, взялъ за себя Кафскую Лавинію: но участь эта была немногихъ *Оптиматовъ*; бѣдная же чернь должна была довольствоваться всякою Сабинкою, какая бы ни попалась въ руки. Теперь уже они и сами разбогатѣли дочерьми, однако же не смотря на то, краснорѣчивая любовь, и теперь еще нерѣдко отрывая поклонницъ у Магомета, сбчетаваетъ отродіе Пеласговъ съ потомствомъ Чингисъ - Хана.

Я было забылъ сказать тебѣ, что число сихъ Грековъ здѣсь простиралося въ началѣ

до 2000 человѣкъ и болѣе, но теперь уменьшилося до 440, настоящій комплектъ Греческаго баталіона, коего служба состоитъ въ содержаніи карауловъ, по южному берегу до Судака. Мундиръ ихъ есть смѣсь образчиковъ всѣхъ народовъ отъ Омировскаго вѣка до нашего: напримѣръ кожаный шлемъ ихъ — *Кинел*, верхнее платье—Англійскій спенсеръ; жилетъ —Гусарскій; наконецъ исподнее красное платье такое широкое какое нашивали въ среднихъ вѣкахъ Нѣмецкіе Бароны (2). Ко всему этому представь еще себѣ длинные Трабантскіе сапоги и ты будешь имѣть понятіе о Балаклавскомъ Арнаутѣ. Когда я въ первый разъ увидѣлъ часоваго въ такомъ нарядѣ у дверей стоящаго, съ длиннымъ Албанскимъ ружьемъ въ рукахъ, съ таковыми же саблею и висящимъ подлѣ нее пистолетомъ, я невольно вспомнилъ о приставѣ замка Акинкеркгофскаго.

(2.) Мейнерсъ, въ *описаніи обычаевъ и нравовъ среднихъ вѣковъ*, говоритъ, что у Нѣмецкихъ Бароновъ была (не помню въ какомъ столѣтіи) мода носить такое широкое исподнее платье, что нѣкоторымъ случалося отдавать въ залогъ замки свои, для того чтобы имѣть чѣмъ купить сукна на *одну только пару* такого платья,

Отъ Балаклавы, чрезъ Татарское селеніе *Кадыкой*, прямо до устья рѣки Узеня, какъ я уже тебѣ сказывалъ, 40 стадій (3) т. е. 8 верстъ; и по всему этому пространству, составляющему перешеекъ полуостровка, примѣтны еще и теперь слѣды бывшей тутъ нѣкогда стѣны. Объ этомъ то самомъ укрѣпленіи упоминаетъ Стравонъ, повѣствуя о войнѣ Митридата противъ Скилура: „ Скиѳы, „говоритъ онъ, ворвалися было за стѣну и „наполнивъ ровъ камышемъ переходили по немъ „какъ по мосту; но Царскіе воины, зажегши „камышъ сей ночью, сражалися тутъ до тѣхъ „поръ пока враговъ одолѣли (4)." Бугорки одинъ отъ другаго вблизи находящіеся, въ прямомъ направленіи отъ юга къ сѣверу, суть несомнѣнные признаки стѣны сей; что же касается до рва, то время и слѣды онаго уже изгладило.

Прощай другъ мой; ѣду ночевать въ Севастополь и завтра же отъ туда продолжаю путешествіе мое.

(3.) См. Прим. 10 на Письмо VI.

(3.) Strab. Lib VII. C. 4 § 7.

ПИСЬМО X.

Бакчисарай.

Область догадокъ граничитъ съ областію воображенія: такъ не удивляйся же узнавъ, что другъ твой изъ первой прямо переѣхалъ во вторую. Здѣсь, забывъ Страбона, и вспоминая 1001 ночь, мнѣ мечтается что какой нибудь волшебникъ занесъ меня на востокъ и оставилъ посреди горъ, въ пустомъ, обвороженномъ замкѣ, ни входа, ни выхода не имѣющемъ. Я хожу по огромнымъ заламъ и одинъ гулъ отъ шаговъ моихъ раздается подъ высокими потолками. Схожу съ крыльца широкаго, прохожу чрезъ дворы мощеные — вездѣ царствуетъ молчаніе. Зелень древесная манитъ меня за ограду: вступаю—и при слабомъ мерцаніи луннаго свѣта, вижу надгробные мраморы, подъ деревьями, между густою травою бѣлѣющіеся. Невольный трепетъ объемлетъ меня. Предо мною полуотворенная дверь; вхожу подъ круглый сводъ — и вижу гробы на помостѣ, чернымъ сукномъ покрытые . . . . Ахъ! гдѣ геній мой хранитель? Кто выведетъ меня отъ сюда или дастъ мнѣ талисманъ, которому волшебникъ подчинилъ невидимыхъ слугъ

сего страшнаго жилища? Все безмолвствуетъ въ обители смерти и оглашаетъ пустыню одинъ только шумъ источниковъ текущихъ въ каменныя чаши ... — Однако же не лучше ли, какъ говорятъ добрые люди, помолиться Богу да лечь спать; а завтра за перо: дѣло можетъ быть обойдется и безъ талисмана, а мы избавишься отъ чтенія 1002 ночи, которая конечно бы не стоила настоящихъ Арабскихъ.

Вчера въ вечеру подъѣхавъ къ Бакчисараю и спустившись въ ущелину, въ которой онъ лежитъ, я засвѣтло успѣлъ только проѣхать длинную улицу, ведущую къ Хан-сараю (т. е. къ Ханскому Дворцу) на восточномъ концѣ города находящемуся. Солнце давно уже не видно было за горами и сумракъ начиналъ сгущаться, когда я вступилъ на первый дворъ *сарая*. Это не помѣшало мнѣ пробѣжать по теремамъ и дворамъ Таврической *Аламбры;* и чѣмъ менѣе видимы становилися предмѣты, тѣмъ живѣе дѣлалася игра воображенія моего, наполнившагося радужными цвѣтами восточной поэзіи. Я не знаю, чтобы я далъ вчера за то чтобы имѣть 1001 ночь; конечно на пролетъ всю вчерашнюю прослу-

шалъ бы Шехерасаду: по щастію моему здѣсь нѣтъ Рускихъ лавочниковъ; и я не проспалъ прекраснаго сегодняшняго утра.

Я поведу тебя, мой другъ, не изъ покоевъ, но такъ какъ должно отъ внѣшнихъ воротъ, въ которыя проѣздъ съ улицы, по мосту чрезъ узкую *Грязную рѣчку*, Сурукъ-су. Прошедъ въ ворота, ты на первомъ дворѣ; на пространномъ Паралелограмѣ, коего, противуположный входу, малый бокъ, граничитъ съ садовыми терасами; оба же большіе, заняты на лѣвой сторонѣ Мечетью и службами; а съ правой, дворцемъ состоящимъ изъ смѣжныхъ не одинаковой высоты зданій. На этой правой сторонѣ, чрезъ ворота подъ строеніемъ находящіяся, ты проходишь во внутренній дворъ, гдѣ тотъ часъ на лѣвой рукѣ, представляются тебѣ желѣзныя двери, пестро въ Аравскомъ вкусѣ украшенныя, съ двуглавымъ надъ ними орломъ, занявшимъ мѣсто Оттоманской луны. Это входъ на большое крыльцо, надъ коимъ слѣдующая надпись на Аравскомъ языкѣ; (1.)

(1.) Переводомъ сей и слѣдующихъ надписей, я обязанъ Гну Ананьичу, Бакчисарайскому Полицмейстеру.

Владѣетъ сими вратами стяжавшій здѣшнюю область (2); высочайшая особа, Гаджи-Гирея Хана сынъ Менгли-Гирей Ханъ. Да Господь Богъ, Менгли-Гирея Хана, вкупѣ съ отцемъ его и матерью, въ сей и будущей жизни удостоитъ блаженства своего.

Надъ сими же дверьми по ниже:

Основать сіи великолѣпные врата повелѣть соизволилъ владѣтель двухъ морей и двухъ областей, Гаджи-Гирея сынъ Менгли-Гирей, Султанъ, сынъ Султана 959 года. (3)

Онъ для сего употребилъ одного Муллу, знающаго Аравскій языкъ: но какъ языкъ сей неизвѣстенъ ни Гну Ананьичу, ни мнѣ, то за исправность перевода я ручаться не смѣю.

(2.) *Стяжавшій*, думать надобно, или худо переведено, или сочинитель надписи чрезъ то хотѣлъ сказать: *основавшій Бакчисарай*. Я полагаю, что Менгли-Гирей, по взятіи Турецкой Каффы, перенесъ Столицу изъ Стараго Крыма сюда, и слѣдственно былъ основателемъ Бакчисарая.

(3.) Это явная ошибка. Менгли-Гирей вторично возведенный на Престолъ Крымскій Магометомъ II., не прежде могъ основать Бакчисарай, какъ въ концѣ XV.

Переступивъ за порогъ, ты въ пространныхъ сѣняхъ, на марморномъ помостѣ и на правой рукѣ видишь широкое крыльцо ведущее на верхніе палаты. Но сперьва остановимся въ сѣняхъ и посмотримъ на два прекрасные фонтана, безпрестанно ліющіе воду изъ стѣны въ бѣлыя марморныя чаши: одинъ насупротивъ дверей; другой тотъ часъ на лѣво. Надъ симъ послѣднимъ слѣдующая странная и любопытная надпись:

Слава всевышнему Богу! Возвеселилося вновь лице Бакчисарая, благотворнымъ о немъ попеченіемъ Свѣтлѣйшаго Керимъ-Гирея Хана. Онъ то утолилъ жажду страны своея щедрою рукою и тщится еще вящшее оказать благодѣяніе, когда будетъ на то помощь Божія. Попечительнымъ стараніемъ своимъ онъ открылъ славный токъ воды. Ежели есть другой подобной красоты фонтанъ, да предстанетъ онъ! — Видѣли мы города Шамъ? (4.) и Багдадъ, но такого

вѣка т. а. между 1480 и 1490 годами, соотвѣтствующими 885 и 895 Эгиры.

(4.) Я оставилъ *Шамъ* такъ какъ онъ написанъ въ пе-

прекраснаго фонтана ни гдѣ не видывали. — Сочинявшій надпись сію писецъ, по имени Шейхій. — Человѣкъ томимый жаждою, сквозь воду, изъ тоненькой какъ палецъ его трубки, истекающую, прочтетъ начертаніе сіе на фонтанѣ. Но что же оно гласитъ? Прійди, пей сію прозрачную воду, изъ самаго чистаго источника текущую: *она здравіе даетъ* (сія последняя рѣчь, въ переводѣ буквъ на числа, значитъ 1176 годъ: отъ Эгиры).

Надъ фонтаномъ насупротивъ дверей:

Капланъ-Гирей Ханъ, Гаджи-Селимъ-Гирея Хана сынъ. Господь Богъ да проститъ обоимъ прегрѣшеніе ихъ, равномѣрно отцу и матери. 1776. годъ (отъ эгиры) (5.)

Дабы не оставить ничего недосказаннымъ о семъ нижнемъ помостѣ, замѣтимъ широкій

реводѣ; но какой тутъ городъ разумѣется, этого отгадать не могу.

(5.) Надобно полагать, что фонтанъ сей сооруженъ былъ Капланомъ въ самый годъ (1769) кончины предмѣстника его Керима.

корридоръ отъ лѣваго угла, противуположной входу стѣны, ведущей прямо въ домовую Ханскую божницу, надъ дверью коей начертано:

Селамидъ-Гирей Ханъ, сынъ Гаджи-
Селимъ-Гирея Хана (6.)

Другая дверь того же корридора на лѣво, даетъ входъ въ большую комнату, гдѣ диванъ вокругъ стѣнъ, до половины покоя, съ марморнымъ посреди онаго водометомъ. Это убѣжище прелестно прохладою въ знойные часы, когда раскаляются отъ жару окружающія Бакчисарай горы. Третья дверь ведетъ въ Ханскій Диванъ, т. е. въ комнату, гдѣ собирался Государственный Совѣтъ; въ нее есть входъ и чрезъ переднюю, съ наружи отъ большаго двора.

Когда я опишу тебѣ одну изъ залъ верхняго жилья, ты будешь имѣть понятіе о всѣхъ прочихъ, разнствующихъ между собою однимъ только большимъ или меньшимъ украшеніемъ на стѣнахъ. Какъ фасадъ строенія не по прямой чертѣ а городками, то первое должно замѣтить, что главныя залы освѣщены съ трехъ сторонъ; т. е. всѣ изъ фа-

(6.) Селамидъ владѣлъ отъ 1587 по 1610.

сады выступающія оныхъ стѣны, вплошь о-кончатыя. Другаго входа въ залу нѣтъ кромѣ одной двери боковой, не примѣтной между пиластрами Аравскаго вкусу, между коими и шкафы, такъ же не примѣтные, находятся по всей темной этой стѣнѣ. Надъ оными (въ лучшихъ залахъ) стекла съ нутри и сънаружи покоя, до потолка, между коими стоятъ у-крашенія лѣпной работы, какъ то чаши съ плодами, съ цвѣтами, или деревцы съ чучелами разныхъ птицъ. Потолки такъ же какъ и темная стѣна столярной работы и весьма красивы: это тоненькая вызолоченная рѣшетка, лежащая на лаковомъ грунтѣ, густаго краснаго цвѣта; на полу я увидѣлъ знакомыя мнѣ въ Испаніи *Эстеры* т. е. рогожки весьма искусно сплетенныя изъ тростника, родъ *гениста* и употребляемыя вмѣсто ковровъ на полахъ кирпичныхъ или каменныхъ. Для защиты отъ яркости лучей въ комнатѣ съ трехъ сторонъ освѣщенной, кромѣ ставней служатъ еще и цвѣтныя, узорчатыя стекла въ окнахъ, любимое рыцарскихъ замковъ украшеніе, безъ сомнѣнія занятое Европейцами отъ восточныхъ народовъ, во время крестовыхъ походовъ. Если въ заключеніе сего общаго описанія ты

представишь себѣ Диванъ, т. е. подушки, нѣкогда изъ шелковыхъ тканей, на полу лежащія вокругъ всѣхъ стѣнъ изключая темной, ты будешь имѣть понятіе о лучшихъ залахъ дворца, кромѣ трехъ или четырехъ, передѣланныхъ для Императрицы Екатерины II, въ Европейскомъ вкусѣ, съ высокими Диванами съ креслами и столами. Сія послѣдняя утварь особливо драгоцѣнна для насъ *крещеныхъ*, ибо во всѣхъ странахъ гдѣ проповѣдуется Коранъ, правовѣрные вмѣсто столовъ употребляютъ низкія круглыя скамьи, на которыя ставятъ подносы и ѣдятъ на нихъ сидя, поджавъ подъ себя ноги, на полу.

Ты легко догадаться можешь, что въ сторонѣ отъ сего строенія находился гаремъ, не приступный для всѣхъ, кромѣ Хана, и для него одного имѣющій сообщеніе чрезъ Корридоръ съ Дворцемъ. Эта часть болѣе всѣхъ въ упадкѣ. Разные домики, въ коихъ нѣкогда жертвы любви, или лучше сказать любострастія, томилися въ неволѣ, представляютъ теперь печальную картину разрушенія: обвалившіеся потолки, изломанные полы. Время сокрушило узилище; но что въ томъ пользы, когда то же время рокомъ узницамъ опредѣленное, про-

текло для нихъ безотрадно, въ рабскихъ угожденіяхъ *одному*, не по сердцу избранному другу, но жестокому властелину! — На краю сего Гарема, стоитъ на большомъ дворѣ, высокая шестиугольная бесѣдка, съ решетками вмѣсто оконъ, изъ которой, какъ сказываютъ, Ханскія жены, не видимыя смотрѣли на игры, въѣзды Пословъ и другія позорища. Иные говорятъ, что будто бы тутъ Ханъ любовался фазанами и показывалъ ихъ любимицамъ своимъ. Это послѣднее потому только вѣроятно, что пѣтухъ съ семействомъ своимъ, есть единственная картина, которую супругъ-Мусульманъ можетъ представлять невольницамъ своимъ въ оправданіе многоженства. — Между сею полусогнившею бесѣдкою и комнатою, о которой я говорилъ, на нижнемъ помостѣ, съ марморнымъ фонтаномъ, есть прекрасный цвѣтничекъ, гдѣ миртъ и розы могли нѣкогда внушать пѣсни Татарскому Анакреону.

Но пора оставить сіи грудь тѣснящіе памятники невольничества и выйти подышать на чистомъ воздухѣ. Вотъ насупротивъ большихъ воротъ, на концѣ двора, къ горѣ примыкающагося, терасы въ четыре уступа, на коихъ плодоносныя деревья, виноградъ на ре-

шеткахъ и прозрачные источники, съ уступа на другой ліющіеся въ каменные басейны. Можетъ быть нѣкогда Мурзы-Царедворцы, уподобляя Гиреевъ съ владыками Вавилона, сравнивали и терасы ихъ съ висящими садами Семирамисы: но теперь Крымское чудо сіе представляетъ видъ опустѣнія, такъ какъ и всѣ памятники въ Тавридѣ. Болѣе всего жаль драгоцѣннѣйшаго здѣсь сокровища, воды: многія трубы уже засорились, а нѣкоторые источники и совсѣмъ исчезли.

За Мечетью, внѣ двора, кладбище Хановъ и Султановъ владѣтельнаго дома Гиреевъ. Прахъ ихъ покоится подъ бѣлыми, марморными гробницами, осѣненными высокими тополями, орѣховыми и шелковичными деревьями. Тутъ лежатъ Менгли и отецъ его, основатель могущества Царства Крымскаго. Всѣ памятники покрыты надписями: но онѣ, какъ говорится, не при мнѣ были писаны; а мнѣ оставалося только пожалѣть, что до сихъ поръ не нашелся любопытный, знающій Аравскій языкъ, который бы захотѣлъ потрудиться списать надгробныя и перевести ихъ. Марморы сіи, хотя не Аронделевы, однако же были бы не безъ пользы для Исторіи Крыма, столь

тѣсную связь имѣющей съ нашею, отъ XV вѣка до подданства полуострова Россіи. На всякій случай я совѣтовалъ бы поспѣшить, ибо многіе столпы съ чалмами, лежатъ уже на землѣ обвитые павиликою:

A Turban carved in mould'ring stone,
A pillar with rank weeds o'ergrown,
Whereon can now be scarcely read
The koran verse that mourns the dead.

Въ томъ же кладбищѣ, но на открытомъ мѣстѣ, за стѣною мечети, сооружены двѣ, подобныя другъ другу Ротонды, съ куполами. Въ нихъ безъ порядку разсѣяны по полу деревянные пустые гробы, означающіе мѣста гдѣ сокрытъ прахъ Гиреевъ, предпочтившихъ каменный сводъ небесному и ограду открытой нивѣ Божіей, гдѣ усопшій *въ сладкихъ просонкахъ слышитъ надъ собою шумъ падающаго дождя* (7). Гробы эти нѣкогда были по-

---

(7.) Und nicht lange, so geht in der Dämmerung eins nach dem andern
Müde zur Ruh, von dem Vater im kühlen Lager gesegnet,
Hört süssträumend der Winde Geräusch und des tropfenden Regens. —
Voss. Luise. I v. 327.

крыты тканями; теперь однѣ голыя доски; на не многихъ только осталися лоскутка чернаго сукна; надъ нѣкоторыми ерлыки на Рускомъ языкѣ съ именами лежащихъ подъ ними; и этимъ мы обязаны единственно старанію нынѣшняго Бакчисарайскаго Полицмейстера Г. Ананьича. Я тщетно искалъ тутъ котораго нибудь изъ владѣльцевъ Хановъ; осталися только не многіе имена Султановъ.

Прежде нежели оставить сію юдоль сна непробуднаго, я укажу тебѣ отъ сюда на холмъ, въ лѣво отъ верхней садовой терасы, на коемъ стоитъ красивое зданіе съ круглымъ куполомъ: это мавзолей прекрасной Грузинки, жены Хана Керимъ-Гирея. Новая Заира, силою прелестей своихъ, она повелѣвала тому, кому все здѣсь повиновалось; но не долго: увялъ райскій цвѣтъ въ самое утро жизни своей, и безотрадный Керимъ соорудилъ *любезной* памятникъ сей, дабы ежедневно входить въ оный и утѣшаться слезами надъ прахомъ незабвенной. Я самъ хотѣлъ поклониться гробу красавицы, но нѣтъ уже болѣе входа къ нему; дверь наглухо заложена. Странно очень, что всѣ здѣшніе жители непремѣнно хотятъ, что бы эта красавица была не Гру-

зинка а Полячка, именно какая-то Потоцкая, будто бы похищенная Керимъ-Гиреемъ. Сколько я ни спорилъ съ ними, сколько ни увѣрялъ ихъ, что преданіе сіе не имѣетъ ни какого историческаго основанія и что во второй половинѣ XVIII вѣка не такъ легко было Татарамъ похищать Полячекъ; всѣ доводы мои остались безполезными: они стоятъ въ одномъ: Красавица была Потоцкая; и я другой причины упорству сему не нахожу, какъ развѣ принятое и справедливое мнѣніе что красота женская есть, такъ сказать, принадлежность рода Потоцкихъ.

Возвращаясь домой, я услышалъ голосъ Муллы, съ высокаго минарета зовущаго *правовѣрныхъ* (*) на молитву. Я хотѣлъ войти въ мечеть, но принужденъ былъ остановиться у дверей: сторожъ-Татаринъ напомнилъ мнѣ, что никто за порогъ не ступаетъ не разувшись. Показавъ ему что я въ сапогахъ а не въ папушахъ, онъ тотъ часъ отгадалъ затрудненіе мое и провелъ меня по наружной съ двора лѣстницѣ, въ комнату гдѣ Ханы слушали молитвы въ окна отворяющіеся въ мечеть. По-

*) Такъ называютъ себя Магометане.

клонниковъ было весьма мало. Всѣ они сидѣли рядомъ, поджавъ подъ себя ноги; и какъ будто по мановенію флигельмана клали земные поклоны и подымалися въ одно время. Богослуженіе Магометанъ не говоритъ ни сердцу, ни воображенію и храмы ихъ нѣмы. У древнихъ Грековъ они возвышали понятія о чувственной жизни. Не восходя мыслями на небо, Политеистъ низводилъ боговъ своихъ на землю; и посреди торжествъ всегда веселыхъ, часто роскошныхъ, казалося спѣшилъ наслажденіями обманывать не дремлющую Парку. — Высокіе Христіанскіе обряды нигдѣ такъ сильно не дѣйствуютъ на душу мою, какъ въ древнихъ нашихъ соборахъ, гдѣ свѣтъ и мракъ на каждомъ шагу измѣняются; гдѣ слабое мерцаніе между столповъ; мгла по угламъ зданій и подъ низкими тяжелыми сводами его; яркій свѣтъ лампадъ и свѣтильниковъ во кругъ святилища — какъ будто живописуютъ трепетъ смерти, предчувствія лучшаго и надежду освѣщенія за предѣлами гроба. У Магометанъ ничего этого нѣтъ, ни въ храмахъ ихъ ни въ обрядахъ: все сурово какъ желѣзная необходимость и безотрадно какъ неумолимое ихъ предопредѣленіе. Съ такими мыслями, я вы-

шелъ изъ мечети и возвращался въ покой; но мѣсяцъ блеснулъ надъ горою и я пошелъ на терасъ.

Весьма справедливо замѣчено, что лунный свѣтъ выгоднѣе солнечнаго для архитектурныхъ видовъ. По цѣлымъ часамъ, въ мѣсячные вечера, случалось мнѣ просиживать въ Веронскомъ театрѣ и въ Колоссеѣ Римскомъ, восхищаясь сими памятниками величія и вкуса древняго зодчества: но здѣсь представилося мнѣ такое зрѣлище, котораго описать никакъ нельзя, а надобно видѣть самому чтобы имѣть о немъ понятіе. Дабы хотя не много объяснить тебѣ эту картину, я долженъ прибѣгнуть къ сравненію поэзіи классической съ романтическою. Въ Римѣ и Веронѣ — Виргилій: величіе, соразмѣрность, выспренность, вкусъ. Здѣсь — Аріосто и Шекспиръ: не обузданный полетъ воображенія; величественная природа, но дикая; чудовища и подлѣ нихъ Анджелика и Дездемона. Но гдѣ же, ты спросишь меня, всѣ эти предметы, съ коими я сравниваю сіи два разные роды поэзіи? — Около меня, мой другъ; на вершинѣ горъ, со всѣхъ сторонъ Бакчисарай окружающихъ. Здѣсь я вижу башню къ паденію склонившуюся, надъ про-

пастью висящую; далѣе обелискъ и подлѣ него раззоренный городъ; уступъ представляется взорамъ моимъ стѣна и я щитаю зубцы на ней; тамъ пирамида огромная, можетъ быть гробница какого нибудь Киммерійскаго вождя, завоевателя страны сей; и все это произведеніе величайшаго зодчаго времени: коего орудіямъ, водѣ и воздуху, нѣтъ во всей природѣ вещества столь твердаго, которое бы не уступало. Любуясь сими предметами природы, такъ сказать, искуству подражающей, погруженный въ мечтаніе, я увидѣлъ быстро бѣгущее надъ собою облако и невольно вспомнилъ Данте: мнѣ казалось что мчатся надо мною, вихремъ влекомые, не разлучные франческа и Паоло.

Quali Columbi dal disio chiamati
Con l'ale aperte e ferme al dolce nido
Volan per l'aer dal voler portati.

Нельзя здѣсь не вспоминать о Дантѣ! Это дно воронки, на которомъ стоитъ Ханъ-Сарай; это Cerchio, обручь горъ съ чудовищными на нихъ призраками; томный свѣтъ луны;

L'ora del tempo e la dolce stagione:

все представляетъ воображенію картины безсмертнаго Флорентинскаго изгнанника.

Я долго не могъ разстаться съ терассою; отъ мечтаній поэзіи переходилъ къ воспоминаніямъ Исторіи. Давно ли изъ сихъ чертоговъ, думалъ я, исходили повелѣнія Ордамъ громить нашу землю! Давно ли тому, что Послы Хановъ требовали отъ Рускихъ дани и что гордые наши Іоанны еще били челомъ преемникамъ Батыя! Все измѣнилось! Прекрасная Таврія, искони добыча сильнаго, наконецъ подъ пятою Россіи. И гдѣ вы скрылись грозные, Гаджи, Керимъ и ты Менгли, умѣвшій на тронѣ цѣнить дружество (8)? Тамъ за оградою вашъ прахъ бесмолвствуетъ, тогда какъ потомокъ тѣхъ самыхъ Россіянъ, которыхъ вы кровь лили подъ стѣнами Рязани, идетъ вкушать успокоеніе, можетъ быть на томъ самомъ одрѣ, на коемъ нѣкогда алчность власти воспаляла кровь вашу и отгоняла сладкій сонъ далеко прочь отъ васъ!...

Такъ пора же мнѣ ложиться спать, а тебѣ пожелать того, чего не знаютъ честолюбцы — спокойнаго сна.

(8.) Карамзина Ист. Г. Рос. Томъ VI. стр. 243 Другъ и братъ великое дѣло, не скоро добудешь его!" — Такъ пишетъ Менгли къ Іоанну III. —

ПИСЬМО XI.

Бакчисарай.

Вчерашній день я употребилъ на приуготовленіе къ путешествію по южному берегу. Страннику въ Тавридѣ необходимо нужно имѣть при себѣ проводника Татарина, безъ коего и шагу нельзя сдѣлать отлучившись отъ почтовой дороги. Я имѣлъ уже переводчика и фирманъ, но по нещастію Ибрагимъ (такъ назывался переводчикъ) занемогъ лихорадкою, и я бы остался безъ проводника въ самое то время когда обойтиться безъ него не могъ, если бы щастливый случай не вывелъ меня изъ затрудненія. Между тѣмъ какъ я уже писалъ въ Симферополь о присылкѣ мнѣ другаго переводчика, вдругъ топотъ конскій на дворѣ возвѣстилъ мнѣ пріѣзжихъ: я къ окну, и вижу барыню — Амазонку, съ свитою Амазонокъ же и съ Татариномъ при нихъ. Ни какая встрѣча не могла быть пріятнѣе для меня: барыня кончила путешествіе свое; я начинаю оное; проводникъ ей сдѣлался не нужнымъ, для меня онъ находка драгоцѣнная: и такъ не мѣшкая я подхватилъ Мемича - Мурзу;

(1) тотъ часъ его на ноги заготовлять вьюки, покупать Татарское сѣдло и привести лошадей для ѣзды нъ Чуфутъ-Кале.

Сія жидовская крѣпость, лежитъ прямою дорогою версты три отъ Бакчисарая, на высокой каменной горѣ; къ которой дорога идетъ лощиною, гдѣ Сурукъ-Су извивается и теряется въ скалахъ. Мы пустилися верхомъ: это былъ первый опытъ странствованія нашего по горамъ, и первое знакомство съ Татарскими лошадьми. Выѣхавъ изъ города на востокъ по правому краю лощины и поднявшись до половины горы, мы принуждены были оставить лошадей, по невозможности ѣхать выше верхомъ и пошли по лѣсницѣ, въ камнѣ высѣченной, въ бывшій нѣкогда монастырь а теперь только церков *Успенія*, въ пещерѣ горы находящуюся. Примѣчательнаго я въ ней ничего не нашелъ, кромѣ ужаснаго подлѣ нее балкона надъ пропастью висящаго. Однажды, сказывали мнѣ, собралось здѣсь такое множество богомольцевъ, что не помѣщаясь въ церквѣ, большая оныхъ часть вышла на балконъ сей, который запрещалъ отъ пя-

---

(1.) Имя проводника моего.

жести; и съ тѣхъ поръ въ праздникъ Успѣнія, Бакчисарайская Полиція принимаетъ мѣры предосторожности, чтобы не допускать народъ толпиться на страшномъ семъ навѣсѣ. Отъ внутренней въ горѣ лѣсницы не доходя до церкви въ лѣво, есть деревянная комната, такъ же наружу, внѣ скалы, какъ ласточкино гнѣздо висящая. Въ ней живутъ стражи Храма, престарѣлый Діаконъ, Грекъ, съ женою своею. Они пригласили меня въ воздушную хижину свою, въ которой четыре человѣка едва могутъ помѣститься. Старуха поднесла мнѣ винограду на горшечномъ черепкѣ.

„ Debris d'un vieux vase, autre injure du tems.

Я спросилъ чету, не страшно ли имъ жить однимъ въ такой ужасной пустынѣ, особливо зимою, въ темныя длинныя ночи, когда свирѣпствуютъ бури и непогоды. — Нѣтъ, отвѣтствовалъ мнѣ Діаконъ; мы привыкли. Случается въ зимнія бури, что клетка наша дрожитъ отъ порыва вихря, но мы спимъ спокойно. — И вы одни? Никого съ нами нѣтъ. — Что это такое (спросилъ я, подошедъ къ окошку) тамъ внизу бѣлѣется? — Это кресты на могилахъ, кладбище; тутъ почиваютъ нѣкоторые изъ Бакчисарайскихъ Христіянъ;

и мы, прибавилъ онъ указавъ на старую подругу свою, тутъ же ляжемъ и заснемъ вмѣстѣ... — Да исполнится желаніе ваше, чета благословенная! Сей случай напомнилъ мнѣ сохранившуюся въ Миѳологіи повѣсть, что боги наградили благочестіе Филимона и Бавкисы, не тѣмъ что превратили хижину ихъ въ храмъ великолѣпный, но тѣмъ, что не дозволили имъ пережить другъ друга.

Возвратившись къ мѣсту, гдѣ остались лошади наши, мы поѣхали по тропинкѣ въ полъ горы надъ пропастьми извивающейся, и тутъ уже узнали что можно полагаться на твердость ногъ Татарскаго коня. Этою тропинкою мы объѣхали крѣпость и съ югозападной стороны отъ Чуфутъ - Кале спустившись въ лощину, въѣхали въ великолѣпную рощу, усѣянную гробницами съ Еврейскими на нихъ надписьми: это кладбище Караимовъ, ими называемое Іоасафатскою долиною. Отъ нее идетъ дорога въ крѣпость, хотя крутая, но все уже дорога, а не тропинка и съ этой стороны лучшій выѣздъ въ Чуфутъ - Кале.

Венеція водяный городъ; Чуфутъ - Кале воздушный: строенія въ первой какъ будто плаваютъ по изморью; жилища Караимовъ по-

добны орлинымъ гнѣздамъ, на вершинѣ крутой, неприступной горы. Стѣны домовъ ихъ стоятъ по отвѣсу со стремниною и ничего нѣтъ любопытнѣе какъ смотрѣть на нихъ изъ лощины, гдѣ отличаясь цвѣтомъ отъ скалы, онѣ представляются какъ забралы древняго укрѣпленія. Городъ внутри чистъ и опрятенъ; ни одна столица въ Европѣ не можетъ похвастаться такою мостовою: подъ всѣмъ Чуфутъ-Кале одна сплошная плита, гора на которой онъ стоитъ. Любопытнаго впрочемъ въ немъ ничего нѣтъ кромѣ мѣстоположенія и жителей заслуживающихъ нѣкоторое вниманіе.

Караимы — или правильнѣе назвать Караиты, по обычаямъ, по образу жизни, Татары, а по вѣрѣ Жиды и можно сказать настоящіе Іудеи, ибо болѣе другихъ сохранили чистоту Моисеева закона. Когда въ началѣ IV. вѣка появился Талмудъ, всѣ изъ Жидовъ здравымъ смысломъ одаренные, почувствовавъ несообразность сего мѣлочнаго постановленія, съ презрѣніемъ отвергли оное какъ недостойное слова Божія. Отверженіе сіе однако же не произвело явнаго раскола, до половины VIII. вѣка; но тогда Ананъ и сынъ его Саулъ, жиды

Вавилонскіе, гласно возставъ противъ преданій со Священнымъ Писаніемъ несогласныхъ, отдѣлилися отъ послѣдователей Талмуда, и съ тѣхъ поръ уже противники ихъ отличилися названіемъ Раввинистовъ, между тѣмъ какъ сами они стали извѣстны подъ именемъ Караитовъ, т. е. *письменныхъ*, отъ слова *Кара*, значущаго на Вавилонскомъ нарѣчіи *писаніе*. Число Караитовъ весьма не значущее въ сравненіи съ Талмудистами, ибо въ началѣ прошедшаго вѣка щиталося ихъ въ Азіи и въ Европѣ не болѣе 4430 человѣкъ. Главныя черты ихъ отличія отъ прочихъ Жидовъ, состоятъ въ слѣдующемъ: 1е они отвергаютъ законъ преданія т. е. *Кабалу*, какъ выдумку, ничего общаго съ Мойсеевыми постановленіями не имѣющую. Въ слѣдствіе чего — 2е невыразимо ихъ омерзѣніе къ Талмуду; и наконецъ 3е наблюдаютъ шабашъ, или суботный день, съ большею еще набожностію, нежели Раввинисты (2). Я къ этому прибавлю что

(2.) Читатель можетъ найти подробныя свѣдѣнія о Караитахъ въ Д' ербело, придо, Вольфѣ и другихъ.- Нѣкоторые полагаютъ ихъ остатками секты Саддукеевъ:

они несравненно чище, опрятнѣе и особливо домосѣднѣе другихъ Жидовъ. Между тѣмъ какъ приманка корысти, по всѣмъ странамъ разсыпаетъ большую часть отверженныхъ чадъ Израиля, не знающихъ ни постоянныхъ жилищъ, ни осѣдлости; Чуфутскіе Караиты ежедневно спускаются изъ гнѣздъ своихъ въ Бакчисарай, тамъ цѣлый день упражняются въ ремеслахъ въ торгахъ; и лишь ночь наступаетъ, возвращаются въ домы свои, не смотря ни на погоду ни на трудный путь по горамъ. Сіонъ и Іоасафатъ, наслажденія жизни и надежды за предѣлами гроба, все для нихъ сосредоточивается на одной скалѣ, ихъ колыбели и могилѣ.

Я входилъ въ школу ихъ, т. е. въ Синагогу. Раввинъ показывалъ мнѣ свитокъ Ветхаго Завѣта, писанный на пергаминѣ, въ футлярѣ покрытомъ чернымъ бархатомъ, съ серебренными украшеніями. Хартія сія, подобно всѣмъ древнимъ книгамъ, сплошь писанная, вывертывается наружу и обратно навертывается на цилиндръ внутри футляра, точно такъ какъ мѣры на лѣнточкахъ въ женскихъ готовальняхъ. На вопросъ мой: весь ли тутъ заключается Ветхій Завѣтъ, я въ отвѣтъ получилъ только, что *все тутъ*. Но это *все*

относится ли къ пяти книгамъ Моисеевымъ и къ нѣкоторымъ пророческимъ, кои Караиты почитаютъ Богодухновенными, или ко всему составу книгъ Ветхаго Завѣта, не изключая и Апокрифовъ, т. е. *приноровенныхъ* или преданіемъ соблюденныхъ книгъ: я сказать не могу; по той причинѣ, что указатель мой Равви, весьма тихо знаетъ по Руски; а проводникъ мой не только что никогда не слыхалъ о Ветхомъ Завѣтѣ, но едва ли и о Коранѣ имѣетъ какое нибудь понятіе. Жаль мнѣ, что любопытный вопросъ мой остался по симъ причинамъ не рѣшеннымъ.

Мы шли изъ города въ ворота противоположныя тѣмъ, въ которыя въѣзжали; сошли по лѣсницѣ высѣченной въ камнѣ и дошедъ до мѣста, гдѣ насупротивъ чрезъ лощину видѣнъ пещерный монастырь, о которомъ я говорилъ, сѣли верхомъ и отправились обратно въ Бакчисарай. На пути я видѣлъ развалины воротъ и стѣнъ, которыя древностію своею показалися мнѣ старѣе Ханской Столицы и слѣдственно Татарскаго владычества въ Крыму. Впрочемъ и самое мѣстоположеніе не позволяетъ полагать что бы тутъ вздумалося какому нибудь Мурзѣ построить загородный

домъ, а скорѣе думать можно, что это было укрѣпленіе, защищающее проходъ сего узкаго ущелья. Въ такомъ случаѣ это можетъ быть и развалины Палакіона или другой какой либо изъ крѣпостей Скилура, о коихъ Страбонъ упоминаетъ.

ПИСЬМО XII.

Алушта.

Я въ обѣтованномъ краю Тавриды: на южномъ берегу. Стѣна между мною и сѣверомъ. Пускай за ними бушуютъ чада Бореевы; здѣсь царствуетъ Помона. Давно я такъ не наслаждался какъ теперь; давно такъ сильно не волновалося сердце во мнѣ, отъ сладкаго ощущенія бытія, посреди роскошной природы:

All various nature pressing on the heart! Но кто изобразитъ этотъ чистый прозрачный сводъ надо мною! Кто дастъ понятіе объ этой теплотѣ и вмѣстѣ свѣжести, которыми напоенъ воздухъ! Кто представитъ этотъ злаmый паръ висящій надъ синевою моря и сливающійся съ лазурью безпредѣльнаго Эѳира! — Не я; мнѣ природа дала сильно чувствовать.... Ахъ! если бы я могъ такъ же силь-

но и выражать, то вся бы жизнь моя была посвящена на изображеніе прелестей природы, ихъ вліянія на сердце, и въ картинахъ моихъ угнѣтенный находилъ бы отраду утѣшенія и надеждъ; а мучитель, съ ужасомъ растерзанной совѣсти, познавалъ бы, что въ прекрасномъ мірѣ семъ нѣтъ отверженца инаго, кромѣ его и ему подобныхъ, силою или обманомъ нарушающихъ священныя человѣчества права.

Я писалъ къ тебѣ изъ Бакчисарая и въ тотъ самый день подъ вечеръ пріѣхалъ въ Саблы, гдѣ ожидало меня то же доброе гостепріимство, которое встрѣтило меня въ Крыму. Весь слѣдующій день прошелъ въ сборахъ къ походу; а на третій получивъ наставленія отъ любезнаго хозяина, которому весь Крымъ такъ знакомъ какъ его Саблы, я пустился въ путь по долинамъ, орошеннымъ Салгиромъ и множествомъ выпущенныхъ изъ него во всѣ стороны рукавовъ: сокровище здѣшнихъ жителей, плодотворящее ихъ виноградники, сады и нивы.

Кто ѣзжалъ по высокимъ горамъ, тому не нужно описаніе прелестныхъ видовъ на каждомъ здѣсь шагу встрѣчающихся; кто же ни когда не видалъ другихъ горъ кромѣ Вал-

дайскихъ, тому всякое описаніе безполезно: онъ не будетъ имѣть понятія о сихъ чудесныхъ громадахъ, коихъ зрѣлище устрашаетъ и вмѣстѣ привлекаетъ взоры. Сравнивая съ Крымскими тѣ, которыя я знаю, мнѣ показалося, что здѣшнія имѣютъ свои особливыя черты, коихъ я не находилъ ни въ Швейцарскихъ Альпахъ, ни въ Пиренейскихъ. Тамъ, кажется, болѣе всего дѣйствуетъ на воображеніе рѣзкая противоположность ужаснаго съ веселымъ: здѣсь напротивъ того, величественное мягкими отливами переходящее къ пріятному, а всего болѣе море, объемлющее подошву Яйлы.

Что далѣе къ югу, то горы выше и долины живописнѣе. Увидишь ли гдѣ тополи, выказывающія пирамидальныя вершины свои изъ лощины, тутъ навѣрно и деревня съ мечетью, съ минаретомъ. Въ большой части изъ нихъ я замѣчалъ видъ опрятности и довольства. Тополей же такихъ ни гдѣ не видывалъ: онѣ, какъ будто ревнуя окружающимъ имъ горамъ, изъ всей мочи стараются съ ними поравняться. — Но вотъ представляется мечеть отъ прочихъ красотою отличающаяся: это ночлѣгъ мой, деревня Мамутъ-Султанъ.

Мы пристали въ домѣ почтеннаго здѣшняго помѣщика Мемешъ—Мурзы, наслѣдовавшаго отъ отца своего добродѣтель страннопріимства (1). Отобѣдавъ у него и не много отдохнувъ, мы ѣздили верстъ за семь отъ деревни, къ источнику Салгира.

Эта рѣчька—здѣсь, быстрый потокъ зимою; едва ручей лѣтомъ—есть главная въ Тавріи. Выходя изъ источника своего у подошвы Чатырдага, она течетъ отъ юга къ сѣверу, мимо Симферополя, до средины полуострова: и потомъ обращаясь на сѣверовостокъ, впадаетъ въ гнилое море. Спускъ по голому камню къ пещерѣ, изъ которой она вытекаетъ столько крутъ и труденъ, что мы, не пріобыкшіе еще къ ѣздѣ по горамъ, сошли на дно воронки пѣшкомъ. Ежели кто поѣдетъ сюда въ ожиданіи найти что нибудь похожее на Валькдюзу, тотъ очень ошибается: тамъ пещера, жилище нимфъ, убѣжище Діаны: а здѣсь, видъ Хаоса; Дантевская картина,

— quel tristo buco
Sovra'l qual pontan tutte l'attre coccie.

Тамъ можно входить въ гротту и подъ

(1.) Pallas.— Second Voyage. Tome III. p. 227.

сводомъ ея вкушать прохладу у самаго края жерла; здѣсь съ великимъ трудомъ и даже съ опасностью можно доползти, до водяной, бездонной (какъ говорятъ здѣсь Татары) колыбели Салгира, на поверхность коей, ежеминутно и съ шумомъ подымаются пузыри. Тамъ, говоришь съ Петраркомъ: Qui regna amore! здѣсь ожидаешь что Уголино выставитъ изъ воды страшное чело свое и утретъ окровавленные уста власами изгложенной главы Руджіеровой.

Ты бы померъ со смѣху если бы увидѣлъ торжественное мое шествіе въ пещеру. Трое Татаръ разулись; двое пошли впередъ; на третьемъ я поѣхалъ какъ Анхисъ на Энеѣ. Когда онъ дошелъ до мѣста, гдѣ низкій сводъ не дозволялъ ему далѣе нести меня, то одинъ изъ проводниковъ моихъ, прицѣпившись какъ летучая мышь къ гладкой, почти вертикальной стѣнѣ пещеры, повелъ меня за руку.... по чемъ же бы ты думалъ? — По двумъ оставшимся въ водѣ Татарамъ, которые на каждомъ шагу подставляли мнѣ свои руки. Это любопытство однако же, могло бы мнѣ стоить дорого: день былъ жаркій; я усталъ отъ ѣзды и особливо отъ спуска подъ гору пѣш-

комъ; тутъ вдругъ очутился въ пещерѣ, холодной какъ ледникъ, и тутъ же вдругъ почувствовалъ что холодъ проникъ весь составъ мой. Чтобы согрѣться, мнѣ бы надлежало взойти на гору пѣшкомъ, но я и того не сдѣлалъ; а поднялся верхомъ и когда уже начинало смеркаться, возвратился подъ гостепріимный кровъ Меметъ-Мурзы, гдѣ ожидалъ насъ ужинъ и мягкія постели, съ штофными подушками и парчевыми одѣялами: пышность и роскошь Аіятская. Забылъ тебѣ сказать, что на пути моемъ къ источнику Салгира, я видѣлъ четвероугольное раззоренное строеніе, съ башеньками по угламъ: это Эски-Сарай т. е. старый дворецъ, который Палласъ неправильно полагаетъ Генуэзскимъ укрѣпленіемъ. Иначе о немъ толкуютъ Татары: проводникъ мой разсказывалъ мнѣ, что какая-то Ханская дочь начала было строить тутъ замокъ и недостроила онаго, напугана будучи змѣемъ выползшимъ изъ подъ основанія. — Змѣй и Царевна!... что тебѣ лучше для Баллады!

На другой день послѣ завтрака мы отправились въ путь, верстъ 15 такою дорогою, по которой и повозка хотя съ трудомъ, но могла бы проѣхать; далѣе же сего нѣтъ болѣе

колесной дороги, а тропинка, постепенно возвышающаяся, извивается по дебрямъ, въ промежуткѣ гдѣ развивается Яйла, т. е. цѣпь южныхъ горъ, и даетъ проходъ къ морю. Это отверстіе, верстъ 10 въ ширину, заключается между Темерджи, угольною горою сѣверной Яйлы и Бабуаномъ, такою же угольною горою южной. Доѣхавъ до хребта, отъ котораго начинается спускъ къ береговой части, представилась мнѣ картина прелестнѣйшая, море мелькающее вдали между деревьевъ и холмовъ. Тутъ безъ усталости отдохнувъ, для того чтобы насладиться восхитительнымъ зрѣлищемъ предметовъ, коихъ ни какая живопись не можетъ помѣстить въ одну раму, скалъ, горъ осѣннихъ дубравами зеленѣющихъ холмовъ и моря, я спустился на подолъ и пріѣхалъ сюда подъ вечеръ.

Здѣсь, на холмѣ посреди деревни, находятся развалины Греческой крѣпости Алустонъ, которой имя почти безъ измѣненія сохранилося въ Алуштѣ. О ней вмѣстѣ съ другими исправленными или вновь построенными Юстиніаномъ, въ половинѣ VI вѣка повѣствуетъ Прокопій въ его книгѣ *о зданіяхъ*. Сколько я могъ замѣтить, укрѣпленіе сіе дол-

жно было имѣть видъ Пентагона, съ главною четвероугольною башнею, на углу скалы обращенной къ морю, на востокъ; прочія башни были круглыя, изъ коихъ осталися развалины трехъ. (2.)

Домъ, въ которомъ мы ночевали, принадлежитъ здѣшнему Головѣ и лучшій въ селеніи. Гостинная комната, есть высокій теремокъ, отдѣленный отъ прочаго жилья, ибо разумѣется, что Татарамъ должно странниковъ, а особливо не Мусульмановъ, держать какъ можно далѣе отъ Гарема. Окна со ставнями безъ стеколъ; полъ дощатый сквозящійся, на которомъ однако же постланы ковры; диванъ т. е. подушки на полу вокругъ всѣхъ стѣнъ—вотъ описаніе комнаты моей и всѣхъ лучшихъ гостинныхъ по Татарскимъ деревнямъ. Сверхъ сего, въ четыре ряда развѣшенныя, отъ подушекъ вплоть до потолка полотенцы, вышитыя цвѣтною бумагою и

(2.) Ἔνθα δὴ (на морскомъ берегу, между Воспоромъ и Херсономъ) καὶ Φρȣ́ρια πεποίηται (ὁ Ἰȣστινιανός) τό τε ΑΛΟΥΣΤΟΥ καλȣμένον, καὶ τὸ ἐν ΓΟΡΖΟΥΒΙΤΑΙΣ.

Procopii de Aedif. Lib. III. C. 7.

золотою и серебренною мишурою (рукодѣлья хозяйскихъ дочерей) украшали стѣны жилища моего; и тутъ то, я думалъ, что лягу и засну крѣпкимъ и сладкимъ сномъ утомленнаго путешественника: но я ошибся. Лишь только на постелю и я почувствовалъ сильное воспаленіе въ крови моей, слѣдствія вчерашней простуды. Жилы въ вискахъ моихъ такъ сильно бились, что я могъ щитать ихъ біенія. Дыханіе мое было пламень; уста запекались отъ жару. Ни что не могло утолить жажды моей; и одно отрадное чувство оставалося для меня осязать что нибудь холодное, металлъ или камень: но металлъ и камень въ одно мгновеніе становилися такъ же горячи какъ и рука моя. Въ такомъ положеніи я вспоминалъ подобное этому со мною приключеніе въ Алгарвахъ: тамъ я думалъ что оставлю кости мои; здѣсь не надѣялся отдѣлаться безъ жестокой горячки. Долго метался не находя ни въ какомъ положеніи успокоенія. Наконецъ недугъ уступилъ утомленію; я забылся; заснулъ и что же?... Пробужденный первымъ лучемъ восходящаго солнца, я не могъ самъ себѣ повѣрить что былъ боленъ на канунѣ. Недугъ со сномъ миновался; вмѣстѣ съ денницею

предсталъ Ангелъ здравія и осѣнилъ меня эѳирными своими крылами:

al paro del Sol, ma piu lucente,
L'Angelo mi appari dall'Oriente.

Пускай послѣ этого говорятъ, что Таврическій климатъ не здоровъ, что онъ лихорадоченъ: я даю подписку, что не можетъ быть здоровѣе мѣста. Все что только отъ меня зависѣло что бы быть больнымъ, я то сдѣлалъ: простудился; потомъ въ часы зноя, проѣхалъ верстъ 40 верхомъ; ѣлъ всего безъ разбора и много; наконецъ жаждою томимый, не только ѣлъ но глоталъ всякаго рода плодовъ; этого, кажется довольно было, что бы занемочь не только лихорадкою, къ которой я столько склоненъ, но и самою сильною горячкою: вмѣсто того, нѣсколько часовъ успокоенія, легкая, непринужденная испарина, и я встаю какъ ни въ чемъ не бывалъ; и теперь совершенно здоровъ, свѣжъ и бодръ, прощаюсь съ тобою и съ Алуштою.

ПИСЬМО XIII.

Кучукъ-Ламбатъ.

Вчера переѣздъ нашъ былъ самый небольшой: верстъ около 15 не болѣе. Вездѣ виды очаровательные. Дороги то на гору: то подъ гору: иногда вьется между холмовъ или теряется въ рощицахъ; иногда лежитъ на самомъ пескѣ у моря, гдѣ волны разбѣгаются и гдѣ въ сильный южный вѣтръ, проѣзда нѣтъ; иногда же она совсѣмъ исчезаетъ и кажется не куда болѣе и шагу впередъ сдѣлать; но лошадь сама собою находитъ дорогу, пробирается между огромныхъ камней и идетъ непримѣтною узкою тропою по стремнинѣ горы, такъ что съ одной стороны вплотъ скала, а съ другой пропасть.

Здѣсь двѣ Татарскія деревни, одна отъ другой въ разстояніи четырехъ верстъ: большой (Біюкъ) и меньшій (Кучукъ) Ламбатъ. наша цѣль была послѣдній, подъ гостепріимный кровъ того же Саблинскаго хозяина, который, какъ добрый геній мой, на каждомъ шагу въ Тавридѣ, или невидимкою мнѣ благотворитъ, или самъ явится на помощь мнѣ. Его домъ здѣсь, не совсѣмъ еще устроенный, стоитъ на

прекраснѣйшемъ мѣстѣ, надъ круглою, небольшою бухтою, которая какъ будто нарочно тутъ выкопана, чтобы дать жилищу сему картинный видъ. Осѣненное благороднѣйшими деревьями щастливыхъ небосклоновъ, впереди онаго море, видъ живописный излучинами береговыхъ скалъ; на лѣво уступами по горѣ, деревня Кучукъ-Ламбатъ; въ правой сторонѣ кажется какъ подъ рукою мысъ, какого великолѣпнѣе я еще не видалъ въ Тавридѣ, Аюдагъ, высокая гора далеко отъ береговъ въ море выступающая. Хребетъ ея представляющій видъ продолговатой правильной дуги, а цвѣтъ черный, по причинѣ лѣсовъ на ней, подали Татарамъ мысль назвать ее *медвѣдемъ* (Аю). Она и дѣйствительно имѣетъ нѣкоторое сходство съ этимъ звѣремъ, когда онъ лежитъ уткнувъ рыло между лапъ. Но я не *медвѣдя* тутъ вижу, а удивлю тебя когда скажу, что въ мысѣ семъ открывается мнѣ *бараній лобъ*, Кріуметопонъ. Этого кажется еще ни кому въ голову не входило кромѣ меня: однако же ты не смѣйся надо мною, а сперва выслушай.

Всѣ древніе Географы говорятъ о Кріуметопонѣ, и ни одинъ изъ нихъ не опредѣлилъ съ географическою точностію положенія мы-

са сего. Изъ Страбона одно видно то, что должно искать его на Южномъ берегу, между Балаклавою и Өеодосіею; и что плывущіе посреди моря, между Анатоліею и симъ полуостровомъ, могутъ видѣть въ одно время Кріуметопонъ въ Европѣ и Карамвисъ въ Азіи. (1.) Плиній почти то же говоритъ и можетъ быть повторяетъ слова Страбоновы. Древнѣйшій изъ Периплов Чернаго моря, Скилаксовъ, называетъ только мысъ сей и такъ же между городами Херсономъ и Өеодосіею. Арріянъ въ Периплѣ своемъ вовсе не упоминаетъ о немъ; а я не буду упоминать о П. Мелѣ, у коего такая безпутица въ порядкѣ имъ слѣдуемомъ въ названіи городовъ и урочищъ Тавриды, что если его согласовать съ прочими землеописателями, то ни какого толку ни въ чемъ не добываешься. Остается Скимнъ и превратившій его стихи въ прозу *Безъ-именный*. Сей послѣдній именно говоритъ о Кріуметопонѣ, слѣдуя порядку моего пути, отъ Өеодосіи къ Херсону, ставитъ оный на западъ отъ Лампаса въ 220 стадіяхъ; и во всемъ буквально повторяетъ Скимновы слова,

(1.) Strab. Lib. VII. Cap. IV. § 3.

съ разницею только въ числѣ стадій, которыхъ въ подлинникѣ (у Скимна) 120 а не 220: ошибка позднѣйшихъ переписчиковъ и которую безъ сомнѣнія должно относить къ прозѣ а не къ стихамъ; ибо въ первой легче было принять букву за другую, σ вмѣсто ρ, нежели во вторыхъ, гдѣ для мѣры стиховъ число должно писаться слогомъ (2). Открывъ это, призовемъ теперь на помощь себѣ Птолемея, коего свидѣтельство здѣсь, не такъ какъ Географа, а какъ Астронома будетъ для насъ весьма полезно. Въ таблицахъ его Меридіановъ, мы находимъ опредѣленными три мѣста, для заключенія моего весьма важныя, а именно: Херсонъ— 61°; Кріуметопонъ — 62°; Θеодосія — 63° 20′ слѣдственно по его опредѣленію мы уже видимъ, что Кріуметопонъ отстоитъ 1° 20 на западъ отъ Θеодосіи и на одинъ градусъ къ востоку отъ Херсона. Вотъ я уже начинаю торжествовать; подожди еще что будетъ далѣе.

(2.) — — — *ἀπὸ δέ Λαμπάδευν*
Εις τὸ Κριϗμέτωπον ἀκρωτήριον.
τῆς ταυρικῦς ὑψηλόν (ὄρος) ἐστὶ στάδια
ΕΙΚΟΣΙ ΚΑΙ ΕΚΑΤΟΝ

Scymn. Ch. fragm. V. 79.—

Я здѣсь въ Ламбатѣ — и что же это такое какъ не древній Лампасъ? Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, даже и по названію въ Татарскихъ устахъ не измѣнившемуся, ибо Греческое именительное Лампасъ, во всѣхъ прочихъ падежахъ, принимаетъ лишній слогъ, въ коемъ с, перемѣняется на д., на примѣръ; имен. Лампасъ, род. Лампадосъ, вин. Лампада и т. д. слѣдственно я точно нахожусь на томъ самомъ мѣстѣ, которое древніе называли Лампасъ. Смотрю вокругъ себя и вижу гору, образующую мысъ такой, какого я еще не видалъ въ Тавріи и который можно назвать по превосходству мысомъ. Отсюда гора мнѣ кажется какъ будто отдѣленною отъ береговъ и подлинно представляетъ воображенію моему нѣчто похожее на голову животнаго. Вся бѣда моя въ томъ только, что онъ съ лишкомъ близокъ отъ меня и слѣдственно разстояніе несоглашается съ стадіязмомъ Скимновымъ. Мнѣ хочется обойти бухту, взойти на гору ... — Нѣтъ, говорятъ мнѣ; устанешь; это обманъ оптики, по водѣ скрадывающій разстояніе: отсюда до Аюдага верстъ 20. — Верстъ 20! А отъ большаго Ламбата? — Будутъ и всѣ 24. — А что говоритъ Скимнъ? "Отъ Лам-

„паса до Кріуметопона, высокой Таврической „горы и мыса 120 стадій" — (3) Слышишь ли другъ мой, 120 стадій? т. е. 24 версты.... Теперь, если угодно тебѣ, смѣйся надо мною; но когда въ заключеніи моемъ столь вѣрно соглашаются стадіязмы древнихъ и опредѣленіе мѣста, не Географически но Астрономически, то пока мнѣ не докажутъ математически что я ошибаюсь, до тѣхъ поръ ни кто у меня изъ головы не выбьетъ, что *Аюдагъ* есть не *медвѣдь*, *а бараній лобъ—Кріуметопонъ*.

Вечеръ насталъ. Я сидѣлъ погруженный въ пріятныя мечтанія, не сводя глазъ съ обворожительной картины, какъ вдругъ чувствую, кто то треплетъ меня по плечу; оглядываюсь и вижу добраго Генія моего: самъ хозяинъ сюда пріѣхалъ и съ дочерью, молодою какъ весна, рѣзвою какъ дикая козочка, пріятною какъ воздухъ, которымъ мы дышали долго, до глубокой ночи, вспоминая о друзьяхъ нашихъ на Сѣверѣ, воображая себѣ чѣмъ они занимаются въ эту самую минуту. Конечно, говорили мы, Бостономъ, въ комнатѣ ярко лампами освѣщенной, съ пылающимъ ка-

---

(3.) См. прим. 2.

миномъ: какъ они щастливы!... Но я съ лишкомъ люблю друзей моихъ что бы завидовать ихъ благополучію.

На другой день весь домъ наполнился гостями. Сперва пріѣхалъ и съ большею при себѣ свитою, старинный пріятель мой Генералъ Б.... Мы оба другъ другу обрадовались; разсуждали о странностяхъ случая, который заставилъ одного родиться въ Тенерифѣ, другаго въ Россіи, познакомиться въ Мадридѣ, съѣхаться въ Тавридѣ; и между тѣмъ какъ мы говорили о случайностяхъ, конскій топотъ возвѣстилъ намъ еще пріѣзжаго—Начальника Симферополя. Онъ не успѣлъ поклониться какъ опять топотъ и еще гости—Начальникъ Ѳеодосіи. Я имъ сказалъ, что съѣздъ нашъ похожъ на послѣднее явленіе въ комедіи, когда къ развязкѣ всѣ дѣйствующія лица вмѣстѣ появляются; или еще болѣе того, на встрѣчи въ Сьеррѣ-Моренѣ, къ коимъ не доставало только Алгирскаго узника, читающаго намъ свои приключенія въ плѣну.

Не даромъ пришелъ мнѣ Сервантесъ на умъ: я былъ здѣсь свидѣтелемъ явленія во вкусѣ Испанскихъ приключеній XV вѣка. Малагенецъ пріѣхавшій 16 лѣтъ тому назадъ

съ мериносами въ Таврію, по нѣкоторымъ неудачнымъ опытамъ предпочелъ садоводство пастушеской жизни и вступилъ въ службу къ здѣшнему хозяину въ качествѣ садовника. Не знаю, такъ ли онъ искусенъ въ ремеслѣ своемъ какъ бывали Мавры въ отечествѣ его, но весьма подозрѣваю, что по крайней мѣрѣ дѣдъ его былъ то, что называлося въ Испаніи Cristiano nuevo, новый Христіянинъ т. е. не давно обращенный; и что въ крови его осталося много еще Аравскаго: иначе бы нельзя было такъ преобразоваться семейству его, въ которомъ, изключая большой дочери, родившейся въ Малагѣ, прочіе всѣ дѣти до того *отатарились* что и не говорятъ другимъ языкомъ кромѣ Татарскаго. Старшій сынъ подросъ, пришла пора жениться; но гдѣ взять подругу? Ждать ли, что бы случай и невѣсту съ мериносами привезъ на кораблѣ изъ Малаги? Не дождешься; а здѣсь впереди море; съ зади горы, въ селеніи одни Татары, Татарокъ и не видать. Положеніе довольно затруднительное, но любовь все устроила къ лучшему, любовь противъ которой не достаточны ни высокія стѣны Гаремовъ, ни покрывала, коими здѣшнія красавицы завертываютъ какъ муміямъ

себѣ лица: коротко сказать, Гишпанецъ нашъ увидѣлъ пригожую Татарочку; какъ увидѣлъ ее не знаю, но познакомился съ нею, полюбилъ ее, полюбился ей, увѣрилъ ее что Магометъ не пророкъ и она охотно повѣривъ ему, выбѣжала изъ отцовскаго дому и кинулась въ объятія матери любезнаго. Ее то я видѣлъ окруженною новымъ семействомъ своимъ, просящую покровительства и крещенія у начальника губерніи. Надобно было выслушать обѣ стороны; узнать небыло ли принужденія, обмана: для этого впущенъ былъ старикъ отецъ красавицы, съ нѣкоторыми при немъ изъ почетныхъ въ селеніи. О ужасъ! Онъ видѣлъ дочь свою въ присутствіи мущинъ съ лицемъ не покровеннымъ! Этого уже довольно, что бы отгадать намѣреніе ее. Онъ подходитъ къ ней и говоритъ съ жаромъ. Вся душа его была на лицѣ и въ глазахъ, изъ коихъ градомъ катились слезы. Незнавъ языка, я понималъ ясно, когда онъ говорилъ ей о Вѣрѣ; когда напоминалъ о нѣжности своей; когда укорялъ въ неблагодарности; когда умолялъ не покидать отца и дома и Бога, который ему даровалъ ее. Все было тщетно: неумолимая безмолвствуя стояла съ поникшею головою, какъ будто о-

пасалась, чтобы взоръ ея не встрѣтился съ родительскимъ; и вмѣсто отвѣта *перекрестилась*. Горько зарыдалъ отецъ, увидѣвъ сей знакъ отрѣченія и кинулся въ руки товарищамъ своимъ, которые вывели его вонъ изъ комнаты. — Признаюсь, что безутѣшная скорбь старика этого тронула меня; у кого есть дѣти, тотъ умѣетъ сострадать отцамъ: но съ другой стороны не могу похулить и Неофитки молодой, а напротивъ того желаю, чтобы такіе случаи въ здѣшнемъ краю повторялись какъ можно чаще. — Я много слыхалъ толковъ о Татарахъ и много весьма несправедливыхъ о свойствахъ ихъ. Въ моихъ глазахъ все зло состоитъ въ томъ только что они Магометане: ибо общество въ обществѣ, ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ смыслѣ не можетъ благоденствовать. Кроткое правительство (говорятъ мнѣ) ихъ милуетъ, но Магометане не признательны къ кротости Христіянскаго правительства, лѣнивы и ни о чемъ не радѣютъ. Весьма соглашаюсь; знаю, что ихъ ни къ чему не принуждаютъ, что впрочемъ было бы и безполезно, потому что принужденіемъ ничего добраго не сдѣлаешь. Но дабы излѣчить ихъ отъ лѣни и нерадѣнія,

необходимо потребно чтобы они сами позна-ли всѣ выгоды трудолюбивой жизни: а для э-того имъ надобно полюбить собственность; а что бы любить собственность, надобно по-любить отечество; а дабы полюбить отече-ство, надобно чтобы все въ немъ согласова-лось съ умомъ и съ сердцемъ гражданина. Ожи-дать же этого отъ Мусульмановъ живших въ землѣ Христіанской, гдѣ все въ противорѣ-чіи съ ихъ нравами, обычаями и съ тѣмъ, что всего драгоценнѣе для человѣка, съ убѣж-деніемъ ихъ совѣсти: это, по моему мнѣнію, все равно, что требовать отъ нихъ, или пре-зрѣнія къ собственной ихъ Вѣрѣ, что есть нравственная невозможность; или что бы они ни какой не имѣли, отъ чего Боже сохрани всякое общество!

ПИСЬМО XIV.

Гурзуфъ.

Вчера мы, гости, выѣхали всѣ вмѣстѣ и я на пути изъ Кучукъ-Ламбата сюда, ни чѣмъ такъ не любовался какъ Караваномъ нашимъ. Въ немъ было до 70 лошадей, разумѣется съ

вьючными, то можешь вообразить себѣ какова была эта неразрывная цѣпь, какъ змія віющаяся по излучинамъ горъ. Если бы переѣздъ мой не былъ такъ малъ, всего 12 верстъ, я бы измучилъ лошадь мою, потому что безпрестанно, то уѣзжалъ къ хвосту каравана, то далеко отъ него впередъ, дабы наглядѣться на эту движущуюся картину, которую нельзя видѣть ни на какихъ горахъ въ Европѣ, какъ только на Крымскихъ и то не всегда, ибо для этого нужно, чтобы случай соединился вмѣстѣ столько путешественниковъ, сколько насъ тутъ было.

Проѣхавъ деревню Гурзуфъ, мы спустилися отъ нее на ближайшій къ морю уступъ и увидѣли передъ собою огромный замокъ, въ какомъ то необыкновенномъ вкусѣ: это домъ Дюка Ришелье, которому и деревня принадлежитъ. Товарищи мои поѣхали далѣе, а мы здѣсь остались ночевать.

Замокъ этотъ доказываетъ, что хозяину не должно строить за очно, а можетъ быть и то, что самый отмѣнно хорошій человѣкъ можетъ имѣть отмѣнно дурный вкусъ въ Архитектурѣ. Огромное зданіе состоитъ изъ крылецъ, переходовъ съ навѣсомъ вокругъ до-

ма, а въ нутри изъ одной галлереи занимающей все строеніе, изключая четырехъ небольшихъ комнатъ, по двѣ на каждомъ концѣ, въ которыхъ столько оконъ и дверей что нѣтъ мѣста, гдѣ кровать поставить. Въ этомъ состоитъ все помѣщеніе, кромѣ большаго кабинета надъ галлереею подъ чердакомъ, въ который надобно съ трудомъ пролѣзть по узкой лѣсницѣ. Водившій меня дворникъ Татаринъ, недовольствуясь показаннымъ мнѣ, потащилъ меня еще и на чердакъ, въ бельведеръ, для того только чтобы не забыть ни одного уголка въ домѣ страстно имъ любимаго господина. Я долженъ былъ повиноваться его волѣ и трудъ мой конечно бы наградился прекраснымъ видомъ на морѣ, но погода сдѣлалась пасмурною и отъ того всѣ предметы представилися мнѣ въ печальномъ видѣ. Въ такомъ расположеніи ума, я вспоминалъ о знакомомъ мнѣ хозяинѣ дома сего и воображалъ себѣ, что онъ можетъ быть щастливѣе бы жилъ между Татарами въ Гурзуфѣ своемъ, нежели въ невольныхъ почестяхъ блестящей Французской столицы. Я не знаю человѣка, который бы оставилъ въ чужомъ краю щастливѣйшую по себѣ память. Татары съ умил-

леніемъ произносятъ имя Ришелье: оно здѣсь то же, что было имя Ласъ-Казаса между дикими Американцами. Мы по немъ *пропадаемъ*, говорилъ мнѣ Гурзуфскій Староста. Я сказалъ ему что знакомъ съ Дюкомъ и это мнѣ послужило лучше всякаго фирмана. Съ какою жадностію случившіеся тутъ Татары слушали мои о немъ расказы. — Онъ первый человѣкъ при Королѣ, говорилъ я; пользуется полною и заслуженною довѣренностію Государя своего; однако же онъ все помнитъ и любитъ здѣшній край и можетъ быть когда нибудь посѣтитъ его.... Слезы засверкали на глазахъ у слушателей моихъ. Слава Богу! вскричали они, слава Богу! Мы всѣ любимъ его, какъ отца: но такъ ли онъ любимъ между своими? У насъ проговариваютъ, что будто бы тамъ все еще не тихо и не спокойно... — Я не хотѣлъ безъ нужды огорчать ихъ извѣстіями политическими, въ которыхъ, благодаря Бога, они ни какой нужды не имѣютъ.

Здѣсь я опять на полуклассической землѣ: классическою назвать, было бы съ лишкомъ много чести Византійскимъ временамъ. Самое имя Гурзуфъ доказываетъ, что здѣсь то самое урочище, которое Прокопій называетъ *Гур-*

зувитовъ; а въ трехъ верстахъ отъ сюда, не доѣзжая деревни, видны у моря на скалѣ развалины крѣпости Гурзувитовъ, построенной Юстиніаномъ въ одно время съ Алустонскою (1). Ѣдучи мимо, гора, на которой стояла крѣпость сія, показалася мнѣ скалою не давно съ Яйлы свалившеюся въ море и я бы проѣхалъ безъ всякаго вниманія, если бы проводникъ мой не указалъ мнѣ на развалины стѣнъ и башень еще видныя на утѣсистомъ берегѣ горы, въ которую со всѣхъ сторонъ ударяютъ волны.

Никитской садъ.

Что шагъ впередъ, то дорога труднѣе, а виды живописнѣе. Когда я выѣхалъ изъ Гурзуфа рано по утру, погода была пасмурная; иногда дождикъ накрапивалъ. Сѣдыя облака, какъ растянутая волна, препоясывали Яйлу. Мы иногда подымалися къ нимъ, находилися въ области тучъ и платье обмокало на насъ какъ отъ сильнаго дождя. Верстъ десять щитается до деревни Никиты; отъ нее до мыса того же имени, дорога идетъ крутымъ спускомъ версты на двѣ и болѣе, сквозь густой лѣсъ.

(1.) См. письмо XII., примѣч. 2.

Надобно имѣть перо Бернардиново, чтобы отважиться на описаніе величественной прелести сего лѣса, коего вѣковыя деревья могутъ дать понятіе о мѣстахъ гдѣ цвѣла и завяла юность Павла и Виргиніи. 6е. Октября и ни одного желтаго листочка!
Hinc ver adsiduus atque alienis mensibus aestas.

Здѣсь прозябеніе во всей силѣ своей и красотѣ. Деревья, въ три охвата, шелковичныя, орѣховыя, гранатовыя, фиговыя и множество другихъ родовъ произведенія роскошныхъ небосклоновъ. Дикой виноградъ вьется около нихъ и на вѣтвяхъ чужихъ кладетъ тяжелыя грозды свои, которыхъ бы самъ не въ силахъ былъ сдержать. Я думалъ, что какой нибудь волшебникъ занесъ меня въ дремучій лѣсъ, на берега Амазоны: но дикость исчезла; передо мною Никитской садъ, устроенный уступами на мысѣ. Уютный простенькой домикъ стоитъ на верхнемъ изъ сихъ уступовъ: онъ выстроенъ для управляющаго сими садами и въ немъ двѣ комнаты опредѣлены для посѣтителей сихъ мѣстъ. Утонченность въ угощеніи не довольствуется здѣсь предложеніемъ путешественнику всего нужнаго къ отдохновенію, она желаетъ дать и уму его пріятное занятіе: въ

одной изъ комнатъ стоитъ шкафъ наполненный книгами, разумѣется ботаническими, между коими я видѣлъ прекрасное изданіе Палласовой Flora Rossica; и всѣ собранныя здѣсь сокровища служатъ къ удовольствію или къ удовлетворенію любопытства гостей.

Прекрасныя, какъ въ Англинскомъ саду дорожки, ведутъ по уступамъ отъ дома къ оранжереи и далѣе къ жилищу садовника. Онѣ вьются между расадниками и школами деревъ, которыхъ располагаютъ или размножить или вновь водворить въ Тавридѣ и въ иныхъ краяхъ полуденной Россіи. На сей конецъ ежегодно обнародовается печатными листами о всѣхъ родахъ растѣній здѣсь находящихся. Истинное благодѣяніе для умѣющихъ пользоваться онымъ: ибо всякой можетъ прямо по почтѣ отнестись *въ садовое Никитское Правленіе*, и получитъ исправно, за самую умѣренную цѣну, все что изъ описи имѣть пожелаетъ. Я видѣлъ здѣсь миртъ, кипарисъ, каковыхъ лучше не видалъ въ Андалуси и Тосканѣ; однимъ словомъ, здѣсь растутъ на открытомъ воздухѣ всѣ деревья и кусты, коими гордятся южныя края Европы: одни только апельсинныя и лимонныя деревья стоятъ здѣсь

въ кадкахъ; чему я удивляюсь; ибо ни какого сомнѣнія въ томъ не имѣю, что и они бы росли въ землѣ, наблюдая только осторожность укрывать ихъ во время короткой зимы и то, пока не заматерѣютъ. На среднемъ садовомъ уступѣ, между верхнимъ и тѣмъ на коемъ домъ садовниковъ, стоитъ Оранжерея огромная и въ это время года пустая, потому что въ Октябрѣ мѣсяцѣ весь мысъ можетъ служить вмѣстѣ Оранжереи. Отъ нее мы взошли другими дорожками на гору и отъ жару насилу добрались до вершины холма, на коемъ сооруженъ на шести столпахъ круглый открытый Храмъ. — Тебѣ, можетъ быть, покажется странно, что сказавъ о пасмурной погодѣ, которою день начался, я жалуюсь теперь на жаръ; но оно было дѣйствительно такъ; пока я еще лѣсомъ ѣхалъ, погода разгулялась и къ полдню не осталося ни облачка на небѣ; къ тому же вспомни, что я на южномъ берегѣ Тавриды и подъ 44° широты.

Я заговорилъ о храмѣ: это очень хорошаго вкуса Ротонда, посреди коей поставленъ на пьедесталѣ бронзовый, больше натуры, бюстъ Линнея. Упсальскій Философъ кажется съ добродушною улыбкою смотритъ на по-

луденный край, гдѣ солнце найболѣе милуетъ произведенія, предмѣты постоянныхъ занятій полезной его, добродѣтельной жизни. Отдыхая путь, я любовался великолѣпнымъ зрѣлищемъ заката солнца за мысъ Ай-Тодоро. Дневное свѣтило уже скрылось отъ глазъ моихъ, но лучи его долго еще не погасали на верхахъ Яйлы. Сколь сильно дѣйствуетъ на душу соединеніе прелестей природы и искуства! Глядя на изваяніе, воображеніе мое одушевляло истуканъ и мнѣ мечталося видѣть самаго Линнея, смотрящаго съ восхищеніемъ на мѣста не давно еще единою дикою природою украшенныя, а теперь начинающія образоваться рукою просвѣщенія. Нельзя было избрать мѣста удобнѣйшаго для храма посвященнаго образователю науки о царствѣ прозябенія; и другой подобный же сему Холмъ ожидаетъ памятника Палласу, коего труды и остатокъ жизни посвящены были на пользу здѣшней страны. Не та ли самая рука воздвигнетъ и сей памятникъ великому нашему Геологу, отъ которой Никитской садъ получилъ Линнеевъ Бюстъ? — Это даръ Г. Н. П. Румянцева: вездѣ, мой другъ, гдѣ только коснется рѣчь о распространеніи полезныхъ знаній, о улуч-

шеніи или украшеніи жребія человѣчества, ты можешь быть увѣренъ, что услышишь имя сего истиннаго, кроткаго благотворителя наукъ и художествъ.

Весь этотъ день я въ восхищеніи провелъ въ Никитѣ. До поздной ночи сидѣлъ на крыльцѣ; не могъ рѣшиться оставить окружающихъ меня очаровательныхъ картинъ. Фисіогномія лѣта во всей его силѣ и юности! Ни что здѣсь не напоминаетъ объ осени. Одни только сѣдые туманы, вѣнчающіе главу неприступной Яйлы, указываютъ что за нею Октябрь. А здѣсь.... какой теплый, благорастворенный воздухъ! Какое чистое безоблачное небо! Луна взошла; засверкали лучи ея по зыбямъ морскимъ; *освѣтились скалы, горы, рощи и озарился безпредѣльный Эѳиръ.*

ȣ̓ρανόθεν δ᾽ ἄρ ὑπεῤῥάγη ἄσπετος αἰθήρ.

И не хотя здѣсь вспомнишь пѣвца Іліона! Какъ въ нравственномъ, такъ и въ естественномъ мірѣ, мысль о немъ невольно присоединяется ко всему тому, что велико и прекрасно.

Алупка.

Какъ жаль разстаться съ Никитскимъ садомъ, а надобно впередъ; такъ точно и въ жизни: какъ ни хорошо, а все мысли стремятся къ чему то далѣе въ надеждѣ лучшаго. — Поднявшись на гору, надъ мысомъ, я бы проѣхалъ безъ всякаго вниманія одно любопытное мѣсто, если бы проводникъ мой не сказалъ мнѣ, что тутъ будетъ *городъ Софіополь*. Пышное названіе! Впрочемъ кто можетъ предузнать судьбы его; и Карѳагенъ такъ же начинался; съ тою только разницею, что при заложеніи онаго было болѣе дѣятельности нежели здѣсь, гдѣ бревенъ 20, праздно *лежащія*, до сихъ поръ показываютъ одно только намѣреніе соорудить сей городъ. Далѣе находится подобный этому и загородный домъ, т. е. вообразителный. Вообще съ лишкомъ много встрѣчается въ Тавридѣ таковыхъ *вообразительныхъ* усадебъ, принадлежащихъ помѣщикамъ, которые занявъ мѣсто, не заботятся о томъ, что бы рука трудолюбія образовала оное къ пользѣ ихъ и общества: это пустоши, еще ожидающія воздѣлыванія отъ винноградаря или садовника. Пускай бы еще лоскутки земли, но пространныя владѣнія, осужденныя на безполезность!

Раздѣлены будучи на умѣренные участки, въ рукахъ трудолюбивыхъ дѣлателей, въ глазахъ заботливыхъ помѣщиковъ, они вскорѣ бы покрылися нивами и садами, къ пользѣ, къ украшенію, къ безопасности цѣлаго края; а теперь .... И Виргилій говоря о большихъ помѣстьяхъ не lucra сказалъ, а otia latis fundis.

Переѣздъ отъ Никиты сюда, есть одинъ изъ долгихъ въ береговомъ путешествіи: щитаютъ 20 верстъ, но я полагаю гораздо болѣе; впрочемъ и не можно съ точностію измѣрять дороги, которая ни ста шаговъ нейдетъ по прямой чертѣ. Описывать же всѣ мѣста которыя или плѣняли, или удивляли меня, было бы повтореніемъ одинхъ и тѣхъ же словъ: *прелестно! восхитительно!* Что для читателя, не дѣлящаго со мною восхищенія, очень скучно; а для типографіи осужденной печатать мои письма, было бы весьма накладно, ибо она нашлася бы принужденною отливать для меня особливый запасъ *знаковъ удивленія*. И такъ довольно сказать, что миновавъ деревни, Татарскую Ялту и Аутку, Греками населенную, я пріѣхалъ въ Алупку, мѣстоположеніемъ не уступающую, если не превосходящую, другія мѣста мною на пути замѣченныя. Домъ,

въ которомъ мы ночевали окруженъ дикимъ садомъ, состоящимъ изъ деревъ гранатовыхъ, фиговыхъ, оливковыхъ, рябинъ (Cormier), лавровъ, кипарисовъ. Изъ деревъ сихъ наиболѣе удивили меня гранатовыя и фиговыя, каковыхъ ростомъ и толщиною я нигдѣ не видывалъ. ни даже въ окрестностяхъ Валенсіи. Между садомъ симъ и моремъ раскатъ берега, версты на двѣ покрытъ обломками скалъ, на каковыхъ и деревня построена. Ужасъ и прелесть вмѣстѣ: разсѣянные обломки горъ, видъ страшнаго раззоренія; но между ими садовый и дикій виноградъ, плодовитыя деревья и вода какъ хрусталь прозрачная, то ручьемъ журчитъ по покату, то водопадомъ, со скалы на скалу стремится къ морю.

День весь былъ жаркой и ночь претеплая, каковыя едва бываютъ у насъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Я не могъ усидѣть въ домѣ, но большую часть ночи провелъ въ дикомъ саду природы, наслаждаясь благорастворенiемъ воздуха и тишиною романтической пустыни, оглашенной однимъ только шумомъ падающихъ водъ. Все было спокойно около меня; все погружено въ глубокой сонъ.... И гдѣ же? — На обломкахъ скалъ, скатившихся съ вершины Яйлы.

Кикинейсъ.

Я отдыхаю здѣсь. — Объѣхавъ мысъ Куртуры и поднявшись въ гору, версты четыре отъ ночлега, все еще было изрядно до небольшаго селенія, Симейса; но отъ него начался ужаснѣйшій спускъ, который однимъ помышленіемъ о немъ наводитъ трепетъ. Сколько я ни наглядѣлся на пропасти, сколько ни увѣрился въ надежности Татарскихъ лошадей, не менѣе того сердце во мнѣ содрогалось отъ ужаса, когда случалось что коню моему надобно было переступать съ камня на камень, надъ самою стремниною, такъ что если бы онъ только оступился, не говорю уже споткнулся, то не было бы спасенія ни ему, ни всаднику. Это мѣсто по всей справедливости можно бы назвать *Флегрейскими полями*, гдѣ по языческому преданію, *чада земли сражалися съ небожителями*; гдѣ

— Pater omnipotens misso perfregit Olympum
Fulmine et excussit subjecto Pelio ossam..

Особливо и выше всякаго описанія, ужасенъ уголъ каменной горы, который объѣзжается у самаго моря. Скала на скалѣ загра-

ждаютъ путь; страшные ихъ обломки висятъ надъ головою и на каждомъ шагу грозятъ страннику участью Титановъ. Лошадь отъ страха останавливается, озирается, высматриваетъ гдѣ бы вѣрнѣе ступить; иногда, по нѣкоторомъ размышленіи, не находя способа идти, слагаетъ накрестъ переднія ноги, садится на заднія и такимъ образомъ, можно сказать, не спускается а съѣзжаетъ подъ гору. Здѣсь, мѣсто усѣяно мелкими каменьями, катящимися въ пропасть на каждомъ шагѣ трепетно ступающаго коня: это обломки скалы слѣтѣвшей съ вершины *Яйлы* и отъ удара разсыпавшіеся на добрыя части. Тамъ, ужасная громада, какъ будто чудесною какою силою на полстѣ остановленная, виситъ — и ожидаетъ единаго дуновенія бури чтобы довершить неоконченное паденіе свое.... (1.) О!

(1.) Большая часть посѣтителей Тавриды начинаютъ путешествіе свое по южному берегу отъ Мердвеня и оканчиваютъ оное Алуштою: Таковымъ описанный мною проѣздъ можетъ показаться увеличеннымъ. Но я ссылаюсь на тѣхъ, которые проѣзжали берегъ отъ запада къ Востоку: въ семъ направленіи горы постепенно понижаются и слѣдственно по дорогѣ болѣе крутыхъ спусковъ нежели подъемовъ.

роковое страшилище, помедли! Не о себѣ молю тебя: дай миновать себя матери семейства, добродѣтельной, нѣжной, которая никогда и помышленіемъ не оскорбляла Небо! —

Не много не доѣзжая этого страшнаго мѣста видна въ морѣ скала, на которой примѣтны развалины, укрѣпленія подобныя тѣмъ, о которыхъ я писалъ къ тебѣ изъ Гурзуфа. Жаль, что Константинъ Порфирородный не оставилъ намъ имена всѣхъ крѣпостей и въ томъ порядкѣ, въ которомъ онѣ находилися на семъ берегѣ: мы бы знали какое имя дать сему камню, Татарами Дзива называемому. Впрочемъ это могло быть и Генуэзское укрѣпленіе.

Если я не скажу тебѣ, гдѣ я пишу эти строки, ты никогда самъ не отгадаешь: — на крышкѣ хаты, которыя всѣ здѣсь такъ плоски какъ Неаполитанскія терасы на домахъ. Въ Кикинейсѣ и по всему берегу, Татары ставятъ для жилищъ своихъ только три стѣны; четвертою служитъ каменная гора, къ которой хижина прислоена. Мѣсто для этого выбирается такое, гдѣ уступъ въ скалѣ позволяетъ на немъ утвердить бревна, а на нихъ намостить потолокъ, который будучи покрытъ дерномъ, можно ходить по немъ и

не догадываясь что подъ ногами хата. На такомъ то терасѣ я сижу окруженный Татарскими дѣтьми, подносящими мнѣ разныхъ плодовъ на чистыхъ оловянныхъ тарелочкахъ. Обрадованный впервые такимъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ привѣтливости, я, къ большему удовольствію моихъ прислужниковъ, плачу имъ за все мнѣ подносимое, и если долго просижу, то конечно скорѣе истощится мой кошелекъ, нежели ихъ усердіе. Впрочемъ не въ однихъ дѣтяхъ я замѣчаю здѣсь смѣлость обхожденія съ чужими, каковой я не видалъ въ другихъ мѣстахъ Тавриды; и старухи здѣсь показываются съ открытыми лицами. Палласъ описываетъ какъ здѣшнихъ жителей, такъ и Симейса и Лимена, настоящими каррикатурами: онъ жилъ въ землѣ сей и конечно лучше меня умѣлъ наблюдать; слѣдственно я противъ него спорить не буду, а скажу что сколько я не замѣчалъ, но ни одного здѣсь Пульчинеллова, безобразнаго лица не видалъ. Напротивъ того, и именно въ Симейсѣ, я нарочно останавливался для того, что бы съ удивленіемъ любоваться мальчикомъ лѣтъ 12ти, коего Гвидо избралъ бы образцемъ не для Терсита, а для Амура.

ПИСЬМО XV.

Байдары.

Окончивъ береговое путешествіе мое, отдыхаю здѣсь по неволѣ; ибо проливный дождь идетъ другія сутки. Между тѣмъ, пока выяснитъ, дамъ тебѣ отчетъ въ путешествіи моемъ до сего мѣста.

Верстахъ въ трехъ отъ Кикинейса, я проѣзжалъ чрезъ мѣсто, которое въ 1786 году роступившись сдвинулося къ морю и засыпало стоявшую на немъ деревню Кучукъ-Кой. По щастію обрушеніе было медленное и благодѣтельное землетрясеніе предохранило жителей отъ смерти; ибо почувствовавъ оное и увидѣвъ подлѣ деревни провалъ поглотившій ручей, они заблаговременно выбралисъ изъ селенія обреченнаго на погибель. Уже прошло этому 34 года, а я видѣлъ еще сухіе верхи деревъ торчащіе между глыбами обезображивающими пространство, съ версту въ ширину, по которому должно проѣзжать.

Отъ сего мѣста тропа начинаетъ уже возвышаться приближаясь къ утесу Яйлы. Подъѣхавъ къ оному мы съ полчаса дали отдо-

хнуть лошадямъ, потому что находилися у порога Мердвеня т. е. лѣсницы. Ты не подумай, что бы это названіе было дано по нѣкоторому только сходству съ лѣсницею: нѣтъ; это въ точномъ смыслѣ *лѣсница*, витая, почти по отвѣсу проложенная въ ращелинѣ горы и ведущая отъ подошвы скалы до вершины оной. Тѣсные, между огромныхъ камней обороты, въ которыхъ лошадь должна въ двое изгибаться, дабы переступать съ высокой ступени на другую, дѣлаютъ спускъ по лѣсницѣ сей на лошади не только опаснымъ, но и невозможнымъ, почему путешественники и даже Татары сходятъ по ней пѣшкомъ. Подъемъ же на нее хотя и труденъ, но возможенъ, что я и самъ узналъ на опытѣ: лошадь моя отдохнувъ не много, какъ я выше сказалъ, бодро и не останавливаясь вынесла меня на верхъ Мердвеня, которому Татары даютъ съ лишкомъ полверсты въ высоту; чему не трудно и повѣрить, принявъ въ соображеніе безпрерывныя его излучины. — Тутъ былъ предѣлъ моего странствованія по южному берегу; тутъ я простился съ моремъ и съ прелестнымъ полуденнымъ краемъ; и тутъ на первомъ шагѣ въѣзжая въ Байдарскій лѣсъ, нашелъ осень,

какъ по грязной дорогѣ, такъ и по желтымъ листьямъ на деревьяхъ.

Весь южный берегъ заслуживаетъ примѣчаніе: но по моему мнѣнію живописнѣйшая часть онаго заключается между Никитою и Мердвенемъ. Никогда хладное дыханіе Сѣвера не проходитъ въ сію благословенную юдоль, огражденною отъ страны полунощной высокою, взоръ ужасающею каменною стѣною. Все не большое пространство, между стѣною сею и моремъ, по справедливости можно назвать земнымъ раемъ. Очаровательныя, роскошныя картины со всѣхъ сторонъ: тамъ рощица манитъ меня подъ густый, зеленый кровъ свой; тамъ открываются уступами къ морю холмы; по коимъ пасутся овцы; бродятъ коровы, буйволы; между тѣмъ какъ съ другой стороны, рѣзвыя козы вися на скалахъ, щиплютъ кустарники, изъ щелей камня выросшіе. На каждомъ шагѣ виды измѣняются: здѣсь я останавливаюсь и думаю, вотъ картина, которую бы я желалъ видѣть представленною на холстѣ кистію Клавдія или Пуссеня . . . . Но шагъ впередъ и картина восхищавшая меня уступаетъ новой, чудеснѣйшей. Вдругъ открывается зеленой мысъ, который

за холмомъ не виденъ былъ: около него селенія: на немъ маякъ, указывающій плавателю опасные, окружающіе его камни, противъ коихъ безпрестанно ярится море и высоко на берегъ брызжетъ пѣну. По краямъ же величественныхъ или прелестныхъ сихъ картинъ, какъ рамы, съ одной стороны море, съ другой Яйла, на вершину коей ни когда нога смертная не вступала. Ни какое перо, ни какая кисть не могутъ изобразить этихъ легкихъ прозрачныхъ облачковъ, которыя поясомъ стелются вдоль скалы; между тѣмъ какъ вершина ея горитъ позлащенная лучами восходящаго солнца. Орлы, одни орлы, витаютъ на сихъ неприступныхъ высотахъ и часто парятъ надъ главою путешественника, какъ будто умышленно для того, что бы уличить въ ошибкѣ Страбона, сказавшаго что Царь пернатыхъ не обитаетъ на горахъ Тавриды (1.) Ко всему этому прибавить должно еще водопады и ручьи, которые на каждыхъ почти ста шагахъ струбятся по раскату къ морю и манятъ стран-

---

(1.) Ἴδιον δὲ τι καὶ τοὶ ἀετον μὴ γίνεσθαι ἐν τοῖς τόποις τούτοις.

Strab. Lib. VII. C. 4 § 8.

ника зноемъ утомленнаго, утолить жажду свою чистою студеною водою. Проѣзжая чрезъ такіе потоки, я неоднократно съ любопытствомъ замѣчалъ смыслъ горской лошади: захочетъ ли она пить, она не остановится у ручья, но вступитъ въ него и обратится къ вершинѣ потока, дабы ловить струю прямо ей въ ротъ текущую.

Изобиліе вкусныхъ сихъ здоровыхъ водъ, есть одно изъ главныхъ благъ, которыми природа столь щедро одарила край сей: но.... мысль ужасная!... Какъ въ человѣкѣ, такъ и въ цѣломъ мірозданіи, самый источникъ жизни заключаетъ въ себѣ тайную причину разрушенія. Эти воды, коихъ скромные потоки, кажется для того только и струятся, что бы напаять животныхъ и живить прозябеніе, эти самые своды, хотя медленно, но неизбѣжно, подмываютъ основу скалъ и причиняютъ эти страшныя обрушенія коихъ слѣды я видѣлъ по всей дорогѣ на южномъ берегѣ. Нельзя безъ трепета смотрѣть на расщелины горъ, произведенныя сими тайными орудіями карающей природы. На каждомъ шагѣ встрѣчаются признаки обрушеній; и кто поручится въ томъ, что бы минута, въ которую я про-

ѣзжаю, не была роковою минутою паденія горы? Но я такъ же вижу что въ самыхъ расщелинахъ сихъ большія сосны и дикія смоковни укоренилися; и зрѣлище сіе свидѣтельствующее о продолженіи времени потребнаго для роста таковыхъ деревъ, если не убѣждаетъ разсудка, то по крайней мѣрѣ успокоиваетъ воображеніе мое.

За Яйлою дорога въ Байдары идетъ лѣсомъ длинными объѣздами и по весьма отлогимъ спускамъ. Мы только подъ вечеръ прибыли къ ночлегу проѣхавъ этотъ день не менѣе 40 верстъ.

Ты конечно, мой другъ, много наслышался о Байдарской долинѣ, которую путешественники въ запуски превозносятъ; я самъ по этой причинѣ не терпѣливо желалъ видѣть ее, ожидая найти въ ней красоту необыкновенную; и — весьма ошибся въ ожиданіяхъ моихъ. Долина, со всѣхъ сторонъ высокими горами окруженная, по которой разбросаны не большія селенія и гдѣ непримѣтные ручьи сливаются въ одну не большую рѣчку, лѣтомъ высыхающую—могла показаться Аркадіею, Темпейскою долиною Гжѣ Гутри одаренной столь пылкимъ воображеніемъ, что

и въ Татарской дудкѣ ей слышалась Тиокритова свирѣль: мнѣ на противъ того, ни что во всей Тавридѣ не показалося такъ скучно и пустынно какъ это мѣсто. Я спрашивалъ себя, не способствуетъ ли къ такому надо мною впечатлѣнію то, что я увидѣлъ Байдары тотъ часъ послѣ южнаго берега; не дѣйствуетъ ли тутъ и вліяніе погоды, вдругъ изъ лѣтней, теплой, перемѣнившейся въ холодную осеннюю: это все конечно обстоятельства не выгодныя для Татарской Аркадіи; но при всемъ томъ я принужденъ былъ согласиться съ Палласовымъ мнѣніемъ о сей долинѣ и заключить что она славою своею обязана не столько природѣ, какъ воображенію посѣтителей ея.

Погода все еще продолжается дурная, а я рѣшился не выѣзжать отъ сюда не дождавшись солнца. Отдохну между тѣмъ; это мнѣ нужно: я чувствую какую то усталость, не въ тѣлѣ, а въ душѣ, о которой хочу поговорить съ тобою.

Я вспоминаю впечатлѣніе, которое сдѣлалъ во мнѣ первый шагъ за Яйлу. Мнѣ казалося тогда, что я переступилъ прямо изъ лѣта въ глубокую осень и это скорое прехожденіе отъ хорошаго къ дурному, безъ всякихъ про-

межуточныхъ оттѣнокъ, не чувствительно сливающихъ противуположности, сильно подѣйствовало на душу мою: Я почувствовалъ скуку. Старался разсѣять ее. Мысленно обращался къ ощущеніямъ моимъ въ мѣстахъ живописныхъ, опасныхъ. . . . . и открылъ еще другую причину скуки моей, противъ первой не сравненно сильнѣе дѣйствующую: мнѣ жаль было разставаться съ пропастьми, съ стремнинами, по которымъ я странствовалъ нѣсколько дней съ ряду. Вотъ удивительное чувство, которое заставляетъ человѣка и бояться опасностей и любить ихъ; любить то, что угрожаетъ ужаснѣйшимъ въ природѣ, разрушеніемъ! Такъ точно! И вотъ почему: если опасности угрожаютъ разрушеніемъ, за то онѣ и даютъ человѣку способность живѣе ощущать свое бытіе; въ чемъ единственно состоитъ настоящая жизнь души. И въ самомъ дѣлѣ, что дѣлаетъ воина столь пристрастнымъ къ ремеслу своему, въ которомъ смерть грозитъ ему на каждомъ шагѣ, какъ не это же самое живое ощущеніе бытія, или иначе сказать, сознаніе въ себѣ сильной воли, все преодолѣвающей, даже самою природою посѣянное въ сердцѣ нашемъ отвращеніе къ уни-

тоженію? Война кончилась, опасности миновалися и жизнь воина становится томною, потому что приобыкшій къ сильнымъ потрясеніямъ, безъ таковыхъ, способности души его дремлютъ, ни чѣмъ не пробуждаемыя. Переходъ къ сему положенію отъ дѣятельности, есть ужаснѣйшее состояніе на свѣтѣ, отъ коего зараждается смертельная души болѣзнь — *скука*; источникъ несмѣтныхъ золъ, нещастій и вмѣстѣ бичь, какого Провидѣніе кажется, не могло избрать жесточае для каранія притѣснителя человѣчества и сластолюбца пресыщеннаго въ нѣдрахъ роскоши и нѣги.

Слѣдуетъ ли изъ сего, что всякому человѣку должно искать опасностей: конечно нѣтъ; но слѣдуетъ истина не оспоримая, что всякъ тотъ кто родился не veluti pecora, обязанъ предполагать въ жизни своей какую нибудь высокую цѣль, къ которой онъ долженъ всечасно стремиться и никогда не достигать, по тому что мы сотворены не съ тѣмъ, что бы *имѣть*, а что бы *желать*, не съ тѣмъ чтобы наслаждаться, а что бы искать наслажденій.... Но гдѣ же они?

Эпикуреецъ ищетъ ихъ въ чувственности.... Безумецъ! тутъ они всего дешевлѣе,

вездѣ подъ рукою, тотъ часъ доступны; за ними въ слѣдъ идетъ пресыщеніе, слѣдственно и скука. Цѣль завоевателя и честолюбца, я скажу даже сребролюбца, лучше этого: по крайней мѣрѣ въ ней то хорошо, что прежде нежели достигнуть имъ до той меты, гдѣ конецъ желаніямъ, надобно что бы не стало земли для завоеваній, и чтобъ истощилися всѣ почести и всѣ сокровища на свѣтѣ. Страсть къ познанію есть, конечно, изъ всѣхъ благороднѣйшая; ею Создатель отличилъ насъ отъ прочей твари и въ ней не можетъ быть пресыщенія, потому что каждое новое открытіе въ естественномъ или нравственномъ мірѣ, служитъ къ тому только, что бы подвинуть однимъ шагомъ впередъ къ *безконечному:* но если поприщу сему нѣтъ предѣла и нѣтъ на немъ пресыщенія, за то самая сія потребность души нашей, *стремленіе къ безконечному*, можетъ иногда приводить къ ужасной пропасти, гдѣ на краю стоятъ сомнѣніе и *отчаяніе* — та же скука въ иномъ видѣ, въ высшей степени; и туфли Эмпедокловы, найденныя у жерла Этны доказываютъ, что и у мудреца въ душѣ можетъ гнѣздиться скука.— Такъ гдѣ же искать защиты отъ сей мучительницы сердца человѣческаго?— Въ самомъ себѣ; въ постоянной,

твердой, непоколебимой волѣ быть полезнымъ, или что сказать можно однимъ словомъ: въ *добродѣтели*, которая *одна* не знаетъ пресыщенія, *одна* не истощаетъ желаній, *одна* которой надежды возрастаютъ по мѣрѣ наслажденій, коей дѣйствіе по всюду, а цѣль и здѣсь и за предѣлами жизни. — Щастливъ, мой другъ, кто сильно убѣжденъ въ сей истинѣ; сто кратъ еще того щастливѣе, кто сходно съ оною устроилъ жизнь свою; онъ *скуки* не знаетъ, а если духъ въ немъ и смутится иногда, то это не надолго: такъ паръ дыханія на чистомъ зеркалѣ мгновенно исчезаетъ и оставляетъ стекло еще свѣтлѣе нежели оно прежде было.

ПИСЬМО XVI.

Чоргуны.

Сверхъ ожиданія моего утро настало прекрасное и я поспѣшилъ оставить мнимую Темпею. Не доѣзжая трехъ верстъ до Балаклавы, поворотилъ вправо и прибылъ сюда въ Чоргуны.

Долина сія, гораздо менѣе Байдарской, мнѣ

не сравненно пріятнѣйшею показалася. Деревянный домъ, восточной архитектуры; на дворѣ басеинъ изъ дикаго камня, осаженный высокими тополями и подлѣ него двенадцатигранная башня; насупротивъ дома, на полдень, прелестный зеленый холмъ, на коемъ хижины, какъ сказывали мнѣ, поселенныхъ Цыганъ; на другомъ холмѣ, въ лѣво, Татарская деревня Чоргуны; позади, сады, виноградники; во кругъ всего, горы — вотъ долина нѣкогда принадлежавшая одному изъ Султановъ Гиреева дома, о которой такъ часто упоминаетъ Палласъ: но тогда она была во владѣніи друга его Габлица, по имени коего и усадьба называлася *Карловкою*. Жаль что это мѣсто перешло уже въ другія руки и утратило даже названіе Карловки, сдѣлавшееся нѣкоторымъ образомъ классическимъ по воспоминаніямъ Палласа. Для меня оно драгоцѣнно и по собственнымъ моимъ: Первый здѣшній Рускій владѣлецъ зналъ меня едва выходящаго изъ отроческаго возраста. Сколько лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ! Какой рядъ воспоминаній представляется воображенію моему и сладостныхъ и горькихъ! Мнѣ здѣсь мечтается видѣть предъ собою К. И. съ его доброю, умною улыбкою; живо и съ

благодарностію въ сердцѣ, представляю себѣ его благосклонное ко мнѣ снисхожденіе; вспоминаю, что онъ первый познакомилъ Европу съ полуостровомъ симъ, въ отношеніи къ физическому онаго состоянію. Можетъ быть на этомъ самомъ столѣ, на которомъ я пишу, онъ производилъ твореніе поставившее его на ряду съ почетными испытателями природы. Мнѣ кажется, я вижу предъ собою первый экземпляръ его книги, фоліантъ въ красномъ сафьянномъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и слышу докучливаго иноземца надоѣдающаго Сочинителю скучными своими вопросами о Тавридѣ, о которой и ему хотѣлось поспѣшить что нибудь и какъ нибудь написать и напечатать. — Еще разъ повторю, жаль мнѣ, что мѣсто сіе не принадлежитъ болѣе тому, который пріобрѣлъ себѣ неоспоримое право на благодарность здѣшняго края. И не я одинъ сожалѣю о томъ: тѣ изъ Татаръ Чоргунскихъ, съ которыми я говорилъ о немъ, въ одинъ голосъ мнѣ сказали: у насъ не бывало и не будетъ такого Помѣщика.

Прелестное мѣсто! Если когда мнѣ вздумается писать романъ въ рыцарскомъ вкусѣ, я здѣсь запрусь съ Аріостомъ и съ 1001 ночью.

Представь себѣ эту долину на коей всѣ предметы исчезають въ вечернемъ сумракѣ, между тѣмъ какъ одни только вершины тополей осребряются восходящею изъ за горы луною. Но вотъ свѣтъ ея уже разливается по холмамъ и отражается бѣлою стѣною башни, на которой затрепетала тѣнь вблизи стоящихъ деревъ. Все тихо, все дремлетъ въ природѣ; одна красавица въ башнѣ заключенная не спитъ. Она восходитъ на верхній ярусъ; стоитъ пригорюнившись подъ круглымъ окномъ, смотритъ вдаль на холмы, не ѣдетъ ли обреченный ей избавитель и .... если кромѣ меня ни кто красавицы не избавитъ, то она еще долго просидитъ въ этой башнѣ.

Мангупъ

Изъ Чоргуновъ сюда я ѣхалъ 5 часовъ; слѣдственно, полагая хотя по шести верстъ на часъ рысью, проѣздъ мой былъ 30 верстъ. Это бы ничего не значило для человѣка привыкшаго къ верьховой ѣздѣ: но что истинно не стерпимо было, такъ это жаръ, ибо дорога все идетъ въ узкихъ ущельяхъ, гдѣ горы отражаютъ лучи солнечные съ такою силою, что ни тѣнь рощей, ни изобиліе текущихъ

водъ не достаточны прохладить зноемъ воспаленный воздухъ. Въ семъ переѣздѣ всего примѣчательнѣе мнѣ показались отвѣсные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скалы, съ отверстіями подъ вершиною, такъ правильно какъ окна въ домахъ расположенными! Проводникъ мой увѣрялъ меня, что эти пещеры служили затворникамъ. Ихъ такое множество, что всѣ Египетскіе отшельники IV вѣка могли бы въ нихъ помѣститься. Какіе же Троглодиты тутъ обитали? — Не знаю; а кажется вѣроятнѣе заключить что эти отверстія произведены совокупнымъ дѣйствіемъ солнца и воды. Проѣхавъ мимо деревни Шули, замѣчательной мѣстоположеніемъ своимъ посреди садовъ, а особливо тѣмъ, что она принадлежала Палласу, я сталъ подыматься на Мангупскую гору, и какъ ни бодръ былъ конь мой, однако же не безъ большаго труда добрался до вершины оной. Видъ отсюда удивительной красоты: Севастополь, сѣверная коса, бухты, маякъ — какъ на чертежѣ; и это въ 30ти по крайней мѣрѣ верстахъ отсюда.

Верхняя площадь горы, на коей стоялъ городъ, простирается отъ Запада на Востокъ и оканчивается острымъ клиномъ выступаю-

щимъ надъ долиною. Мангупъ не приступный со всѣхъ сторонъ кромѣ сѣверной, укрѣпленъ былъ съ оной башнями и толстою стѣною, коей остатки еще сохранилися на верху горы и въ оврагахъ, гдѣ приступъ къ крѣпости могъ быть удобнѣйшимъ. Я подымался на гору съ южной стороны, по тропинкѣ высѣченной въ каммѣ отвѣсной скалы и взъѣхалъ на площадь чрезъ развалины бывшихъ воротъ башнями укрѣпленныхъ. За ними первое представляется на лѣвой рукѣ церковь (такъ же развалины) въ которой положеніе олтаря на востокъ, доказываетъ что она была Греческаго исповѣданія. Направо видны остатки мечети; а далѣе къ остроконечному углу горы, стоитъ на срединѣ передняя стѣна дома, по обѣимъ сторонамъ коей, къ югу до утеса, а къ сѣверу до оврага, примѣтны развалины строеній или можетъ быть стѣнъ, которыми сей восточный уголъ горы отдѣлялся отъ главной западной части города. Далѣе на востокъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ развалинъ, я замѣтилъ паралельный имъ ровъ; но къ чему онъ могъ тутъ служить, этого отгадать не могу, ибо къ укрѣпленію онъ кажется тутъ не былъ нуженъ. На концѣ клина, надъ

самою стремниною, уцѣлѣлъ нижній ярусъ круглой башни, съ пещерами высѣченными подъ нею въ скалѣ, коихъ осматривать я не осмѣлился, по причинѣ обвалившейся надъ пропастью висящей лѣсницы, которую всегда охотнѣе буду воображать себѣ, нежели ходить по ней. — Вотъ все что я могъ замѣтить на любопытной горѣ сей. Палласъ нашелъ ее въ 1794 году почти не обитаемою, presque deserte, т. е. не многіе еще тутъ жили тогда Караиты, въ чемъ свидѣтельствуютъ и развалины Синагоги, на сѣверной сторонѣ площади близъ стѣны находящіяся; теперь одни обитатели развалинъ, ящерицы.

По сношеніямъ нашимъ въ XV вѣкѣ съ Крымомъ, мы знаемъ, что здѣсь жили Мангупскіе Князья, присяжники Оттоманской Порты, а до того вѣроятно данники Татаръ. Стѣна строенія, о которой я выше сего говорилъ, можетъ быть принадлежала дому Исайки, къ которому посолъ Іоанна Васильевича III^го^ отправленный къ Хану, заѣзжалъ для того что бы развѣдать сколько Князь сей опредѣляетъ дать приданаго дочери своей (1.)

(1.) Ист. Г. Рос. Томъ VI стр. 84.

Болѣе этого мы ни какихъ историческихъ свѣденій о Мангупѣ не имѣемъ: когда онъ возникъ? Какой въ древности обиталъ въ немъ народъ? Какъ онъ именовался? — Все это покрыто завѣсою непроницаемою, по крайней мѣрѣ для меня, безполезно искавшаго источниковъ, въ коихъ бы я могъ открыть что нибудь къ удовлетворенію любопытства моего. Г. Карамзинъ говоритъ: „извѣстно что Мангупъ „былъ прежде знаменитою крѣпостью и назы-„вался городомъ Готѳскимъ; ибо тамъ обитали „съ III^го^ вѣка Готѳы Тетракситы" (2.) Съ мнѣніемъ симъ знаменитаго нашего Историка я согласиться не могу: ибо оно въ противорѣчіи съ тѣмъ, что повѣствуетъ одинъ изъ обстоятельнѣйшихъ Византійскихъ бытописцевъ, *о странѣ въ которой обитали Готѳы Тетракситы.* Вотъ какъ говоритъ о семъ Прокопій:" „Готѳы Тетракситы живутъ около мѣстъ, „гдѣ Воспоръ вытекаетъ въ Черное Море. — „Дори называется приморская страна сія, ко-„ей положеніе хотя высокое, но земля ровная „не каменистая и удобнѣйшая производитъ лучшіе, роды, плодовъ. Какъ народъ сей пред-

(2.) Тамъ же.

Глазомѣрный
Планъ Манкупа
Изъясненіе.
A. Площадь на вершинѣ горы гдѣ стоялъ Манкупъ.
A. Скала по отвѣсу.
B. Укрѣпленіе со стороны долины.
C. Оврагъ по которому укрѣпленіе продолжалось.
D. Развалины башни съ пещерами подъ нею, высѣченными въ камнѣ.
E. Ровъ.
F. Развалины дома.
G. Мечеть.
H. Церковь.
I. Синагога.
K. Узкая тропинка въ самой скалѣ высѣченная отъ подошвы оной до вершины.
L. Развалины башни и воротъ.
T. Развалины воротъ.
N. Спускъ въ долину.
O. Источникъ.
P. Ручей
Q. Кустарникъ.
R. Лѣсъ.
S. Кладбище Караитовъ.

„почитаетъ жизнь сельскую и не терпитъ „заключаться въ оградахъ, то Юстиніанъ не „строилъ у нихъ ни городовъ, ни крѣпостей, „ а провелъ только длинныя стѣны по мѣстамъ: „гдѣ можно было опасаться на земли ихъ на„бѣговъ и чрезъ то обезпечилъ ихъ положеніи" (3.). Подробности сіи указываютъ намъ на приморіе заключающееся между мысами Такилъ, гдѣ устье Воспора въ Черное море; и ТашъКачикомъ, которымъ замыкается отъ восто-

(3.) παρὰ δὲ τὸν χῶρον αὐτόν, ὅθεν ἡ τῆς λίμνης ἐκβολη (ες τὴν ἀκτὴγ πόντȣ τοῦ Εὐξείνου) ἄρχεται, Γοτθο, οἱ τετραξῖται καλουμεναι ᾤκηιται, ȣ πολλοὶ ὄντες — de Bello Goth. Lib. IV. p. 573.

— Ἔστι δέ τις ἐνταῦθα χώρα κατὰ τὴν παραλιαν, Δόρυ ὄνομα ἵνα δὴ ἐκ παλαιȣ Γότθοι ᾤκηνται - - - αυτὴ γὰρ ἡ χώρα τὸ Δόρυ τῆς μὲν γῆς ἐν ὑψηλῷ κεῖται· ȣ μέντοι ȣ̓δὲ τραχεῖα, ȣ̓δὲ σκληρὰ ἐστιν, ἀλλ' ἀγαθὴ καὶ εὔφορος καρπῶν τῶν ἀριστῶν. Πόλιν μέν ȣ̓ν ἢ Φρȣ́ριον ȣ̓δαμὴ τῆς χώρας ὁ Βασιλέυς ἐδέιματο ταύτης, καθείργεσθαι περιβόλοις τίσιν ȣ̓κ ανεχομένων τῶν τῇδε ἀνθρώπων· ἀλλ' ἐν πεδιῳ ἀσμενέσστατα ὠκημένων ἀεὶ. Ὅπη ποτὲ γὰρ τῶν ἐκείνη χωρίων βάσιμα εὐπετῶς τοῖς ἐπιȣ̓σιν ἐδόκει εἶναι, ταύτας δὲ τειχίσμασι μακροῖς τὰς εἰσοδȣ́ς περιβαλῶν, τὰς ἐκ τῆς ἐφόδȣ φροντίδας ἀνέστειλε Γότθȣς. — Procop. de Aedif. Lib. III. p. 63.

на Θеодосійскій заливъ. Тутъ кажется мнѣ должна быть приморская страна Дори, въ которой *обитали Готөы Тетракситы* какъ въ III. такъ и въ VI. еще вѣкѣ при Юстиніанѣ. Ежели догадка сія сколько нибудь подходитъ къ истинѣ, то полагать Тетракситовъ въ Мангупѣ, ни мало уже не будетъ согласоваться съ словами Византійца: онъ говоритъ о странѣ приморской, а Мангупъ далеко отъ моря; его описаніе приличествуетъ полямъ хлѣбороднымъ, а Мангупъ стоитъ на голой скалѣ и окруженъ горами.

Оставимъ же Тетракситовъ и не говоря уже о отдаленнѣйшихъ временахъ, разсмотримъ, не принадлежалъ ли Мангупъ Генуэзцамъ. Исторія поселенцевъ сихъ въ Крыму весьма скудная: они занималися торговлею а не дѣеписаніемъ; и по сему дошедшія до насъ чрезъ нихъ свѣденія о Тавридѣ очень недостаточны. При всемъ этомъ мы достовѣрно знаемъ, что сверхъ главнаго ихъ поселенія въ Каффѣ, они занимали еще Судакъ, Балаклаву, однимъ словомъ держалися на южномъ берегѣ; но что бы они владѣли какими нибудь значущими мѣстами внутри полуострова, этому мы не находимъ ни гдѣ ни малѣйшаго слѣда. Изъ сего

можно уже заключить, что Генуэзцы не обитали въ Мангупѣ. Я не говорю что бы когда нибудь случайно сюда не заходили: можетъ быть по взятіи Турками Каффы, не многіе изъ нихъ спасалися въ неприступныхъ Мангупскихъ стѣнахъ; но это не значитъ что бы городъ когда ни будь имъ принадлежалъ; и въ семъ заключеніи я найболѣе еще утверждаюсь тѣмъ, что на оставшихся развалинахъ ни гдѣ не замѣтилъ гербовъ; обстоятельство весьма убѣдительное, ибо Генуэзцы страшные были до нихъ охотники и что только могли, все украшали гербами и стѣны, и башни, и домы и гробы свои; въ чемъ можно удостовѣриться во всѣхъ мѣстахъ Тавриды, гдѣ имъ только удавалося стать твердою ногою.

Что же такое Мангупъ? — Отчаяніе мое. Выѣзжать изъ него скорѣе, ибо ни чего нѣтъ досаднѣе, какъ неудовлетворенное любопытство.

ПИСЬМО XIII.

Бакчисарай.

Я вышелъ изъ Мангупа съ сѣверовосточной стороны и по крутому, лѣсомъ покрытому оврагу, спустился тропинкою столь трудною, что проводникъ мой, пустивъ лошадей по ихъ произволу слѣдовать за нами, пошелъ и меня за собою повелъ пѣшкомъ. Спускъ сей, кромѣ крутизны, затруднителенъ еще и по многимъ рытвинамъ, произведеннымъ источникомъ, вытекающимъ изъ вершины горы и стремящимся по оврагу въ долину. Въ половинѣ горы я проходилъ по лощинѣ усѣянной гробницами, коихъ видъ доказываетъ что тутъ было кладбище Караитовъ и многочисленность оныхъ, что Жиды сіи долго обитали въ Мангупѣ. Ни что не было мнѣ такъ отрадно на семъ утомительномъ пути, какъ *Кизилъ* (деренъ) отъ зрѣлости съ дерева свалившійся и коимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усыпана была земля: я ни когда такого вкуснаго не ѣдалъ.

Спустившися въ долину полумертвый отъ зноя и усталости, я ожилъ напившись прекрасной воды изъ фонтана деревни нижняго

Карайласа и пріѣхалъ въ середній, принадлежащій Кази-Бею Балашукову. Въ прелестномъ мѣстоположеніи, въ лощинѣ между горъ, какъ почти всѣ деревни сего края, мы нашли радушное гостепріимство въ уютномъ, чистенькомъ домикѣ, а въ хозяинѣ онаго, вѣжливость и образованность Европейца, говорящаго по Руски какъ Рускій и ни мало не похожаго на человѣка, который, какъ онъ самъ мнѣ сказывалъ, никогда не переѣзжалъ за Перекопъ. Сею образованностію онъ обязанъ службѣ: ибо нѣсколько лѣтъ съ ряду находился, въ одномъ изъ морскихъ баталіоновъ въ Севастополѣ. Теперь онъ въ отставкѣ и на дняхъ переселяется въ Козловъ, гдѣ брачный вѣнецъ его ожидаетъ. По сему случаю, онъ въ самый этотъ день угощалъ въ саду своемъ обѣдомъ всѣхъ поселянъ Карайласовъ (1.) Я ходилъ съ нимъ смотрѣть на ряды Татаръ сидящихъ передъ чашами наполненными жирною бараниною; и потомъ самъ весьма вкусно отобѣдавъ въ домѣ, простился съ верьховою ѣздою и уже

(1.) Сего имени находятся три деревни, въ недальнемъ одна отъ другой разстояніи: Нижній, середній и верхній Карайласъ.

въ колясκѣ подъ вечеръ пріѣхалъ въ Бакчисарай.

Окончивъ странствованіе мое верхомъ, съ лишкомъ на 200 верстъ продолжавшееся, мнѣ нужно было освѣжиться банею и я ходилъ здѣсь въ Турецкую. Это былъ для меня Багдадскій вечеръ. Содержатель бани провожалъ меня изъ Хан-Сарая т. е. дворца, держа въ рукахъ бумажный фонарь, который, не смотря на свѣтлую мѣсячную ночь, весьма былъ нуженъ, по причинѣ высокихъ стѣнъ и узкой улицы, по коей намъ должно было проходить. Въ передней комнатѣ бани, что въ нашихъ торговыхъ называется *сторожкою*, я нашелъ возвышенный съ приступомъ диванъ, покрытый чистымъ ситцевымъ одѣяломъ. На немъ я раздѣлся! мнѣ подвязали бумажной бѣлой платокъ вмѣсто передники, подали деревянныя туфли и въ такомъ нарядѣ повели подъ руки по весьма скользкому полу, въ довольно пространную четвероугольную комнату, подъ круглымъ куполомъ, на которомъ сдѣланы отверстія для выпусканія лишняго жара. На самой срединѣ этой комнаты, находится низкая лежанка, бѣлыми марморными плитами покрытая, на коей два человѣка могутъ свобо-

дно лежать. Бумажныя полотенцы были постланы на мѣстѣ для меня приготовляемомъ. Уложивъ меня на ономъ, прислужникъ мой пошелъ самъ раздѣваться и не замедливъ возвратился въ такомъ же точно нарядѣ какъ и мой т. е. съ передникомъ, котораго и во время мытья ни кто въ банѣ не снимаетъ. Тутъ началося то, чѣмъ отличаются восточныя бани отъ нашихъ—правленіе членовъ. Оно состоитъ въ щупаніи мыщцъ, въ легкомъ давленіи груди и прочихъ твердыхъ частей тѣла, по коими моющій водитъ рукою и хотя довольно крѣпко нажимаетъ, но такъ искусно, что ни малѣйшей отъ того боли нечувствуешь. Онъ правилъ мнѣ пальцы, хрустевшіе въ составахъ; правилъ и руки вытягивая ихъ крестъ на крестъ на грудь и за спину, и по окончаніи сего перваго испытанія, повелъ меня въ тѣсный, подъ низкимъ круглымъ сводомъ, чуланъ и посадилъ на каменную скамью съ подножкою, подлѣ марморнаго басеина, въ который безпрерывно течетъ теплая, почти горячая вода. Здѣсь настоящая мыльня; тамъ была *потовая*, то что у Римлянъ называлося Sudationes. Надѣвъ на руку шерстяную рукавицу и часто обмакивая оную въ басеинъ,

Мовникъ (2) мой началъ меня терешь съ головы до ногъ, безпрестанно поливая водою: и потомъ вспѣнивъ въ тазѣ мыльной воды, чистою, мягкою мочалкою намылилъ мнѣ все тѣло. Послѣднее дѣйствіе было то же, что и въ Руских банях—окачиванье; съ тою только разницею, что Азіятцы обливаются почти горячею водою, а я упросилъ что бы это было холодною. Послѣ чего подвязали меня сухимъ передникомъ, надѣли мнѣ на голову платокъ чалмою и накинувъ большое полотенцо на плеча, повели отдыхать на диванъ. Мнѣ не нужно тебѣ сказывать что Турецкія, какъ и вообще всѣхъ восточныхъ народовъ, бани нагрѣваются съ низу, отъ чего полы въ нихъ такъ разкаляются, что и ходить по нимъ иначе нельзя какъ въ деревянныхъ туфляхъ. Отъ топки сей жаръ конечно ровнѣе, нежели въ нашихъ баняхъ, но за то онъ сухъ, черствъ и, по крайней мѣрѣ для меня, не столько пріятенъ какъ отъ водяныхъ паровъ происходящій.

2.) Можно ли употребить это слово?— Оно мнѣ очень нравится; да у насъ же и нѣтъ другаго соотвѣтствующаго французскому Baigneur.

Употребленіе горячихъ бань, Thermae, не исключая и нашихъ, перешло въ Европу изъ Азіи. Въ Омировскія времена и долго послѣ него, *баня*, λέθρα значило купаться въ рѣкѣ или въ морѣ. или мыться въ ваннѣ (ἀσάμινθος.) Съ искуствами роскоши перешли, конечно изъ Іоніи, въ Грецію и горячія бани, съ коими наконецъ случилось то, что во времена разврата нравовъ, бываетъ съ лучшими вещами: употребленіе обратилось въ злоупотребленіе, въ коемъ Аѳинскіе комики укоряютъ юношество, особливо Аристофанъ, приписывающій таковымъ банямъ разслабленіе современниковъ своихъ (3). Заключить ли изъ сего что горячія бани подлинно нездоровы и что они разслабляютъ тѣло? — Для разрѣшенія сего вопроса, я ссылаюсь на нашихъ поселянъ и воиновъ, коимъ въ разсужденіи физическаго состоянія, я не думаю что бы можно было другаго пожелать.

Не могъ я выѣхать изъ Бакчисарая, что бы еще разъ не обойти Дворца и не погулять по городу, коего главная и лучшая часть со-

---

(3.) Въ комедіи *Облака*. См. преніе *Правосуда съ Кривосудомъ*, въ моемъ переводѣ сей Комедіи.

стоитъ изъ узкой улицы, длинною въ три версты отъ воротъ до Ханъ-Сарая. На ней зрѣлище промышленности и Татарской, такъ сказать, неподвижной дѣятельности. Всѣ домы, лавки; въ коихъ при открытыхъ дверяхъ и окнахъ, ремесленники и купцы, съ поджатыми подъ себя ногами, сидятъ на столахъ и на скамьяхъ, неоглядываясь ни на право ни на лѣво и почти не шевелясь, занимаются каждый своимъ дѣломъ. Главный ихъ промыслъ состоитъ въ сафьянныхъ издѣліяхъ и ножахъ изъ весьма прочной и хорошей стали. Осматривая все что есть любопытнаго въ городѣ, нельзя было не зайти къ Татарскимъ Ресторато рамъ: у нихъ всегда находятся готовые, на маленькія желѣзныя вертельца наткнутые кусочки жирной баранины, которые они, по требованію охотниковъ, при нихъ же поджариваютъ на уголькахъ въ жаровняхъ. Не въ досаду бы сказать ихъ собратіи Парижской, я нашелъ это Омировское блюдо ни чѣмъ не хуже славимыхъ въ Французской Гастрономіи Rognons à la brochette.

ПИСЬМО XVII.

Судакъ.

Кто хочетъ объѣхать весь Крымъ такимъ образомъ, чтобы съ каждымъ шагомъ впередъ возрастали любопытство и удовольствіе, тотъ долженъ въѣхать на полуостровъ по Арбатской косѣ и начать путешествіе свое съ Восточной стороны: Еникале, Керчь. весь берегъ Воспора. Отъ туда ѣхать въ Симферополь, гдѣ сѣвъ верхомъ на Татарскую, отнюдь не иную, лошадь, пуститься по долинамъ, внутри находящихся горъ, по сю сторону Яйлы, до Ѳеодосіи. Отъ нее начать путешествіе южнаго берега до Балаклавы. Тамъ осмотрѣть Севастопольскій полуостровъ. Потомъ въ Бакчисарай, изъ коего проѣхать какъ можно скорѣе въ Козловъ; а отъ толь уже не оглядываясь за Перекопъ. Не слѣдовавъ сему путевому порядку, я почувствовалъ ошибку мою на переѣздъ изъ Симферополя сюда, на коемъ хотя и много живописныхъ мѣстъ, но мнѣ картины уже казалися блѣдными, потому что я видѣлъ ихъ послѣ южнаго берега.

По дорогѣ моей сюда я проѣхалъ чрезъ Карасу-Базаръ, городокъ такъ названный по Чер-

ной рѣчкѣ (Кара-Су), на которой онъ стоитъ. Примѣчательнаго въ немъ ничего нѣтъ. Жители въ немъ смѣсь Татаръ, Армянъ, Жидовъ и не многихъ промышленниковъ Рускихъ. Съ вида онъ показался мнѣ очень скучнымъ; а мѣловыя горы, не милосердно отражающія лучи солнца на дно котла, на коемъ стоитъ Кара-су-Базаръ, причиною что воздухъ въ немъ несносно душный. Что же это должно быть въ Августѣ мѣсяцѣ! — Сверхъ сего, если путешествуя по Крыму должно имѣть предосторожность запасаться по большимъ городамъ хорошимъ хлѣбомъ, то по крайней мѣрѣ повсюду хорошая вода; а здѣсь и того нѣтъ; Горацій сказалъ бы:

Venit vilissima rerum

Hic aqua—

пакостная, точно *преподлая* вода, которую въ ротъ нельзя взять. Ежели еще къ этому прибавить, что въ вѣтренную погоду, какова здѣсь часто бываетъ, мѣлкая, мѣловая пыль набивается въ глаза и горло, то я не понимаю какъ и живутъ здѣсь люди: однако же они живутъ и промышляютъ разными издѣліями, сафьяномъ, мыломъ, свѣчами. Корысть заманиваетъ сюда и Рускихъ, изъ ко-

ихъ нѣкоторые держатъ большіе постоялые дворы для обозовъ идущихъ изъ Керчи, Кафы и Судака. Путешественнику въ нихъ нѣтъ ни какой выгоды; по крайней мѣрѣ я ни чего не нашелъ, ни даже добродушнаго гостепріимства, которымъ отличается наше отечество. Зашедшій изъ Россіи сюда промышленникъ, не сдѣлавшись Татариномъ, перестаетъ быть Рускимъ.

Мѣсяцъ освѣщалъ путь мой по горамъ и дебрямъ, гдѣ не доѣзжая Судака, я видѣлъ явленіе, здѣсь осенью обыкновенное, но для меня еще новое. Я вздремалъ; просыпаюсь и чувствую, что коляска моя не подвижна. Спрашиваю для чего остановились: — нельзя ѣхать; густой туманъ не позволяетъ видѣть шага впередъ; и хотя дорога хороша, но какъ по обѣимъ сторонамъ пропасти и овраги, то безъ опасности тронуться съ мѣста не возможно. Это продолжается съ минуту; туманъ рѣдѣетъ, исчезаетъ; коляска идетъ впередъ; и снова облако спускается и заграждаетъ путь. Часа два уже за полночь я видѣлъ еще эти туманы, какъ облака лежащіе между холмовъ; передъ домомъ гдѣ я остановился и принялъ ихъ за предвозвѣстниковъ

худой погоды, чего въ Октябрѣ и надобно было ожидать: но здѣсь, по щастію моему, примѣты сіи не оправдались; проснувшись на другой день я увидѣлъ то же небо, которое свѣтило надо мною на южномъ берегѣ; то же море, коего видъ для меня всегда восхитителенъ, и новое для меня зрѣлище, скалу, на которой нѣкогда стояла Генуэзская крѣпость Солдайя.

Я началъ въ Судакѣ осмотръ мой съ мѣста, гдѣ было второе по Каффѣ поселеніе въ Тавридѣ Купцовъ Республиканцевъ. Городъ Солдайя лежалъ на Восточномъ боку горъ, окружающихъ узкую Судацкую долину, которую надобно перейти идучи отъ дома смотрителя здѣшнихъ казенныхъ садовъ, въ которомъ я присталъ. Ключь прекрасной воды, текущій въ марморный басеинъ, показываетъ мѣсто, гдѣ былъ нѣкогда въѣздъ въ городъ, а теперь на пустырь, по коему разсѣяны кое гдѣ хижины Нѣмецкихъ поселенцевъ. На семъ пространномъ раскатѣ, на коемъ Палласъ видѣлъ множество зданій пріятной Готической Архитектуры, при немъ уже употребляемыхъ на построеніе казармъ, я ничего не нашелъ кромѣ церкви; и въ ту не могъ попасть, потому что ключарь оной случился

въ отсутствіи. Оставалося мнѣ посмотрѣть на башню и стѣны крѣпости. Двѣ трети горы, хотя трудно, но можно проѣхать верхомъ; далѣе нѣтъ возможности и я принужденъ былъ кое какъ вскарабкаться по высѣченной въ камнѣ вдоль стѣны лѣсницѣ до угольной башни на самомъ верху горы стоящей. У основанія оной представляется величественное и вмѣстѣ ужасное зрѣлище. Генуэзцы какъ будто искали производить въ потомствѣ удивленіе къ дерзости каменьщиковъ своихъ: иначе я не постигаю для чего бы на мѣстѣ неприступномъ построить башню такъ, что наружная оной стѣна стоитъ по отвѣсу съ стремниною скалы. Таковы Балаклавская и Солдайская башни: отъ сей послѣдней видъ на море удивительный: южный берегъ открывается верстъ на сто пространства и на концѣ синѣетъ мысъ Аю, или какъ я всегда буду называть его, Кріуметопонъ. Это величественно; а что ужасно, такъ это край скалы висящій надъ пропастью. Если взглянуть внизъ, то въ страшной глубинѣ видно только море подъ ногами; нѣтъ предметовъ, на которыхъ бы взоръ могъ отдохнуть; и какъ глазъ измѣряетъ одну толь-

ко бездну, то горе тому у кого легко кружится голова! . . . Кромѣ сей четвероугольной башни, осталися еще развалины десятка другихъ круглыхъ и четвероугольныхъ со стѣнами между ими, служившими для защиты крѣпости отъ моря, съ той стороны скалы, съ коей полагали возможность приступа. На сихъ стѣнахъ и башняхъ находилося множество гербовъ и надписей, о которыхъ ты можешь подробно узнать въ сочиненіи Одерика (1.); я замѣтилъ только двѣ надписи и о тѣхъ, по незнанію моему Готическихъ буквъ ничего тебѣ не скажу. Остается мнѣ только замѣтить глиняныя трубы, лежащія въ стѣнѣ, подъ которою я шелъ на гору. Палласъ полагаетъ, что онѣ служили для проводу воды изъ дождевыхъ колодцевъ въ крѣпости находившихся. Но для чего бы спускать воду дожжевую въ низъ, гдѣ изобиліе ключей и слѣдственно хорошей воды. Я скорѣе думаю, что эти трубы принадлежали какой нибудь идравлической махинѣ, служившей для подъема воды въ крѣпость.

(1.) Lettere Ligustiche e Memorie Storiche di Caffa dell' Abate Gasp. Luigi Oderico; Genovese.

Не оставлю сихъ безгласныхъ памятниковъ непостоянства судебъ человѣческихъ, не сказавъ тебѣ слова и о живомъ памятникѣ таковыхъ же превратностей, который я здѣсь видѣлъ. Одинъ изъ Нѣмецкихъ колонистовъ ходилъ со мною на гору, безъ приглашенія моего; и я признаюсь, что мнѣ было стыдно жаловаться на трудность шествія, когда я смотрѣлъ на старика лѣтъ подъ шестьдесятъ такъ бодро по крутизнѣ ступающаго, какъ будто бы онъ гулялъ по ровному мѣсту и это добровольно, не будучи, подобно мнѣ, влекомъ любопытствомъ. Удивленіе мое удвоилося, когда я узналъ, что ему не подъ 60, а подъ 80 лѣтъ и когда разговорившися съ нимъ, я примѣтилъ изъ словъ его образованность необыкновенную людямъ его состоянія. Но и тутъ еще не конецъ былъ удивленію моему; мнѣ надобно было узнать въ немъ.... кого бы ты думалъ? — Кого нибудь нещастнаго писателя, на первомъ шагѣ поприща своего убитаго приверженцами Готшеда или Бодмера? — Нѣтъ. — Раззореннаго купца? — Нѣтъ. — Изгнанника изъ отечества въ ужасныя для Германіи времена, когда она стенала подъ игомъ Наполеона? — Нѣтъ, нѣтъ мой другъ; и ты

скорѣе перечтешь всѣ состоянія въ обществѣ, нежели нападешь на мысль о — Пруском Поручикѣ, службы Фридриха II.го Ты конечно этого бы не отгадалъ, да и я, видя его передъ собою, не могъ вѣрить, чтобы онъ когда нибудь принадлежалъ къ военному ремеслу, да еще и къ Прускому. Перековавъ мечь свой на серпъ, онъ вмѣстѣ съ званіемъ земледѣльца принялъ на себя и видъ столь приличный сему состоянію, что и въ голову ни кому не прійдетъ подумать, что онъ когда нибудь игралъ свою ролю на смотрахъ въ Потсдамѣ.

Спустившися въ долину, я поѣхалъ морскимъ берегомъ, населеннымъ Помѣщиками: званіе, которое дается здѣсь всякому кто имѣетъ хотя самый малый виноградный садъ. Узнавъ, что въ числѣ помѣщиковъ сихъ находится знакомый мнѣ П. В. К., я заѣхалъ къ нему; и если онъ обрадовался увидѣвъ меня въ уединеніи своемъ, то я за то всегда *радуюсь имъ*, какъ твореніемъ созданнымъ для того, что бы примирять человѣка съ родомъ человѣческимъ, когда духъ его невольно тревожится зрѣлищемъ господствующаго нравственнаго зла. Почтенный старецъ сей, коего скромныя добродѣтели равняются только съ про-

стотою благородныхъ его вкусовъ, провелъ полезный вѣкъ свой въ благодѣяніяхъ къ семейству своему, къ ближнимъ, ко всѣмъ кому только онъ могъ помогать и не подозрѣвая никогда, *что онъ благотворитъ*. Сюда, какъ я слышалъ отъ него, онъ пріѣхалъ на зиму, для того, что она здѣсь коротка; что можно круглый годъ купаться въ морѣ и . . . . для того, чего онъ не договорилъ, но я догадался: что бы перемѣнить мѣсто, гдѣ онъ не давно лишился подруги своей, съ которою 40 лѣтъ провелъ неразлучно.

Судацкое вино, какъ ты конечно самъ слыхалъ о немъ, почитается лучшимъ во всемъ Крыму. Не знаю, подлинно ли здѣшняя почва удобнѣе нежели въ другихъ мѣстахъ къ произведенію винограда; но смѣло могу сказать, что обѣтованная земля сія въ рукахъ людей весьма худо знающихъ виноградное садовство а еще того менѣе дѣланіе вина. Вся цѣль ихъ, кажется, состоитъ въ томъ только, что бы какъ можно болѣе надавить соку, не заботясь о томъ, выйдетъ ли изъ него хорошее или дурное вино. Для этого они непомѣрно поливаютъ сады свои, отъ чего ягода конечно становится крупнѣе и сочнѣе, но за то теряетъ

силу свою и даетъ вино слабое и не прочное. Старожилы здѣшніе сказывали мнѣ что за 30 лѣтъ назадъ, вся Судацкая долина покрыта была плодовитыми деревьями: — чуть ли и вино не лучше ли было тогда. Теперь она гола какъ степь; кое гдѣ видны насаженные тополи; а причиною сего истребленія сами Помѣщики, возмечтавшіе что древесная тѣнь препятствуетъ созрѣнію винограда. Густая тѣнь, безъ сомнѣнія не прилична; но легкая, ни гдѣ я думаю такъ не нужна какъ здѣсь, гдѣ осени обыкновенно бываютъ сухія и жаркія. Впрочемъ замѣчаніе сіе относится не къ одному Судаку; вообще по всему Крыму, особливо въ южной онаго части, виноградъ такой, какого я лучше ни гдѣ не ѣдалъ; а вина, не только хорошаго но и посредственнаго ни гдѣ нѣтъ. Положимъ что качество здѣшняго винограда не способно давать холодныя вина, каковы около Бордо, въ сѣверной Бургундіи, въ Шампаніи; но для чего бы не производить изъ него, если бы только хотѣли и умѣли, подобныя Малаги, Хересу; или по крайней мѣрѣ горячимъ винамъ Каталоніи и Мускатамъ Лангедока? — Этого нѣтъ; потому что на сію часть сельскаго домоводства жалко и посмо-

трѣть: природа всѣмъ щедро наградила, а люди, или не пользуются дарами ея, или портятъ то, за что принимаются.

Эски-Крымъ.

— то есть *Старый Крымъ*, городъ на проселочной дорогѣ изъ Судака въ Ѳеодосію, который правильнѣе бы назвать деревнею и не богатою, не смотря на то, что онъ лежитъ въ теплой, пріятной и всѣмъ изобилующей долинѣ. Это можетъ статься бывшая до Бакчисарая Столица Татарскихъ Хановъ, *Солкати*, о коей Генуэзцы упоминаютъ въ лѣтописяхъ своихъ: и сего уже довольно для Эски-Крыма, чтобы дать ему нѣкоторое право на уваженіе. Но все это еще ничего въ сравненіи съ притязаніемъ города сего старшинства, которое если бы оно могло быть исторически доказано, поставило бы его на ряду съ древнѣйшими городами въ южной Европѣ. Въ немъ отыскиваютъ, ни мало ни много, *Киммеріонъ*, Столицу Киммеріянъ, народа который покоривъ туземцевъ Тавровъ, первый какъ завоеватель, обладалъ Тавридою. Трудно конечно доказать истину сего положенія, но такъ же трудно и оспоривать оное. Мы по Иродотѣ

знаемъ, что Киммеріяне на полуостровѣ семъ оставили многіе памятники въ именахъ урочищъ, стѣнъ, пролива и проч. (2); Страбонъ говоритъ о горѣ Киммеріонъ (3); а Птолемей, называя городъ Киммеріонъ, именно щитаетъ его въ числѣ средиземныхъ т. е. не приморскихъ (4). Сего уже достаточно къ заключенію, что городъ сего имени подлинно существовалъ въ Тавридѣ. Когда же онъ существовалъ; то нѣтъ мѣста. въ коемъ бы приличнѣе было отыскивать его, какъ въ томъ самомъ, которое переходя отъ народа къ народу и у Татаръ сохранило эпитетъ свой, *стараго*, *древняго*; къ чему въ добавокъ и словопроизводство, въ другихъ случаяхъ весьма обманчивое средство для историческихъ изслѣдованій, можетъ послужить подтвержденіемъ догадки. Что *Крымъ* есть испорченное *Кимръ* или *Кимвръ*, это обще принятое мнѣніе тѣмъ бо-

---

(2.) *Καὶ νῦν ἔςι μὲν ἐν τῇ Σκυθικῇ Κιμμέρια τείχεα, ἔςι δὲ Πορθμήϊα Κιμμέρια· ἔςι δὲ καὶ χώρη οὔνομα Κιμμερίη· ἔςι δὲ Βόσπορος, Κιμμέριος Καλεόμενος.* Herod. Lib. IV. Cap. 12.

(3.) Strab. Lib. VII. C. 4 § 3.

(4). Ptolem. Lib, III. Cap. 6.

лѣе кажущееся основательнымъ, что слово сіе не имѣетъ корня ни въ какомъ другомъ нарицательномъ имени народа; но къ этому я прибавлю еще свое заключеніе, что не Крымъ, а *Кимръ* испорченное слово, что не варвары, исказили названіе Кимвровъ, а Греки преобразили Крымцевъ, или что нибудь похожее на это, въ Киммеріянъ, потому что не постижимый для выговора всѣхъ прочихъ кромѣ насъ, праотцовскій нашъ *Яры*, ни какъ не могъ вмѣщаться въ Эллинскія уста. Къ щастію моему — а то бы ты подумалъ, что догадки мои произвольныя — я могу представить тебѣ и Греческое имя города въ Тавридѣ, столько близкое къ Крыму, сколько позволяетъ разность языковъ, именно *Кримни*, Иродотомъ упомянутый и можетъ быть ошибкою имъ поставленный у Азовскаго Моря (5).

(5.) *κατήκεσι δὲ ἔτι (Σκύθαι οἱ ἄριστοι τε καὶ πλεῖστοι), τὸ μὲν πρὸς μεσαμβρίην* (На южномъ берегѣ Тавриды) *ἐς τὴν Ταυρικήν· τὸ δὲ πρὸς ἠῶ, ἐπί τε τάφρον, — κα ἐπὶ τῆς λίμνης τῆς Μαιήτίδος τὸ ἐμπόριον, τὸ καλέεται* ΚΡΗΜΝΟΙ. — Herod Lib. IV. C. 20. Здѣсь замѣтить должно *ἐπὶ τάφρον*, ибо ровъ сей, о коемъ будетъ упомянуто въ XXI. письмѣ, подлинно находился въ недальнемъ разстояніи отъ Эски-Крыма.

Нашедъ древнюю Киммеріянъ столицу, шагъ отъ нее впередъ и мы у подошвы горы Киммеріонъ, по Татарски Агермышъ. Видъ ее отъ прочихъ отдѣленнымъ представляющійся, высота, огромность; все это конечно давало ей право на особое у древнихъ названіе: если же къ этому прибавить, что въ окружности обитающіе Татары называютъ ее Эски-Дагъ, т. е. старою горою, то кажется по тожеству эпитетовъ горы и города, не для чего уже и искать въ другомъ мѣстѣ горы Киммеріона.

ПИСЬМО XIX.

Θеодосія.

Я пріѣхалъ сюда очень рано; но уставши отъ ночной ѣзды, рѣшился цѣлой день просидѣть дома: и такъ дабы воспользоваться досужнымъ временемъ, побесѣдуемъ о древней Θеодосіи и о Генуэзской Каффѣ.

Изъ древнѣйшихъ Географовъ, первый (за 500 лѣтъ до нашего счисленія) упоминаетъ о Θеодосіи, Скилаксъ (1); послѣдній, около Р. Х., Страбонъ (2). Послѣ сего, спустя лѣтъ около полуторасma, Арріянъ говоритъ уже о мѣстѣ пустомъ; ἔρημον, на которомъ стоялъ городъ: слѣдственно Θеодосія престала существовать въ I вѣкѣ Христіянства и едва ли была еще при Плиніѣ, т. е. до 80 г. отъ Р. Х., не смотря на то, что онъ ставитъ ее въ числѣ городовъ Тавриды (3); ибо Арріянъ именно говоритъ, что *память только о ней сохранилась во многихъ писаніяхъ* (4), чего, кажется, нельзя было бы сказать, если бы Θе-

(1.) Scylacis Caryandensis Periplus in Cap. ulto Europae.
(2.) Strab. Lib. VII. C. IV. § 4.
(3.) Plin. Lib. IV. Cap. 26.
4.) — Καὶ αὐτὴ (Θεοδόσια) πάλαι ἦν Ἑλληνὶς πόλις,

досія исчезла лѣтъ за 30 только или много за 40 предъ тѣмъ. Къ сему прибавивъ, что она была поселеніе Милитянъ, основавшихъ ее въ поливинѣ VI вѣка до Р. Х.; что въ ней была корабельная пристань, удобная вмѣщать въ себѣ до 100 судовъ (5); и наконецъ что тутъ производился знатной торгъ, особливо хлѣбомъ, о чемъ упоминаетъ Димостенъ; то мы скажемъ все, что можно историческаго сказать на щетъ древней Ѳеодосіи, которую, какъ послѣ увидимъ, не должно искать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ новая.

Объявивъ мнѣніе мое о Ѳеодосіи, относительно къ однимъ только достовѣрнымъ Историческимъ о ней свѣденіямъ, я долженъ теперь впередъ отвѣчать на критику, которою, можетъ быть станутъ возражать противъ заключенія моего. Опираясь (такъ, полагаю, будутъ говорить мнѣ) единственно на Арріяна, ты заключаешь о несуществованіи уже Ѳеодосіи въ I вѣкѣ Христіянства; и это вопреки Птолемею, Полиэну и Амміяну Марцел-

---

μιλησίων· καὶ μνήμη ἐςὶν αὐτῆς ἐν πολλοῖς γράμμασιν· Arriani Peripl.

(5) Strab. loco cit.

лину, изъ коихъ двумя послѣдними свидѣтельствуется Рауль Рошетъ въ существованіи города сего еще и въ IV вѣкѣ.

Давно уже занимаясь древнею географіею нашихъ береговъ Чернаго Моря и особливо Тавриды, ты можешь представить себѣ, съ какою жадностію я кинулся на сочиненіе, въ которомъ ожидалъ найти свѣденія ясныя и подробныя о предметахъ занятія моего: по нещастію я ошибся и относительно къ Тавридѣ не нашелъ въ немъ того критическаго изслѣдованія, котораго обѣщаетъ заглавіе книги, заслужившей лестное одобреніе Парижскаго Института. Рауль-Рошетъ упомянувъ о сказанномъ Арріяномъ о Ѳеодосіи, прибавляетъ къ тому слѣдующее: *Однако же Амміянъ Марцеллинъ ставитъ ее еще въ числѣ знатныхъ городовъ Тавриды; такимъ же образомъ говоритъ о ней и Полиэнъ* (6). Этому *однако же*

(6.) Arrien assure également, que Théodosia avait été autre fois ville Jonienne et colonie des Milésiens et qu'elle était déserte de son tems: Cependant Ammien Marcellin la mêt encore au rang des villes importantes de la Taurique et Polyen en parle de même.

Raoul-Rochette, Histoire de l'établissement des Colonies grecques T. III. p. 391.

не было бы мѣста въ *критическомъ* повѣствованіи, если бы Г. Р. Р. вспомнилъ что Поліэнъ—прибавимъ къ нему и Птолемея—были оба современниками Арріяна; и что между тѣмъ какъ Космографъ опредѣлялъ астрономически положеніе Ѳеодосіи, т. е. мѣста, гдѣ стоялъ городъ; а Македонецъ упоминалъ о ней въ книгѣ своей *о хитростяхъ воинскихъ*, говоря о предмѣтѣ прошедшемъ а не настоящемъ (7.): Арріянъ, Сенаторъ Римскій, Консулъ и Намѣстникъ въ Каппадокіи, обозрѣвая берега Чернаго Моря по повелѣнію Адріана, описалъ, въ дошедшемъ до насъ донесеніи его къ Императору, то что своими глазами видѣлъ. — Кому изъ нихъ повѣрить? — Въ этомъ кажется здравая критика не можетъ долго колебаться.

Касательно же до Амміяна Марцеллина, то свидѣтельство его и устоять не можетъ противъ критическаго изслѣдованія, какъ времени въ которое онъ писалъ, такъ и обстоятельствъ оному предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ. Въ отступленіи предмету его (8.) постороннемъ, онъ упоминаетъ о Ѳеодосіи: но когда же?—

(7.) Polyaeni Strategm. Lib. V. Cap. 23.

(8.) Amm. Marcell. L. XXII. cap. 8.

въ IV столѣтіи. Въ промежуткѣ отъ I^го вѣка до его времени, нѣтъ ни какого историческаго слуха о Θеодосіи; а съ V столѣтія начинается непрерывная цѣпь Византійскихъ Лѣтописцевъ, которые даже и объ имени Θеодосіи ни разу не упомянули. Слѣдственно, дабы согласить общее сіе молчаніе съ мнѣніемъ, что Θеодосія существовала еще и въ IV вѣкѣ, остается одно: полагать что всѣ ошибались на щетъ ее, кромѣ Амміяна; и въ семъ заключеніи обличалася бы критика не весьма ясная.

И такъ пріймемъ за основаніе, что къ вышесказанному ни чего историческаго прибавить нельзя, кромѣ того что Θеодосія не долго наслаждалась независимостію, подпавъ, подобно Фанагоріи и Пантикапею, подъ власть Царей Воспорскихъ: и что если Исторія изрѣдка и отзывается о ней, то это всегда уже въ отношеніи къ Воспору, а не такъ какъ о независимомъ Гражданствѣ.

Самое имя города сего не одинаково пишется у древнихъ: большая часть употребляетъ общепринятое названіе *Θеодосія*; но Димостенъ, Полиэнъ и нѣкоторые другіе пишутъ Θеvдосія; а *Безъименный* Сочинитель Перипла говоритъ, что въ его время она на-

зывалася *Ардавда*, слово будто бы значущее на Аланскомъ діалектѣ, или на Таврическомъ (онъ самъ не знаетъ на которомъ) *Семь-Боговъ.* (9) Если бы это было справедливо, то должно бы полагать, что какое нибудь племя Тавро-Скиѳовъ поселилося на развалинахъ Ѳеодосіи: но къ сему заключенію другаго повода нѣтъ, кромѣ весьма слабаго свидѣтельства Безъименнаго, ибо изключая его одного, ни кто изъ древнихъ Географовъ и Историковъ не упоминаетъ о Ардавдѣ; къ сему же и то, что мы въ послѣдствіи увидимъ, послужитъ къ утвержденію въ мнѣніи, что на пустыряхъ Ѳеодосіи ни когда не возникалъ новый городъ.

Оставляя прахъ древней Ѳеодосіи, не могу не изъявить удивленія моего о столь скоропостижномъ ея уничтоженіи, что въ теченіи менѣе 100 лѣтъ и слѣды ея изгладились и не осталося бы и памяти о ней, если бы она не сохранилася въ описаніяхъ, какъ говоритъ о томъ Арріанъ. Конечно и Ольвія такъ

(9.) *νῦν δέ λέγεται ἡ Θεοδοσία τῇ Ἀλανικῇ ἤτοι τῇ ταυρικῇ διαλέκτῳ* ΑΡΔΑΥΔΑ, *τουτέστιν Ἑπταθέος.*

Anonym. Peripl.

же скоропостижно исчезла: но Ольвія долго предъ концемъ своимъ томилась въ неравной борьбѣ съ окружавшими ее воинственными варварами; не могла устоять и когда въ последній разъ пала отъ ударовъ ихъ, то не удивительно, что въ одно мгновеніе и городъ истребился и жители онаго, проданные въ рабство, разсѣялися по разнымъ странамъ. Но положеніе Ѳеодосіи было совсѣмъ иное въ Тавридѣ; ибо не варвары господствовали тогда на полуостровѣ, но Воспоряне и Херсонцы. Полагать ли, что въ войнѣ, возникшей между сими враждебными племенами, Херсонцы овладѣвъ Ѳеодосіею, раззорили ее до основанія; и что въ послѣдствіи времени взаимная соперниковъ зависть не дозволила городу сему возникнуть вновь изъ праха своего?... Эта догадка, мнѣ кажется, изъ всѣхъ вѣроятнѣйшею; по крайней мѣрѣ одна которую принять можно съ нѣкоторою основательностію. — Однако же пора оставить догадки и приступить къ Исторіи, къ временамъ Генуэзскаго владѣнія въ Тавридѣ.

Когда въ началѣ XI вѣка, народы Западной Европы, ринувшись на Востокъ, основали тамъ не прочное Царство Годофрида, Бо-

эмонда и Балдовина, Генуэзцы подвизаясь съ прочими на ряду за вѣру, не забывали и собственныхъ своихъ выгодъ, распространеніемъ торговли своей на моряхъ до тѣхъ поръ имъ не извѣстныхъ: по берегамъ Сиріи, Киликіи, Іоніи; въ Архипелагѣ, Пропонтисѣ и въ моряхъ Черномъ и Азовскомъ, до устья рѣки Дона. Иногда силою оружія, чаще того хитрыми уловками, успѣли они основать торговыя поселенія въ странахъ отдаленныхъ отъ отечества своего и между прочими въ Тавридѣ, гдѣ главнѣйшимъ была Каффа, нами изъ любви къ классическимъ воспоминаніямъ о Греціи, въ Ѳеодосію переименованная, хотя впрочемъ она ничего общаго съ тою не имѣетъ, кромѣ неизвѣстности равно покрывающей, какъ развалины Милитянскаго поселенія, такъ и начало Генуэзскаго.

Я прежде еще сказалъ что купцы, выходцы изъ Лигуріи, мало радѣли о Исторіи своей. Изключительно занимаясь торговлею, они не предали потомству ни какихъ достовѣрныхъ извѣстій о начальномъ основаніи главнаго ихъ поселенія въ Тавридѣ. Современные сему происшествію Лѣтописцы ни слова о немъ не упоминаютъ; а въ позднѣйшихъ мы нахо-

димъ одни только ихъ сѣтованія о нерадѣніи своихъ предшественниковъ. Нѣкоторыя соображенія, хотя не равняющіяся съ историческою точностію, могутъ однако же послужить намъ къ опредѣленію краткаго періода, въ которомъ должно полагать основаніе Каффы.

Для сего послужатъ намъ два лѣтописца, современники XIV вѣка, одинъ природный Генуэзецъ Стелла, другій Никифоръ Григорасъ, единственный изъ Византійскихъ Историковъ, который упоминаетъ о началѣ Каффы. Первый пишетъ: "Когда именно Каффа подпала „подъ власть Генуэзцевъ, о семъ до сей поры „я ни чего не могъ узнать: однако же по ра„сказамъ старожиловъ заключить можно, что „Генуэзское тамъ владѣніе *весьма не древнее*, „minime vetustum, и не такъ давно тому, что „Бальдо Даврія, поселившись въ Каффѣ, до не„го не обитаемой, началъ тамъ строиться". (10) — Стелла пишетъ это въ своей лѣтопи-

---

(10.) Quando autem venerit Cafa sub regimine Januensium, hactenus sentire non valui; sed ab iisdem collegi senibus, Januensium dominatum in illa minime vetustum; quodque, ut dicitur, non diu est ex quo Baldus de Auria Cafae non habitatae domicilia primitus fieri fecit, et primus ibidem habitavit. Georg. Stell Annal. ann. 1357.

си на 1337 г. То же самое подтверждаетъ и Григорасъ: "Не много лѣтъ тому назадъ, (говоритъ онъ) основали Генуэзцы Каффу, съ „дозволенія Скиѳскаго владѣльца и по договору „съ нимъ". (11.)

Сіе явное соглашеніе двухъ разныхъ источниковъ, ни чего общаго между собою не имѣющихъ, должно, кажется мнѣ, служить поводомъ къ основательнѣйшему заключенію, что Каффа воспріяла начало свое при Татарахъ, а не при Хазарахъ, какъ нѣкоторые полагаютъ; (12.) и не прежде какъ въ концѣ XIII вѣка. Слѣдующія разсужденія послужатъ вящшимъ сему доказательствомъ.

Я полагаю, что *Хазарія*, названіе долго сохранившееся Крымскому Полуострову и по завоеваніи онымъ Татарами, есть настоящая при-

---

(11.) *οὐ πολλοῖς τισιν ἔτεσι πρότερον καὶ ἡ ῥηθεῖσα πόλις* (*Κάφα*) *ᾠκίσθη τοῖς ἐκ Γεννέας λατίνοις, προσεληλυθόσι πρότερον τῷ τῶν Σκυθῶν ἡγεμόνι, καὶ τὸ ἐνδόσιμον εἰληφόσιν ἐκεῖθεν.* Niceph. Gregoras Hist. Byzant. Lib. XIII. C. 12.

(12.) Въ числѣ коихъ: Formaleoni, Storia filosofica et politica della navigazione, del Commercio e delle colonie degli Antiche nel mar nero; Сочиненіе въ которомъ болѣе воображенія нежели критики.

чина заблужденія, въ которое впали повѣствовавшіе о началѣ основанія Каффы. *Генуэзцы поселились въ Хазаріи: слѣдственно Хазары обладали тогда землею сею*: такъ они разсуждали и ошибались. Если бы они прибѣгли къ источникамъ мною помянутымъ, къ Стеллѣ и Григорасу, то они бы увидѣли что выраженія сихъ лѣтописцевъ, *владѣніе весьма не древнее — не много лѣтъ тому назадъ* — не можно далѣе относить назадъ, какъ за 60 или много 70 лѣтъ, т. е. за два человѣческія поколѣнія, что совершенно соглашается и съ самымъ изустнымъ преданіемъ, о которомъ Стелла говоритъ. Теперь полагая, что расказы старожиловъ происходили въ половинѣ XIV вѣка (позже этого нельзя полагать) то изъ сего выходитъ, что за 70 лѣтъ назадъ, основаніе Каффы произошло около 1280 г, т. е. лѣтъ 40 спустя по водвореніи Татаръ въ Тавридѣ: ибо внукъ Чингисъ-Хановъ, ужасный для насъ Батый, не могъ овладѣть оною прежде 1240 г; отдѣльнымъ же Царствомъ, Крымъ сдѣлался только въ 1266 г, когда Чипчакскій владѣтель Менгу, уступилъ его племяннику своему Орану. Слѣдственно Генуэзцы основали Каффу послѣ сего года, т. е. въ концѣ XIII вѣка;

однако же до 1289, ибо въ этомъ годѣ Каффійцы уже посылали отъ себя корабли на вспоможеніе въ Триполисъ, какъ о томъ упоминаютъ лѣтописцы. Изъ всего этого выведемъ слѣдующія три заключенія: 1^е^ что Генуэзцы поселилися въ Тавридѣ, или какъ тогда называли ее, въ Хазарію, подвластной уже Большой или Золотой Ордѣ; 2^е^ что Каффа воспріяла бытіе свое послѣ 1266 г, по восшествіи на престолъ Менгу-Хана, уступившаго Крымъ племяннику своему; и наконецъ 3,^е^ что она уже существовала, по вышесказаннымъ причинамъ, до 1289 г.

Теперь встрѣчается обстоятельство, которое, съ перваго взгляда, можетъ показаться затруднительнымъ. Какъ вообразить себѣ, скажутъ нѣкоторые, что бы въ промежуткѣ отъ 1266 г. по 1289^й^ въ теченіи какихъ нибудь 15 лѣтъ, могущество Каффы возрасло до такой степени, что бы она могла вооружить случившіяся у нее три Генуэзкія галеры и послать ихъ къ отдаленнымъ финикійскимъ берегамъ, на вспоможеніе Триполису противъ Египетскаго Султана?— Я тутъ ничего удивительнаго не вижу. Генуэзцы поселившіеся въ Каффѣ, не были ни изгнанниками изъ

отечества своего, ни Робинсонами на пустомъ островѣ, а вооруженными купцами, основавшими Каффу для выгоды торговли и слѣдственно переѣхавшими сюда съ капиталами своими, съ кораблями, для произведенія торговъ и съ оружіемъ, для защищенія себя отъ варваровъ. Ежели бы мнѣ кто сказалъ, что Каффа, въ теченіе какихъ нибудь 15 лѣтъ сдѣлалася огромнымъ и властвующимъ въ Тавридѣ городомъ, я бы ему не повѣрилъ: но что она посылала на берега Финикіи вооруженныя суда, на вспоможеніе городу, съ которымъ Генуэзская республика находилася въ торговой связи, я тутъ не только ни чего не нахожу не возможнаго и чрезъ десять лѣтъ по основаніи ее и даже въ самый годъ переѣзда Генуэзцевъ сюда, но еще и удивлялся бы если бы они этого не сдѣлали.

И такъ по всѣмъ соображеніямъ симъ, мы смѣло можемъ полагать, что основаніе Каффы послѣдовало въ осьмомъ десяткѣ XIII столѣтія. Что же касается до имени основателя, то не для чего и искать его, ибо я думаю и не было настоящаго вождя Колоніи, а общество купцевъ, изъ Генуи сюда переселившихся, было вмѣстѣ и основателемъ и Колоніею; заклю-

ченіе, коему придаетъ вѣса и самая неизвѣстность начала Каффы. Если бы Дорія (какъ нѣкоторые толкуютъ названіе въ Стеллѣ) или Орто, коему честь сію приписываетъ Джюстиніани (13.), или бы кто ни будь изъ подобныхъ симъ знатнаго рода Генуэзецъ, основалъ городъ сей, то въ случаѣ молчанія лѣтописцевъ, родословныя книги не преминули бы упомянуть о произшествіи, коего послѣдствія были столько важны для Республики.

Успѣхи Каффы были постепенны и медленны. Ходъ ихъ представленъ намъ тѣмъ же Григорасомъ, выше мною упомянутымъ, коего свидѣтельство имѣетъ большое достоинство, во первыхъ какъ современника, во вторыхъ какъ жителя Царяграда, имѣвшаго вліяніе на государственныя дѣла по довѣренности къ нему Андроника старшаго. Онъ объясняется такимъ образомъ: „Не давно тому „что Генуэзцы основали городъ Каффу, (онъ „пишетъ около половины XIV вѣка) по условію и съ дозволенія Скиѳскаго владѣльца (т. „е. Крымскаго Хана) но городъ сей не былъ съ „начала ни такъ великъ, ни такъ хорошо у-

(13.) Giustiniani Annali di Genova Lib. IV, fol 136.

„крѣпленъ стѣнами, какъ теперь. Генуэзцы до„вольствовались сперва не большимъ простран„ствомъ земли, на которомъ жили безъ вся„кой другой ограды, какъ только рва и на„сыпнаго вала. Послѣ сего, мало по малу и тай„но стали они привозить къ себѣ сухимъ пу„темъ и моремъ, камни и другія потребности „для строенія и распространили селеніе свое „въ ширину и вдоль берега; подняли домы „ свои выше; и наконецъ заняли мѣста болѣе „нежели имъ отведено было. Не довольствуясь „и симъ, но желая увеличить числомъ и про„странствомъ дворы свои, они, подъ предло„гомъ необходимости умножить кладовыя „для товаровъ, разпространили городъ свой за „валъ и ровъ; и съ такою прочностію — основа„ли стѣны, что по сему уже можно было ожи„дать чего нибудь необыкновеннаго. И по„длинно отъ слабаго начала, но постепеннымъ „ходомъ постоянныхъ усилій, Каффа наконецъ „такъ укрѣпилася, что жители оной могли уже „почитать себя обезпеченными отъ нападенія „враговъ; и обстоятельство сіе столько вну„шило имъ самонадѣянія, что преставъ оказы„вать къ заходящимъ къ нимъ Скиѳамъ преж„нее уваженіе, они напротивъ того начали

„поступать съ ними съ надмѣнностію, Генуэзцамъ свойственною (14.)."

Въ картинѣ сей заключается вся тайна политическаго бытія Каффы: темное начало ея успѣха и причина бѣдствій, коимъ первою жертвою была она сама, а по томъ и весь сѣверный берегъ Чернаго Моря, который безъ ошибокъ Таврическихъ Генуэзцевъ, можетъ быть не такъ скоро бы сдѣлался добычею алчнаго къ завоеваніямъ Магомета. Мы одни на это пожаловаться не можемъ: ибо то, что послужило къ распространенію Оттоманской власти въ здѣшнемъ краю, въ то же время было и причиною ослабленія большой Орды.

Что Генуэзцы заняли для города мѣсто пустое, не обитаемое, въ этомъ нѣтъ ни какого сомнѣнія: они избрали оное по причинѣ обширнаго залива, представляющаго кораблямъ надежную пристань и назвали городъ сей по имени урочища Каффы, еще въ IV вѣкѣ извѣстнаго какъ граница между Херсонскимъ владѣніемъ и Воспорскимъ Царствомъ. Константинъ Багрянородный повѣствуетъ, что Воспорляне были дважды побѣждены Херсонцами,

(14.) Niceph. Gregoras. loco cit.

въ урочищѣ называемомъ Каффа (15.); и что послѣ первой битвы они заключили между собою договоръ такой, что ни тѣмъ, ни другимъ не преступать за помянутое урочище съ оружіемъ въ рукахъ. Самое выраженіе Константиново, *мѣсто*, *урочище*, *τόπος*, доказываетъ, что на немъ не было ни города, ни селенія. Нѣкоторымъ хотѣлось находить тутъ Хавосъ, по одному только сходству звуковъ: но объ этомъ и думать нельзя, по тѣмъ самымъ причинамъ, коими я опровергъ мнѣніе полагающее Палакіонъ въ Балаклавѣ.

Намъ бы очень хотѣлось, что бы Каффа была на томъ самомъ мѣстѣ, на коемъ нѣкогда существовала древняя Ѳеодосія; однакоже этого полагать не возможно. Не говорю уже о Стадіазмѣ (въ немъ безъ сомнѣнія вообще много ошибокъ), по которому Ѳеодосію искать бы должно отъ Каффы далѣе на западъ; довольно сказать, что ни Константинъ Багрянородный и ни кто изъ Византійскихъ прочихъ писателей, не намякнули даже догадкою, что Каффа могла быть построена на мѣстѣ древ-

---

(15.) *ἐν τοῖς τȣ λεγομένȣ* КАФА *τόποις.*

Const. Porph. de Admin Jmp. C. 45.

ней Өеодосіи: чего конечно они бы неупустили, если бы къ тому находился хотя малѣйшій поводъ. Ко всему этому замѣтить должно и выраженіе Стеллы, который именно говоритъ что *Даврія поселился на мѣстѣ до него не обитаемомъ.* Слѣдственно Каффа не тамъ гдѣ была Өеодосія; однако же и не подалеку отъ того мѣста, которое можетъ быть, Офтуза, урочище отъ сюда верстъ 20 моремъ. Я не былъ тамъ, но слышалъ что и до сихъ поръ существуютъ признаки бывшаго селенія. Остатки ли это древней Өеодосіи, я этого утверждать не хочу; но полагаю, что если тамъ до XIII вѣка оставалися въ землѣ камни, служившіе основаніями зданіямъ, то послѣднее опустошеніе произошло отъ Генуэзцевъ, точно такъ какъ мы изъ стѣнъ и башенъ Херсона строили хутори и казармы Севастопольскія.

Когда въ XIV вѣкѣ Генуа познала всю важность дѣла промышленниками ея предпринятаго, она обратила на оное неусыпное вниманіе свое и ни чѣмъ такъ не доказала ревность, всѣмъ Митрополіямъ свойственную, какъ постановленіями ея для управленія новымъ поселеніемъ своимъ. Главное начальство въ Каффѣ прина-

длежало Консулу; и сей чиновникъ, ежегодно смѣняемый, непремѣнно былъ природный Генуэзецъ. Однако же и тутъ опасаясь еще, что бы отъ помѣхъ въ мореплаваніи, или по другимъ какимъ не предвидимымъ случаямъ, власть верховная не продолжалася болѣе года въ однихъ рукахъ, Республика посылала въ Каффу по два и по три Кандидата вдругъ. Видно по всему что ревность сія не укрощалася съ теченіемъ времени, а напротивъ того годъ отъ года возрастала, по мѣрѣ успѣховъ Колоніи: на примѣръ и въ 1413 году изданъ былъ въ Генуѣ законъ, коимъ опредѣлено было на случай смерти консула въ отсутствіе преемника его, избрать достойнѣйшаго изъ заѣзжихъ Генуэзцевъ въ городѣ находящихся и то *до прибытія назначеннаго Консула*.

Кромѣ сего главнаго чиновника, коего преимущество кажется простиралося и на другіе Генуэзскіе города въ Тавридѣ своими Консулами управляемые, судебная и исполнительная власть находилися раздѣленными между Кастелланами, Капитанами, Массарами, Маэстралами и Писарями, (Cancellieri) подобно Консуламъ изъ Генуи присылаемыми. О дол-

жности первыхъ я ничего не могу сказать утвердительнаго, ибо ничего не нашелъ о нихъ въ лѣтописяхъ: но судя потому что они щиталися первыми по Консулѣ и что въ спискахъ ихъ стоятъ имена знатнѣйшихъ родовъ Генуэзскихъ, какъ то *Грималъди*, *Фрегозо*, *Адорно* и симъ подобные, должно заключать, что судебная власть находилася въ ихъ рукахъ и что, можетъ быть, въ ихъ числѣ и Кандидаты были на Консульство. *Капитаны*, какъ самое названіе въ томъ свидѣтельствуетъ, начальствовали надъ войсками внутри и внѣ города. Въ числѣ сихъ послѣднихъ было такъ называемое Оргусіи, (Orgusii) составленное изъ чужеземныхъ наемниковъ, конечно на подобіе тѣхъ, съ коими Кондотьеры воевали въ Италіи. *Массарамъ* (отъ слова *Масса* или капиталъ) поручалося управленіе казенными дѣлами вообще, какъ то, подати, пошлины, таможенные сборы и проч. *Маэстралъ* былъ родъ полицейскаго чиновника, наблюдающаго за торговыми вѣсами, мѣрами; и коему поручалося установленіе цѣнъ съѣстныхъ припасовъ. Сверхъ сего можно причислить къ чиновникамъ Колоніи и *Синдиковъ* или *Синдикаторовъ*; т. е. ревизоровъ Правительства, ко-

ихъ было два рода: первые избиралися въ Генуѣ и имъ принадлежалъ разборъ дѣлъ Консула и прочихъ Чиновниковъ: это были Цензоры верховнаго начальства; вторые назначалися въ самой Каффѣ; и долгъ ихъ состоялъ въ наблюденіи точнаго и скораго исполненія внутреннихъ постановленій Колоніи. Наконецъ остается еще сказать о двухъ палатахъ изъ коихъ одна, Uffizio di Cazaria, имѣла пребываніе свое въ Генуѣ и къ ней относилися всѣ дѣла касающіяся до поселеній Республики вообще, хотя она и называлася только *Хазарскою*, по преимуществу Каффы надъ всѣми прочими. Вторая Uffizio di Campagna, т. е. Палата сельскихъ или внѣшнихъ дѣлъ, завѣдывала тяжбы, не только Генуэзцевъ съ Татарами, но и сихъ послѣднихъ между собою: плодъ довѣренности Каффою пріобрѣтенной, безпристрастнымъ и безкорыстнымъ правосудіемъ. По нещастію, это было только въ I половинѣ ея существованія, и мы увидимъ въ послѣдствіи что она совершенно измѣнилася въ правилахъ своихъ.

Всего бы занимательнѣе было знать обстоятельно, въ чемъ состояли различныя отрасли Генуэзской торговли въ Каффѣ: но и

въ сей части тѣ же темнота и неизвѣстность, коими покрыто происхожденіе города. Мы знаемъ, что въ вѣкъ Филиппа Македонскаго, и съ лишкомъ 300 лѣтъ потомъ, Страбонъ, описывая плодородіе земли между Ѳеодосіею и Пантикапеемъ, говоритъ, что она производитъ въ 30 кратъ противъ посѣва, при самомъ посредственномъ воздѣлываніи оной. Плодородіе ея конечно не истощилося, ибо оно есть свойство почвы; но Татары никогда не были хлѣбопашцами, ни теперь, ни того менѣе еще 500 лѣтъ тому назадъ: слѣдственно жито не могло быть предметомъ торговой промышленности Каффскихъ купцевъ. Искусные мѣняльщики, промышленность ихъ, полагать надобно, состояла въ обмѣнѣ произведеній природы и издѣлій искуства Европы, на таковыя же произведенія и издѣлія Азіи. Получая съ Запада металлы, вина, сукна, стекло, они брали въ замѣну сего, у Крымцевъ соль, у Руских драгоцѣнные мѣхи, у Меотійцевъ соленую рыбу; но паче всего обогащалися безцѣнными произведеніями Индіи, коей торговый путь обращенъ былъ тогда на Астрахань. Выгоды сего послѣдняго очевидны: онѣ объясняютъ и ревность Митрополіи къ

Колоніи своей и цвѣтущее состояніе, въ которое Каффа пришла въ самое короткое время. Желательно бы узнать по крайней мѣрѣ, какими правилами политической Экономіи руководствовалися тогда Генуэзцы; но это такъ же не возможно, не только мнѣ, но и самимъ неутомимымъ изыскателямъ историческихъ свѣденій о Каффѣ. Одерико, по моему заключенію достовѣрнѣйшій изъ таковыхъ, признается въ невозможности ничего вѣрнаго и подробнаго сказать на щетъ Каффской торговли; ибо говоритъ онъ, какъ наши т. е. Генуэзскіе, такъ и чужеземные историки молчатъ о ней. Я полагаю, что они молчатъ, по тому что и сами ничего не знали. Изключительная торговля была и будетъ всегда предметомъ ревности купечества: Финикійское судно, преслѣдуемое чужеземнымъ, умышленно набѣжало на камень и разбилось для того, что бы не указать пути къ Касситеридамъ; а теперь какъ магнитная стрѣлка открыла всѣ моря, то корабли не разбиваются а разбиваютъ чужіе: въ чемъ свидѣтельствуютъ новѣйшіе Касситериды, которые уже и не щитаютъ нужнымъ скрывать намѣренія своего *изключительно* обладать трезубцемъ.

Взглянемъ теперь на Исторію Каффы. Мы уже видѣли, что начало ея должно полагать около 1270 г. Первое извѣстіе о ней есть похвальное, вспоможеніе ея Триполису, выше сего мною упомянутое; второе, печальное; раззореніе ея Венеціянами. Сіи вѣчные соперники и враги Генуэзцевъ, въ 1296 г, приплывъ на 25 галерахъ къ Каффѣ, овладѣли ею и истребили едва возникающій городъ. Не долго однако же они торжествовали побѣду свою; стихіи вооружились противъ нихъ на отмщеніе Генуэзцамъ. Необыкновенно суровая зима и послѣдствія оной, недостатокъ въ способахъ пропитанія, погубили третью часть завоевателей и принудили остальныхъ, оставивъ добычу свою, отплыть во свояси съ 16 вмѣсто 25 галеръ.

Не смотря на ударъ постигшій Каффу, она еще въ 1318 г, т. е. 22 по раззореніи Венеціянами, взошла на такую степень знаменитости, что Папа Іоаннъ XXII учредилъ въ ней престолъ Епархіи простирающейся *отъ Булгаріи до Волги и отъ Чернаго Моря до земли Руской* (16.). XIV вѣкъ ознаменованъ былъ испо-

---

(16.) A villa varia in Bulgaria usque ad Saray inclusive in longitudinem; et a mari pontico, usque ad terram Ruthe.

линскими шагами *Колоніи* къ достиженію власти на всемъ Таврическомъ берегѣ, отъ западнаго края онаго до устья Азовскаго моря; и въ теченіи сего времени Генуэзцы овладѣли Балаклавою, Судакомъ и Керчью (17).

Воспорское Царство давно уже не существовало. Съ упадкомъ Византійской Имперіи Херсонъ пришелъ въ крайнее изнеможеніе. Подобно покровителю своему Царьграду, онъ едва могъ защищаться въ стѣнахъ своихъ, между тѣмъ какъ западные мореходцы истребляли его купеческія суда и похищали выгодную торговлю, солью, рыбою, мѣхами и воскомъ. Греки, Тавроскиѳы, Готѳы, Савроматы, Хазары, всѣ эти народы исчезли или поддались; и Таврида покорилась двумъ властямъ: силѣ Татаръ и могуществу Генуэзцевъ.

---

norum iu latitudinem. — Bulla Joh XXII. apud Wading T. VI. p. 548.

(17) Di Cerchio picciol luogo et di niuna fama, se crediamo a Bronovio, le nostre storie non ci danno che il nome. — Lettere Ligustiche p. 137. — Cerchio есть испорченное *Керчь*; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: на что присовокупляетъ къ тому Одерико, di niuna fama, это удивляетъ меня въ ученомъ Авторѣ *Лигурскихъ писемъ.*

Въ половинѣ XIV вѣка Каффа взошла на высшую степень благоденствія: Современники называли ее вторымъ Константинополемъ. Тысячи домовъ украшали ея обширную пристань. Высокія стѣны, башни, твердыни на мѣстахъ возвышенныхъ, защищали ее отъ набѣговъ, между тѣмъ какъ множество вооруженныхъ судовъ въ заливѣ, ручались за безопасность ея со стороны моря. Генуэзцы имѣли право гордиться такими преимуществами и чувствовать все превосходство свое надъ народомъ лишеннымъ образованія, просвѣщенія искусствъ. По нещастію они чувство сіе во зло употребили: Татары сдѣлались предметомъ презрѣнія въ глазахъ Каффскихъ жителей; а отъ презрѣнія къ обидамъ одинъ шагъ. Генуэзскій купецъ поссорился съ Татариномъ; отъ словъ дѣло дошло до рукъ, Татаринъ ударилъ соперника, а Генуэзецъ повергъ Татарина мертвымъ у ногъ своихъ. Этотъ случай произошелъ въ 1342 году. Владѣтельный въ Крыму Ханъ не могъ перенести равнодушно такого нарушенія правъ народныхъ: онъ рѣшился изгнать Генуэзцевъ изъ полуострова, и мечтая что повелѣніе его не можетъ встрѣтить сопротивленія, велѣлъ объявить имъ, что бы

они немедленно оставили подвластную ему землю.

Право Татаръ на мѣсто, условно Генуэзцами уступленное, было конечно не оспоримо: но что право силою не поддержанное? Вооруженные купцы посмѣялись надъ требованіемъ Хана и отвѣчали ему: что гнѣва его не уважаютъ и волю его презираютъ. Оставалося рѣшить споръ оружіемъ. Ханъ поклялся истребить ослушныхъ пришельцевъ и съ многочисленнымъ войскомъ подступилъ къ городу. Всѣ покушенія его взять оный приступомъ оставалися тщетными. За высокими, твердыми стѣнами своими, Генуэзцы ругались надъ безплодною яростію Татаръ и Ханъ признавъ наконецъ невозможность овладѣть Каффою оружіемъ, облегъ ее со всѣхъ сторонъ на землѣ. Но мало и въ томъ было ему пользы: владѣя моремъ, Каффа ни въ чемъ не знала недостатка; на противъ того Татары, лишенные сообщенія съ народами внѣ полуострова, вскорѣ начали претерпѣвать голодъ въ станѣ своемъ и раззоренія по всѣмъ берегамъ Тавриды, гдѣ Генуэзцы могли только удобно дѣлать высадки войскъ своихъ. Однимъ словомъ, положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ перемѣнилося: изъ

осаждающихъ, Татары превратилися въ осажденныхъ; и Генуэзцы, пользуясь такимъ положенiемъ, сдѣлали удачную вылазку, положили 5000 непрiятелей на мѣстѣ; и хотя много потеряли своихъ, но принудили Хана снять осаду и отступить.

Генуэзская Республика вошла наконецъ въ посредничество между воюющими. Обѣ стороны имѣли нужду въ мирѣ: онъ былъ заключенъ въ 1346 г; но миръ не прочный и нѣсколько разъ нарушенный въ теченiи послѣднихъ 130 лѣтъ. Каффа потеряла уже довѣренность, которою она пользовалась въ первый вѣкъ бытiя своего; а Татары, обманутые въ надеждахъ на мщенiе, съ тѣхъ поръ всегда питали въ душахъ своихъ тайную злобу противъ вѣроломныхъ пришельцевъ.

Остается послѣднiй вѣкъ существованiя Каффы. Торговля ее все еще процвѣтала, но спокойствiе уже на всегда миновалось. Турки начинали усиливаться и уже становились опасными Генуэзцамъ на морѣ. Удары нанесенные Митрополiи Венецiянами, имѣли бѣдственное влiянiе и на дѣла колонiи. Сверьхъ сего часто кровь лилась и въ домашнихъ браняхъ съ Татарами. Въ это самое время, какой то Алексiй,

Князекъ Греческій, владѣлецъ Тодора (близъ Балаклавы: воспользовался смутами и овладѣлъ Чембаломъ; вошелъ въ него измѣною нѣкоторыхъ жителей; но вскорѣ былъ изгнанъ сильнымъ морскимъ ополченіемъ нарочно для сего присланнымъ изъ Генуи.

Насталъ наконецъ часъ ужасный для Европы, для Христіянства, для всего образованнаго міра; часъ, который вѣками замедлилъ успѣхи ума, улучшенія общества человѣческаго и теперь еще медлитъ ихъ, покрывая мракомъ изувѣрія и рабства цѣлыя страны, нѣкогда жилище просвѣщенія, свободы, искуствъ, всего того для чего можно желать безсмертія. Царьградъ палъ. Развилося знамя Магометово надъ Храмомъ Св. Софіи; и съ той поры жребій Каффы былъ уже рѣшенъ: она прожила еще лѣтъ 30; но жизнь ее была единое бореніе со смертію, которую она же еще и сама ускорила.

Кромѣ помянутыхъ мною чиновниковъ, Каффа имѣла еще *Префекта* Татарина, представителя земляковъ своихъ, для разбиранія дѣлъ ихъ тяжебныхъ и полицейскихъ. Онъ избирался непремѣнно изъ Татаръ; назначался Ханомъ, но въ должности своей утверждаемъ

былъ Генуэзцами; и порядокъ сей, издревле общимъ согласіемъ постановленный, всегда соблюдался обѣими сторонами не нарушимо. Въ 1474 г, при Консулѣ Антоніи Кабелла и Совѣтникахъ (вѣроятно Кастеланахъ) Франческѣ Фіеско и Убертѣ Скварчьяфико, по смерти Префекта Мамака, избранъ былъ на мѣсто его Эминекъ; назначенъ Ханомъ и оставалося только Генуэзцамъ признать его и ввести въ новую должность. По нещастію взятки тутъ помѣшали обыкновенному ходу вещей: Мамакова вдова подкупила чиновниковъ, особливо Скварчьяфика, тремя стами цекинами; и въ угожденіе ей, Каффское Правительство назначило Префектомъ сына ея Сейтака. Явное сіе нарушеніе коренныхъ постановленій, не могло быть стерпимо Менгли-Гиреемъ, тогда въ Крымѣ владѣвшимъ Ханомъ; ему должно было настоятельно требовать что бы выборъ его былъ утвержденъ. Онъ дѣйствительно и стоялъ долго въ томъ; но Генуэзцы все упрямились и Менгли наконецъ, желая сколько возможно согласить уступчивость съ благопристойностію, предложилъ, отвергнувъ Эминека и Сейтака, избрать въ Префекты кого нибудь другаго, но съ тѣмъ однако же,

что бы выборъ былъ его и что бы Каффское Правительство безпрекословно утвердило оный. Генуэзцы согласилися; выборъ палъ на Кара-Мурзу, коего самъ Ханъ лично представилъ въ Каффѣ. Здѣсь открывается поступокъ Сановниковъ Колоніи, доказывающій что они заслужили всю лютость жребія, вскорѣ ихъ постигшаго. Презрѣвъ права естественныя и народовъ, ослѣпленный сребролюбіемъ, Совѣтъ правленія отвергъ Кара-Мурзу, не взирая на данное Хану слово и въ глазахъ его снова утвердилъ Сейтака. Недовольствуясь симъ подлымъ поступкомъ, Скарчьяфико присовокупилъ еще къ оному и личную обиду противъ легковѣрнаго Гирея. „Мы требуемъ, „сказалъ онъ ему, что бы Сейтакъ былъ Пре„фектомъ, а ты теперь въ нашихъ рукахъ. „И такъ оставя безполезныя прѣнія, рѣшись „на одно изъ двухъ: или согласись на выборъ „нашъ, или я сей же часъ посылаю повелѣніе „въ Салдайю, освободить изъ заключенія со„держимыхъ тамъ Султановъ, коихъ право на „владѣніе Крымомъ основательнѣе твоего." Неосторожному Хану оставалося покориться необходимости: и Сейтакъ провозглашенъ былъ Префектомъ.

Оскорбленный, посрамленный Менгли-Гирей возвратился въ столицу свою *Крымъ* (*Солкати*, какъ называютъ его Генуэзскіе Лѣтописцы; теперь Эски-Крымъ (18.) помышляя о способахъ отплатить со временемъ Генуэзцамъ; но Эминекъ обманутый со всѣхъ сторонъ и равно раздраженный противъ Каффы и противъ Хана, не могъ отлагать далѣе мщенія своего и бросился искать въ Константинополѣ защитника и мстителя; онъ нашелъ послѣдняго въ Магометѣ II.

Государь сей, успѣшно окончившій походъ свой противъ Персовъ, помышлялъ тогда обратить всѣ силы Оттоманскія на Италію, на Албанію; и между тѣмъ готовился покорить себѣ острова Кандію и Родосъ. Разсудивъ однако же что безполезно было предпріятіе таковыхъ завоеваній, не имѣя морскаго ополченія превосходнаго числомъ противъ тѣхъ, съ коими думалъ весть войну, онъ началъ съ того, что вооружитъ 482 галеры, и

(18.) Я полагаю что Эски Крымъ былъ Столицею Крымскихъ Хановъ до завоеванія Турками Каффы; и что послѣ того времени, Менгли-Гирей основалъ новую Столицу свою въ Бакчисараѣ.

флотъ сей стоялъ уже готовымъ плыть къ Кандіи, когда Эминекъ, мщеніемъ пылающій, предсталъ предъ нимъ съ предложеніемъ завоеванія Тавриды. Сколь ни желалъ Магометъ привести къ окончанію первое намѣреніе свое, но представляемая ему на Сѣверѣ новая, легчайшая добыча, не позволила колебаться въ выборѣ, тѣмъ паче, что и здравая политика внушала ему предпочтительно избрать послѣднее. Овладѣть полуостровомъ Крымскимъ; заключить весь Понтъ въ предѣлахъ Имперіи своей; покорить Татаръ; грабить богатыя Генуэзскія поселенія; особливо же истребить морскую силу ихъ, всегда ему опасную: этого уже достаточно было бы къ возбужденію алчности въ такомъ завоевателѣ, каковъ былъ Магометъ; но сверхъ сего самая безопасность Имперіи, особливо новой Столицы его представляла ему необходимость прежде всего обезпечить себя со стороны Сѣвера; ибо онъ легко могъ догадываться, что естественные враги его Россіяне, Поляки и Венгры, всегда найдутъ въ Генуэзцахъ сподвижниковъ готовыхъ соединиться противъ него съ враждебными ему Христіянскими племенами. Вмѣсто походана Кандію, Капуданъ-Паша Ахметъ

поплылъ съ вѣреннымъ ему флотомъ къ берегамъ Тавриды.

Уже за два мѣсяца до того Эминекъ стоялъ подъ стѣнами Каффы, съ войскомъ состоящимъ изъ предавшихся на его сторону Татаръ и старался, если не овладѣть, то по по крайней мѣрѣ, какъ можно болѣе вредить городу. Безполезны были всѣ усилія его; Генуэзцы презирали ихъ и едва почитали войною слабыя его покушенія, какъ внезапно увидѣли они заливъ свой покрытый Турецкимъ флотомъ. 1го Іюня 1475 г, Ахметъ приплылъ къ Каффѣ; выгрузилъ безъ всякаго сопротивленія артилерію свою и въ четырехъ мѣстахъ устроилъ батареи. На пятыя сутки старыя стѣны были разбиты; Турки начинали уже стрѣлять по новымъ и дѣлать подкопы: тогда Каффскіе жители потерявъ надежду защищаться противъ столь превосходной силы, рѣшились сдаться и послали ключи города къ Пашѣ. Онъ долго колебался принять ихъ, предпочитая конечно войти въ Каффу съ оружіемъ въ рукахъ, дабы не имѣть нужды щадить ни людей, ни вещей; но Генуэзцы неотступно умоляли его принять ихъ безусловную сдачу и Ахметъ наконецъ согласился. Сперва чино-

вники его были посланы въ городъ, что бы занять Консульскій дворецъ, отобрать у жителей оружіе, описать ихъ имѣнія и дѣтей, коихъ числомъ 1500, было послано въ Константинополь для образованія ихъ въ будущіе янычары. На другой день самъ Паша вступилъ въ Каффу; наложилъ тяжкія подати на жителей; половину имѣнія ихъ описалъ въ казну; за товары иноземцевъ взялъ выкупу 25000 цекиновъ; и собравъ безъ изключенія всѣхъ поселенцевъ, съ остаткомъ имуществъ ихъ отправилъ на судахъ въ Царьградъ, гдѣ, въ предмѣстіи онаго Перѣ, отведенъ былъ имъ пустырь для построенія себѣ жилищъ (19.).

Такимъ образомъ по двухъ сотъ лѣтнемъ существованіи, пала Каффа и вмѣстѣ съ нею всѣ Генуэзскія владѣнія въ Крыму. Густый мракъ невѣжества покрылъ на три ста лѣтъ

(19.) Всѣ подробности сіи о сдачѣ Каффы извлечены мною изъ Giustiniani, Annali di Genova. Лѣтописецъ сей жилъ въ началѣ XVI вѣка и слышалъ отъ очевидцевъ о послѣдней Катастрофѣ Кафской. Описывая избраніе Сейтака: E cosi mi ha narrato (говоритъ онъ) Christoforo da Mortara, huomo che passa 80 anni, che si trovò presente a questa elezione. Lib. XV. fol. 227.

прекрасную Тавриду, весь сѣверный берегъ Понта; и гордые владыки Европы, въ теченіе трехъ вѣковъ покупали уничиженіями предъ варварами, позволеніе плавать по Черному Морю (20.) Наконецъ побѣдоносное оружіе Россійское блеснуло на берегахъ онаго и занялась новая заря просвѣщенія надъ всѣмъ Юговосточнымъ краемъ Европы. Несмѣтны выгоды, которыхъ можетъ ожидать родъ человѣческій отъ сего завоеванія! Отъ него начинается славный Періодъ въ Исторіи: исчезаетъ туманъ невѣжества и снова озарится свѣтомъ земля Музамъ любезная. Тогда язва на вѣкъ сокроется въ безводныхъ пустыняхъ Африки; тогда — еще ужаснѣйшее язвы зло — рабство, въ оковахъ котораго тысячи Евро-

(2.) Les actes (des Puissances Européennes avec la Porte) ne portent dans l'eriginal, que le titre de Diplome Jmperial, titre que l'on a rendu en français par Capitulation; et ne sont autre chose, que des lettres de privilège, que la Sublime Porte daigne accorder aux Souverains infidèles, qui l'en supplient et que dans son protocole elle qualifie de Sujets Soumis.

Paris. Considérations sur la crise actuelle de l'Empire Ottoman,

пейцевъ влачатъ страдальческую жизнь въ Тунисѣ, Алжирѣ, Марокѣ и пр. убѣжитъ въ вертепы Азіи; и тогда только, Европа, ты будешь имѣть право поднять чело свое, превознося̀сь надъ прочими частями свѣта. Пускай другіе народы гордятся успѣхами въ наукахъ и художествахъ; ты, Россія, съ 12 года сего столѣтія вступила на великое поприще: тебѣ дано побѣждать и побѣжденнымъ даровать миръ и благоденствіе.

ПИСЬМО XX.

Ѳеодосія.

Изъ городовъ доставшихся намъ въ Крыму, послѣ Татаръ, всѣхъ болѣе похожа на городъ Ѳеодосія. За пятьнадцать лѣтъ тому назадъ, она могла представлять путешественнику печальный видъ опустошенія: я этого не нашелъ въ ней. Напротивъ того, опрятныя, прямыя улицы; обширная, чистая площадь; набережная устроенная для прогулки; все это похоже на городъ, и въ немъ не достаетъ одного только, движенія. Это самое даетъ ей видъ скучный; тѣмъ болѣе, что природа не украсила ее мѣстоположеніемъ. Ѳеодосія лежитъ на низкомъ морскомъ берегу, окруженная голыми горами.

Прежде всего я хотѣлъ осмотрѣть окружность оставшихся Генуэзскихъ стѣнъ и открыть, если возможно, тѣ мѣста, на коихъ устроены были батареи Ахметъ-Паши: но покушенія мои осталися безполезными; память о Генуэзцахъ здѣсь со всѣмъ изгладилась и преданіе не сохранило ни одному урочищу названія Италіянскаго (2.). Я видѣлъ остатки

(1.) Piantarono (l'Artigleria i Turchi) in 4 luoghi in la

толстыхъ четвероугольныхъ башенъ, свидѣтельствующія въ бывшей безопасности Генуэзцевъ отъ Татарскихъ стрѣлъ, но не отъ Магометовыхъ пушекъ.

Θеодосія простирается дугою по лукоморью и первый взглядъ на нее при въѣздѣ довольно пріятенъ. Набережная, молодыми деревьями усаженная, можетъ быть со временемъ прекраснымъ гуляньемъ, если только будетъ кому гулять по ней. Судя по настоящему, врядъ ли оживится она когда нибудь этимъ веселымъ движеніемъ, которое даютъ портовымъ городамъ торговля и сопряженная съ нею промышленность. Въ этомъ не виновата Θеодосія: Бухта ея все та же, что прежде была, но политическое положеніе города уже не то. Каффа для Генуэзцевъ была выгоднѣйшимъ мѣстомъ для произведенія торговъ на сѣверѣ и на востокѣ; тутъ была ихъ складка товаровъ; для Россіи же нѣтъ ни одной бухты на сѣверномъ берегѣ Чернаго Моря, ко-

posta del Cacciadore; in la posta del Giardino di Bartolomeo di Todis; in la posta di Gorgie in la posta di S. Teodoro. — Giustiniani, Annali di Genova Lib. XV. fol 227.

которой положеніе не было бы выгоднѣе здѣшняго: пути торговыя перемѣнились а Крымъ; самъ собою не заманитъ къ себѣ купцевъ.

Проходя по площади, я воображалъ себѣ картину, которую она представляла за 50 л. тому назадъ. Здѣсь, говорилъ мнѣ проводникъ мой, было большое движеніе. *Кучукъ-Стамбулъ* (2) надѣлялъ Царьградъ многими потребностями для жизни: Крымскою солью, Азовскою рыбою, Рускими мѣхами, воскомъ, медомъ, Нагайскимъ коровьимъ масломъ и — снабдѣвалъ *живымъ* товаромъ Сераль и Гаремы. Во всѣхъ этихъ домахъ можно было на выборъ покупать красавицъ Черкесокъ; тѣхъ же, коихъ природа не одарила отличнымъ пригожествомъ, приводили сюда на продажу, какъ телятъ на рынокъ. — Слава Богу! сказалъ я, что такой промыселъ на вѣки истребился... — Да, продолжалъ проводникъ мой, если бы это повсюду было такъ; но что пользы въ томъ, когда въ одномъ уголкѣ земли истребился такой посрамительной для человѣчества торгъ, тогда какъ миліоны еще на поверхности шара осуждены носить тяжкія оковы невольниче-

---

(2) *Малый Стамбулъ* — такъ называли Татары Каффу.

ства... — Вы разумѣете Негровъ? спросилъ я. — Да; сказалъ онъ, Негровъ. Удревнихъ такъ же было невольничество; но они будучи откровеннѣе насъ, называли невольника невольникомъ; напротивъ того нѣкоторые изъ новѣйшихъ политическихъ Филантроповъ, трубя о правахъ человѣчества и провозглашая себя защитниками полу-человѣковъ, обитателей Сенегамбіи, дозволяютъ держать Илотовъ на берегахъ Ганга, и вездѣ, гдѣ только найдется легко получаемая добыча. — Надобно знать, что проводникъ мой человѣкъ хотя умной и очень доброй, но изъ тѣхъ, кои имѣютъ способность видѣть вещи съ темной ихъ стороны и по тому легко раздражатся. Онъ еще продолжалъ толковать, какъ я, увидѣвъ идущаго къ намъ на встрѣчу Англичанина, Одесскаго моего знакомца, перебилъ рѣчь Оратора человѣчества и предложилъ всѣмъ вмѣстѣ идти въ Музеумъ.

Громкое имя *Музеумъ*! въ Ѳеодосіи; хранилище древнихъ памятниковъ Тавриды: но это названіе подобно заглавіямъ многихъ книгъ, въ которыхъ рѣдко кто имѣетъ терпѣніе читать далѣе четырехъ первыхъ страницъ. (*)

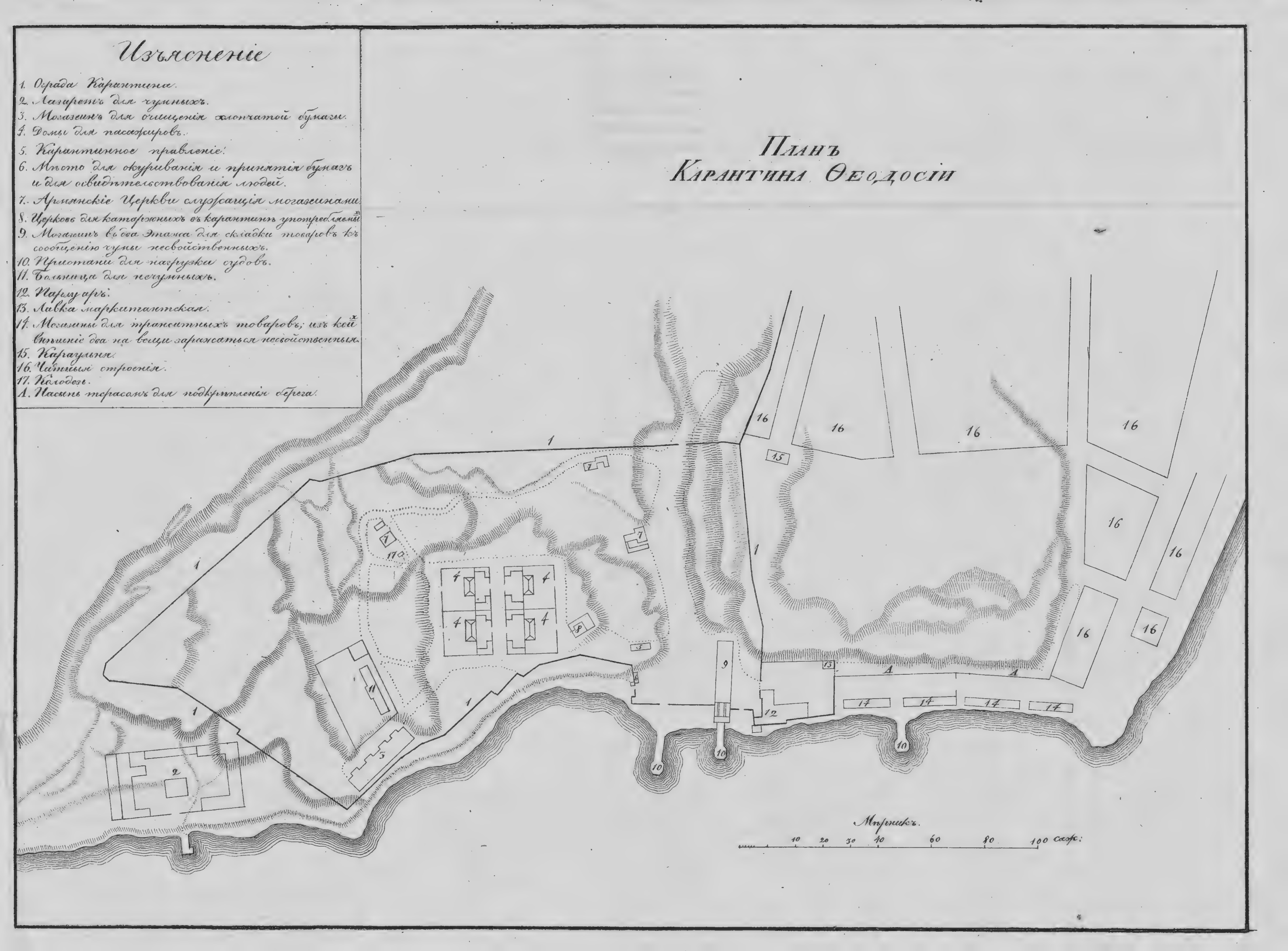
(*) Читатель конечно вспомнитъ, что это писано

Я ожидалъ найти что нибудь драгоцѣнное изъ уцѣлѣвшихъ древностей Херсона или Пантикапея; тутъ ничего этого нѣтъ: во кругъ стѣнъ надгробные и обѣтные камни позднихъ временъ, ничего достопамятнаго не имѣющіе; посреди залы столъ большой и на немъ весьма мало; нѣсколько медалей и то по большой части Римскихъ; кое какіе обломки металлическіе и другія вещицы найденныя въ гробницахъ Керченскихъ. Изъ сихъ послѣднихъ всего любопытнѣе мнѣ показались два или три Пената глиняные, лѣпные: они прекрасной Греческой работы. Вообще мало тутъ было пищи нашему любопытству; за то довольно позабавилъ насъ одинъ случившійся съ нами знатокъ, который на всѣхъ Римскихъ медаляхъ находилъ Августа. Если бы тутъ попался ему въ руки талеръ съ изображеніемъ въ парикѣ всегда Августѣйшаго Іосифа I^го^ онъ конечно бы и въ немъ узналъ Октавіаново лице.

Осмотръ города я окончилъ тѣмъ, съ чего бы началъ, если бы пріѣхалъ сюда изъ Царь-

---

уже нѣсколько лѣтъ назадъ, и что обстоятельства могли перемѣниться. (Смот. одно изъ примѣчаній во II-мъ письмѣ писанномъ изъ села Порушина.)

Планъ
Карантина Θеодосіи
Изъясненіе
1. Ограда Карантина.
2. Лазаретъ для чумныхъ.
3. Могазинъ для очищенія хлопчатой бумаги.
4. Домы для пасажировъ.
5. Карантинное правленіе.
6. Мѣсто для окуриванія и принятія бумагъ и для освидѣтельствованія людей.
7. Армянскіе Церкви служащія могазинами.
8. Церковь для каторжныхъ въ карантинѣ употребляемыхъ
9. Могазинъ въ два этажа для складки товаровъ къ сообщенію чумы несвойственныхъ.
10. Пристани для нагрузки судовъ.
11. Больница для нечумныхъ.
12. Парлуаръ.
13. Лавка маркитантская.
14. Могазины для транзитныхъ товаровъ; изъ коихъ внѣшніе два на вещи заражаться несвойственныя.
15. Караульня.
16. Частныя строенія.
17. Колодезь.
А. Насыпь террасами для подкрѣпленія берега.
Мѣрникъ.
10 20 30 40 60 80 100 саж:

града—Карантиномъ. Я не большой знатокъ въ семъ родѣ заведеній; но сколько могу судить по сравненію съ прочими, кои имѣлъ случай видѣть, здѣшній Карантинъ мнѣ очень полюбился. Онъ лежитъ на уступахъ береговой горы, на западномъ концѣ города и такъ хорошо огражденъ, что ни малѣйшей нѣтъ опасности сообщенія ни между карантинными съ городскими жителями, ни между *сомнительными* съ тѣми, кои содержутся изъ одной предосторожности. Домъ для сихъ послѣднихъ стоитъ на верхнемъ уступѣ, открытъ со всѣхъ сторонъ и видъ изъ него прекрасный на море и на берегъ зданіями покрытый. Вообще чистота, опрятность, порядокъ, дѣлаютъ честь начальнику и подчиненнымъ его. Проходя по набережной, у магазиновъ, гдѣ складывается хлопчатая бумага, проводники раздѣляли длинными шестами толпу Азіятцевъ, дабы дать свободный и безопасный отъ прикосновенія проходъ мнѣ, невѣрующему въ фатализмъ. Какія тутъ страшныя кучи я видѣлъ этихъ длинныхъ Анатольскихъ орѣховъ, лакомство нашихъ красавицъ въ сарафанахъ! Меня увѣряли, что Анатольцы, узнавъ объ этомъ сѣверномъ вкусѣ, нарочно и съ великимъ раче-

нїемъ начали разводить у себя сего рода орѣшники. Дешевая роскошь и не опасная; не такъ какъ хлопчатая бумага, которую по справедливости можно назвать гнѣздомъ заразы. Кладовыя для нее стоятъ на концѣ карантина, отъ всего отдѣленныя. Зрѣлище печальное! Каторжные разбираютъ кипы и для опыта забиваютъ въ хлопчатую бумагу голыя руки свои по локоть: это оселокъ, на которомъ познается безопасность или смерть. Жестокая, но необходимая предосторожность, ибо въ Стамбулѣ моровая язва сдѣлалася уже эндимическою болѣзнїю; Турки, усыновивъ ее, поставили на стражѣ изувѣрїе и варварство, дабы не выпускать ее вонъ изъ Европы. — Одинъ ученый Муфти въ Царьградѣ, разговаривая съ Франкомъ, доказывалъ ему: что моровая язва будучи, подобно землетрясенїю и... (озираясь что бы кто не подслушалъ, примолвилъ на ухо — Янычарамъ) зло не избѣжное, другаго не остается дѣлать, какъ только покоряться предопредѣленїю. Франкъ на это возразилъ ему, что соглашаясь съ нимъ въ разсужденїи землетрясенїя, потому только что нельзя предвидѣть онаго, онъ не можетъ почитать язву и буйство Янычаръ злами не избѣжными,

ибо противъ ихъ есть карантины и твердыя постановленія, согласующія починенность съ безопасностію. — Что же на это сказалъ Турка? — *Чему быть, тому не миновать.*

Изъ оставшихся здѣсь зданій нѣтъ особливо примѣчательныхъ, исключая двухъ Турецкихъ, одно подлѣ другаго состоящихъ, Мечети и бани. Сіи огромныя груды, съ куполами вмѣсто крышекъ, если не вкусомъ, то по крайней мѣрѣ величавостію останавливаютъ взоры. Мечеть теперь превратилась въ Храмъ для — Римско - Католическаго богослуженія: Крестъ водрузился на Минаретѣ; а въ отверстіи, изъ котораго кричалъ Мулла, видѣнъ висящій колоколъ.

Если бы судьбамъ и угодно было сохранить Каффу отъ плѣненія Турками, то я не думаю, что бы и тогда она заключала въ себѣ изящное въ отношеніи къ художеству. Генуа весьма мало содѣйствовала къ успѣхамъ искуствъ въ Италіи. То ли бы дѣло, если бы Каффа была основана Тосканцами! Мы бы и въ прахѣ ее узнавали, что тутъ нѣкогда жили выходцы изъ Италіянскихъ Аѳинъ, изъ отечества Буонаротти и Челлини!

ПИСЬМО XXI.

Керчь

Путешествіе изъ Ѳеодосіи сюда ни чего занимательнаго не имѣетъ, и я бы проѣхалъ безъ всякаго вниманія эту пространную степь, нѣкогда плодородныя нивы, на коихъ жнецъ собиралъ жатву въ 30 кратъ противъ сѣменъ, если бы не остановили меня слѣды, укрѣпленія вблизи деревни Шибанъ, на большой дорогѣ, верстахъ въ четырехъ не доѣзжая станціи Аккозъ. Бугорки въ направленіи отъ Юга къ Сѣверу и въ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи, свидѣтельствуютъ въ томъ, что тутъ была проведена стѣна; а какъ здѣшніе жители всѣ единоустно утверждаютъ, что слѣды сіи видны вдолѣ всего Керченскаго перешейка, отъ Чернаго Моря до Азовскаго, то не остается въ томъ сомнѣнія, что на самомъ семъ мѣстѣ стояли стѣна и башни Асандровы, преграда набѣгамъ кочующихъ Скиѳовъ на Воспорскія владѣнія (1.).

(1.) *Καθάπερ Ἄσανδρον ποιῆσαι φησιν Ὑψικράτης, ἀποτειχίσαντα τὸν ἰσθμὸν τῆς Χεῤῥονήσυ, τὸν πρὸς τῇ Μαιώτιδι, τριακοσίων ὄντα καὶ ἑξήκοντα σταδιών, ἐπι-*

Мѣсто сіе приводитъ еще на память и тотъ древнѣйшій ровъ, выкопанный рожденными отъ рабовъ Киммеріянами, о которомъ повѣствуетъ Иродотъ. Слова его такъ ясны, что не могутъ подлежать двумъ разнымъ толкамъ: *ровъ*, говоритъ онъ, *продолжался отъ подошвы горъ до Азовскаго Моря* (2.) Поелику въ Тавридѣ нѣтъ другой цѣпи горъ, кромѣ южныхъ и она подлинно кончится близъ Ѳеодосіи, то безъ всякихъ дальнихъ соображеній, довольно одного взгляда на карту, дабы удостовѣриться въ томъ, что во всемъ Крыму

στήσαντα πύργους καθ' ἕκαστον στάδιον δέκα. Strab. Lib. VII. C. IV. § 6. — Здѣсь я подозрѣваю ошибку въ текстѣ. На 360 стадій, на каждой по 10 башень, выходитъ башень числомъ 3600. Это кажется не возможно; ибо въ такомъ случаѣ была бы тутъ не стѣна а одно почти сплошное укрѣпленіе изъ башень по одной на каждыхъ 10 саженяхъ. Я осмѣлюсь предложить слѣдующую поправку: вмѣсто *πύργους καθ' ἕκαστον στάδιον δέκα*—читать *πύργον* (*ἕνα*) *καθ' ἕκαστον* (*τὸ*) *δέκα σταδίων* т. е. *по башнѣ на каждомъ десяткѣ стадій*; изъ чего выйдетъ 36 вмѣсто 3600 башень.

(2.) *καὶ πρῶτα μὲν τὴν χώρην ἀπετάμοντο, τάφρον ὀρυξάμενοι εὐρέαν, κατατείνουσαν ἐκ τῶν ταυρικῶν οὐρέων ἐς τὴν Μαιῶτιν λίμνην*,— Herod. Lib. IV. C. 4.

нѣтъ другаго мѣста, кромѣ этого, для проведенія рва *отъ горъ до Азовскаго Моря.* Тѣ, которые искали рва сего въ Перекопѣ, для того, что Греческое слово *Тафросъ* значитъ ровъ, забыли только три обстоятельства: 1) что тамъ не только горъ, но и пригорка нѣтъ; 2) что ровъ шелъ бы отъ Каркинитскаго залива до Гнилаго, а не до Азовскаго моря; и наконецъ 3) и самое главное обстоятельство, что Киммерійцамъ, возвращающимся изъ Мидіи, ни какого слѣда не было идти на Перекопъ и дѣлать страшный безполезный обходъ, тогда какъ имъ открытъ былъ тотъ же самый ближайшій путь, которымъ они выходили изъ Тавриды т. е. чрезъ Воспорскій проливъ.

Хотя Анахарсисъ и Скиѳъ былъ, но если бы онъ увидѣлъ Пантикапей въ томъ состояніи, въ которомъ я нашелъ Керчь, то конечно бы не столько ему удивлялся. Ни что кромѣ классическихъ воспоминаній, не можетъ остановить здѣсь путешественника. Корабельная пристань, нѣкогда оживленная торговлею Іонійцевъ, или шумомъ оружія стекавшихся сюда данниковъ и союзниковъ Митридатовыхъ, стоитъ теперь пустая; и столица нѣкогда блестящая Царей Воспорскихъ,

превращена въ жилище не многихъ бѣдныхъ промышленниковъ и лавочниковъ. Самая окружность города представляетъ въ разрытыхъ могилахъ, печальный видъ кладбища. Здѣсь трупъ Пантикапея, Cadaver oppidi, и трупъ, въ коемъ вся жизнь уже погасла; одна добыча тлѣнія. И намъ ли слабымъ смертнымъ роптать на скоротечность жизни, когда грады, когда Царства умираютъ!

Muojono le Città, muojono i Regni;
Copre i fasti e le pompe arena ed erba:
E l'uom d'esser mortal par che si sdegni!

Въ Ѳеодосіи я началъ, какъ водится, съ начала, описаніемъ сперва древней и потомъ новой: здѣсь буду слѣдовать другому порядку ὕϛερον πρώτερον по Омировски; поговорю не много съ тобою о Керчи, и потомъ обращусь къ отдаленнымъ временамъ Пантикапея и Воспора.

Остановившись въ домѣ Г. Дю-Брюкса, у въѣзда въ городъ стоящемъ, долгъ благодарности повелѣваетъ мнѣ прежде всего изъявить признательность мою за гостепріимство, безъ коего я бы едва нашелъ гдѣ помѣститься: ибо въ городѣ, какъ выше сказано, недостаточные промышленники, (по большой части рыболов-

ствомъ) если бы и хотѣли угощать пріѣзжихъ, то не имѣютъ для того ни способовъ, ни помѣщенія. Здѣсь, напротивъ того, я живу очень спокойно, въ хорошемъ домѣ; и сверхъ сей выгоды имѣю въ вѣжливомъ хозяинѣ проводника, съ которымъ я уже обошелъ всѣ мѣста заслуживающія примѣчанія.

Зная наизусть 4ю главу 7 книги Страбона, неизмѣннаго моего путеводителя по Тавридѣ, первое мое замѣчаніе было то, что не смотря на заключеніе Палласа, Керчь стоитъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Пантикапей. Что здѣсь была столица Воспорская, въ этомъ, точно такъ какъ въ разсужденіи Ольвіи, не позволяютъ сомнѣваться и самыя гробницы, которыми окруженъ городъ. А какъ историческія преданія и памятники, медали, не оспоримо доказываютъ, что древнѣйшее названіе *Пантикапей* и новое *Воспоръ* одно и тоже, то я и понять не могу, по какому уже поводу можно искать въ иномъ мѣстѣ Іонійцами основаннаго города, коего и самое имя сохранилося здѣсь до позднихъ временъ: ибо *Воспоръ* есть такъ сказать простонародное названіе столицы Воспорской, котораго нѣтъ ни на медаляхъ

Царскихъ ни въ Историкахъ повѣствовавшихъ о Царяхъ Воспора, но всегда какъ на тѣхъ, такъ и въ другихъ, находится не измѣнно одно названіе *Пантикапей*. Для убѣжденія въ тожествѣ названій Пантикапея и Воспора довольно уже сказаннаго: но если бы и сіи доводы показалися недостаточными, то описаніе Страбоново не оставляетъ уже ни какого сомнѣнія, ибо оно столько прилично мѣстоположенію Керчи, что онаго и примѣнить не возможно къ иному на семъ берегѣ пролива.

Керчь лежитъ у моря подъ горою. Я полагаю, что мѣсто ею занимаемое было въ разсужденіи Пантикапея то, что Подолъ въ Кіевѣ: здѣсь былъ портъ, настоящій городъ стоялъ на горѣ. Мы это увидимъ послѣ.

Непрерывная борьба за исключительный торгъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, между Венеціянами и Генуэзцами; поселеніе первыхъ въ Танѣ или Азовѣ; обладаніе послѣдними Воспоромъ: всѣ сіи обстоятельства ручаются въ томъ, что волны пролива сего часто обагрялися кровью враждебныхъ соперниковъ. Можетъ быть и Керчь неоднократно переходила изъ однихъ рукъ въ другія. Исторія о семъ не гласитъ; однако же можно полагать,

что Венеціяне хотя не долго, но обладали Керчью, ибо успѣли поставить львовъ своихъ на стражѣ у городскихъ воротъ. Я видѣлъ сихъ львовъ хранящихся въ Музеумѣ Ѳеодосіи.

Двѣ не большія башни означаютъ мѣсто, гдѣ были ворота городскія при Генуэзцахъ. Отъ нихъ длинная, бѣдная улица ведетъ въ настоящую крѣпость, и въ этомъ то состоитъ теперь вся нынѣшняя Керчь. По среди крѣпостной площади я нашелъ груду марморныхъ обломковъ, отрытыхъ въ окрестностяхъ, между коими замѣтилъ Торсъ колоссальный, показавшійся мнѣ Греческой работы. Судя по правой ляжкѣ, тонкою одеждою покрытой, изображеніе это было женщины. Прочее все въ такомъ состояніи, что ничего узнать нельзя; и къ позору изящныхъ искуствъ, я вмѣстѣ же съ сими обломками видѣлъ и столпъ съ чалмою, обыкновенный надгробный камень Мусульмановъ.

Съ горы надъ самымъ городомъ открывается видъ прелестнѣйшій на Воспоръ: берега, коса, излучистые заливы Тамана, рисуются въ отдаленіи какъ картины панорамы. Все ведетъ къ заключенію, что здѣсь стоялъ Акро-

полисъ, верхній городъ или крѣпость, о которой упоминаетъ Страбонъ (3.). Здѣсь остались развалины огромныхъ цоколей, можетъ быть служившихъ поршиками Царскихъ чертоговъ. Одному изъ нихъ присвоено имя *Креселъ Митридатовыхъ*, безъ всякой другой причины, кромѣ той, что непремѣнно хотѣлось найти здѣсь какой нибудь памятникъ знаменитѣйшаго изъ Царей Воспорскихъ: сіи же развалины столько на кресла похожи, какъ и на столъ и на все то, въ чемъ не разсудокъ а воображеніе будетъ открывать намѣреніе и цѣль. Впрочемъ на этой самой горѣ есть и другія подобныя развалины: то и ихъ бы уже назвать хотя скамьями Фарнака, Махариса и Монимы.

Я полагаю, что Пантикапей занималъ большое пространство на хребтѣ горы. Акрополисъ господствовалъ надъ городомъ, коего окружность, по словамъ Страбона, была въ 20 стадій (4 версты (4.). Измѣреніе сіе не даетъ

(3.) Ἔχει δὲ (Παντικάπαιον) καὶ Ἀκρόπολιν

Strab. Lib. VII. C. IV. § 4.

(4.) τὸ δὲ παντικάπαιον λόφος ἐςὶ πάντῃ περιοικούμενος ἐν κύκλῳ ςαδίων εἴκοσι. Loco cit. — Здѣсь Παντικάπαιον

понятія о большомъ пространствѣ, но я читаю, что *ἐν κύκλῳ* здѣсь принимать должно не за окружность, а за дугу, которой хордою служитъ берегъ пролива: въ такомъ случаѣ Пантикапей и при Страбонѣ могъ простираться версты на четыре вдоль Воспора.

Окружности Керчи напоминаютъ мнѣ Ольвію; и здѣсь такъ же все изрыто. Григорій Назіанзинъ назвалъ бы и насъ, какъ Каппадокіянъ своихъ, *Некрофонами*, т. е. *мертвецеубійцами* (5). Здѣсь однако же утѣшаетъ то по крайней мѣрѣ, что не всякій можетъ, взявъ заступъ, идти копать могилы. Исключительное на это право принадлежитъ Гну

λόφος должно разумѣть *нагорную часть города*, ту самую, о которой я говорю.

(5.) Св. Григорій Назіанзинъ написалъ около 80 Эпиграммъ противъ разрушителей гробницъ. Сей Святый мужъ и въ языческихъ памятникахъ умѣлъ уважать произведенія изящнаго искусства. Слѣдующая Эпиграмма написана имъ въ Каппадокіи:

Μαυσώλου τάφος ἐστὶ πελώριος, ἀλλὰ Καρεσσι
Τίμιος. Οὔτις ἐκεῖ τυμβολέτης παλάμη.
Καππαδόκεσσιν ἔγωγε μέγ' ἔξοχος. ἀλλὰ δέδορκας
Οἷα πάθον· στήλη γράψατε ΝΕΚΡΟΦΟΝΟΝ.

S. Greg. Naz. Epigr CXVII.

Дю-Брюксу; и то еще хорошо, что раскапывають курганы съ осторожностію.

Впрочемъ и здѣсь съ отрытыми основаніями поступаютъ точно такъ, какъ въ Ольвіи: ихъ отыскиваютъ для употребленія на строеніе, на бутъ; и такимъ образомъ конечно изгладятся и послѣдніе слѣды, по коимъ бы можно было основать какую нибудь догадку о топографіи Пантикапея и прахомъ своимъ еще заслуживающаго вниманіе Археолога. Можетъ быть и теперь еще не поздно было бы дѣлать изысканія, но если ожидать отъ нихъ успѣха, то надобно, чтобы они были методическія. Кто можетъ ручаться въ томъ, что въ грудахъ камней, обращаемыхъ на бутъ или въ известь, не случилося надписей, которыя бы пояснили весьма темную Исторію Воспора? Де-Бозъ, былъ первый, если я не ошибаюсь, который въ 1725 г, (6) узналъ медаль Пантикапейскую съ изображеніемъ Царя Перисада; до того полагали, что или никогда не было медалей въ Воспорѣ, или онѣ всѣ ис-

(6.) De Boze. — Des Rois du Bosphore Cimmerien. — Mém. de l'Academie des Jnscrp. et belles lettres. Tome VI. p. 550.

чезли: но съ тѣхъ поръ Вальянъ, а особливо Нумисматъ Кари (7), открыли ихъ множество и сими памятниками замѣнили отчасти потерянныя мѣста въ Діодорѣ Сикилійскомъ. Ежели случайная находка медали въ Азіи могла послужить поводомъ къ таковымъ открытіямъ, то чего же не можно ожидать на самомъ пепелищѣ Пантикапея? Все однако же я говорю и повторяю, что надобно быть здѣсь настоящему Археологу и Нумисмату, кото-

(7.) Cary — Histoire des Rois de Thrace et de ceux du Bosphore Cimmérien, éclaircie par les Medailles. — Феликсъ Кари родился въ 1699 году (въ Марсельи), гдѣ отецъ его былъ книгопродавцемъ; а умеръ 15 Декабря 1754. Я имѣю драгоцѣнный экземпляръ его сочиненія съ замѣчаніями на поляхъ Бартелеми, Автора Анахарсиса. Слѣдующій Анекдотъ, на листѣ предзаглавномъ написанный, заслуживаетъ любопытство читателя.

„Кари умирая, въ духовной завѣщалъ брату своему Аптекарю, чтобы онъ золотыя медали его продалъ въ Королевскій Кабинетъ; но чтобы прочихъ отнюдь изъ дома своего не выпускалъ и ни одной изъ нихъ ни кому не отдавалъ. Аптекарь въ точности исполнилъ волю завѣщателя: золотыя медали продалъ Королю: прочія же всѣ, серебренныя и мѣдныя, сплавивъ, сдѣлалъ изъ нихъ Иготь для Аптеки своей."

рый бы систематически занимался своимъ дѣломъ, зналъ бы, гдѣ онъ роется и не только что отрываетъ, но еще и въ какомъ положенiи одна къ другой находилися вещи найденныя имъ въ землѣ. Это послѣднее не такъ маловажно, какъ оно покажется съ перваго взгляда. Въ доказательство я скажу, что не задолго предъ моимъ сюда прiѣздомъ, отрыта была могила, въ которой нашли урну съ пепломъ, а вокругъ ее вплоть установленныя Амфоры съ разною буквою на каждой. Я ни мало въ томъ не сомнѣваюсь, что порядокъ буквъ сихъ представлялъ какую нибудь надпись, ибо буквы находятся на срединѣ сосуда, а не на ручкахъ, гдѣ древнiе обыкновенно назначали годъ именемъ градоначальника. Если бы вынимая Амфоры изъ земли, замѣченъ былъ порядокъ, въ которомъ онѣ стояли, то вѣроятно, что изъ сего бы вышла какая нибудь надпись и можетъ быть не безъ достоинства. Вмѣсто того Амфоры безъ вниманiя къ буквамъ вынутыя, перемѣшанныя и отосланныя не знаю куда, подобны теперь этимъ стихамъ Сивиллы, которые вѣтръ размѣталъ по Кумской гротте; и добиваться теперь толку, хотя бы и собрать всѣ Амфоры внѣ-

стѣ, выйдетъ алгебраическая задача *перемѣщенія литеръ*, помнится мнѣ не менѣе двенадцати.

Здѣсь пріятнѣе заниматься воспоминаніемъ прошедшаго, нежели созерцаніемъ настоящаго; и для того въ слѣдующемъ письмѣ моемъ приступлю къ обозрѣнію Исторіи Воспора; и болѣе ни слова о Керчи, которая сама собою ни чего примѣчательнаго въ себѣ не заключаетъ, кромѣ церкви въ крѣпости находящейся, и то по древности ея, а не по вкусу, хотя куполъ, на четырехъ марморныхъ столпахъ лежащій и обнаруживаетъ Греческое зодчество: я полагаю однако же, что она памятникъ Генуэзскаго здѣсь владѣнія.

ПИСЬМО XXII.

Керчь.

Я хочу доказать тебѣ сколько увѣренъ въ снисхожденіи твоемъ, ибо въ письмѣ семъ буду говорить о томъ, что или давно тебѣ извѣстно, или мало будетъ имѣть для тебя занимательнаго: именно о древней Исторіи Пантикапея. Да послужитъ мнѣ предъ тобою извиненіемъ то, что я пишу на самыхъ развалинахъ Воспорской Столицы. Могутъ ли гдѣ живѣе представляться воображенію событія давно протекшихъ лѣтъ, какъ не на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они происходили? Здѣсь мечтается мнѣ свирѣпая тѣнь непримиримаго врага Рима; здѣсь мнится мнѣ слышать послѣдній и еще грозный стонъ его, когда алкая смерти, онъ боролся съ ненавистною ему жизнію.

О Пантикапеѣ мы знаемъ, что на ряду съ прочими колоніями Іонійцевъ, онъ былъ основанъ Милитянами въ половинѣ VI вѣка до Р. Х. Надобно полагать, что въ началѣ правленіе его, на подобіе всѣхъ купеческихъ поселеній, было народное: но Исторія молчитъ о первыхъ и можетъ быть лучшихъ годахъ политиче-

ской его жизни, и Пантикапей начинаетъ быть извѣстнымъ уже какъ Столица Царей Воспорскихъ.

Изъ словъ Діодора Сикилійскаго, называющаго первыхъ Царей Воспора *Археанактидами*, новѣйшіе Историки вывели заключеніе, что они составляютъ первую Династію владыкъ страны сей. Я не очень вижу, на чемъ они могутъ основывать такое мнѣніе. Самое названіе Археанактиды обнаруживаетъ имя нарицательное а не собственное. Слѣдственно Археанактиды были Династами, т. е. властелинами; но что бы назвать рядъ ихъ Династіею, въ томъ смыслѣ въ которомъ мы принимаемъ это слово, я не вижу къ этому ни какаго повода. Мое заключеніе на щетъ сей есть слѣдующее: я полагаю что Фаногорія, Столица Азіятскаго Воспора, такъ же около половины VI вѣка до Р. Х. и тѣми же Милитянами основанная, подпала первая подъ единовластіе. Добровольно ли фанагорійцы избрали себѣ Царя, или какой либо мощный изъ гражданъ ихъ похитилъ власть у народа: Исторія о семъ умалчиваетъ. Однако же названіе *Тиранъ*, сохранившееся Царямъ Воспорскимъ, даже до временъ Спра-

воновыхъ (1-), заставляетъ думать, что Фанагорійцы не охотно признали надъ собою власть *одного*. Какъ бы то оно ни было, но Археанактиды царствовали уже 42. г, (2.) въ Азіятскомъ Воспорѣ, а Пантикапей былъ еще свободнымъ. Въ теченіе же сего времени Воспорскіе Цари распространили власть свою по обѣимъ сторонамъ пролива; тогда покорился Пантикапей, сдѣлался столицею Европейской части Царства, куда и перенесъ престолъ свой послѣдній Археанактидъ, первый обѣихъ Воспоровъ Царь,

Спартакъ I.

по исчисленію Де-Боза (3.), возшедшій на престолъ въ 439 г. до Р. Х. — Діодоръ въ Синхронизмахъ на 3 г. 85 Олимпіады, говоритъ: Спартакъ царствовалъ 7 л (4.); а далѣе на 4 г 86. Ол. — 17 л (5.). Тутъ кажется ошибка; но я не полагаю ее ни въ томъ, ни въ другомъ: Спартакъ могъ царствовать 17 л. въ

(1.) Ἐκαλἑυτο δὲ τύραννοι — Strab. Lib. VII. C. IV. § 4.

(2.) Diod. Sic. Lib. XII. C. 31.

(3.) Mem. de l'Acad. des Inscrip. &c Tome VI. page 554.

(4.) Diod. Sic. loco cit.

(5.) Diod. Sic. Lib. XII. Cap. 36.

Воспорѣ Азіятскомъ и только 7 л: въ Европейскомъ, отъ покоренія Пантикапея. — (Это все, какъ ты видишь, я клоню къ подкрѣпленію вышепредложенной мною догадки.) — Преемникомъ Спартака былъ,

Селевкъ.

Вѣроятно сынъ Спартаковъ по лѣтосчисленію Діодора, которому я буду слѣдовать до конца сей династіи, принявшій престолъ въ 4 г 86 Ол. и царствовалъ 4 года.

Спартакъ II.

царствовалъ 22 г. Появленіемъ имени его въ хронологіи Царей Воспорскихъ, мы обязаны Де-Бозу. До него двадцати двухлѣтній промежутокъ въ Исторіи Воспора, наполняли догадками, безъ всякаго основанія: онъ объяснилъ слова Діодоровы, не оставя на щетъ ихъ ни какого сомнѣнія (6.).

Сапиръ I.

Сынъ Спартаковъ царствовалъ 14 л. Вѣроятно, что еще при отцѣ его Царство Воспора начинало усиливаться. Де-Бозъ говоритъ, что Сапиръ умеръ подъ стѣнами осажденной имъ Ѳеодосіи (7.). Я не знаю, отъ куда онъ

(6.) Mem. de l'Acad. des Inscr. &. Tome VI. page 555.

(7.) Ibd. — page. 557.

почерпнулъ сіе извѣстіе: но оно не соглашается съ тѣмъ, что онъ же говоритъ о Сатировой *могилѣ*, на восточномъ берегѣ Воспора, о которой Страбонъ упоминаетъ (8.). Въ Пантикапеѣ ли онъ умеръ, или подъ стѣнами Ѳеодосіи, я не вижу для чего бы предавать тѣло его землѣ на Азіятскомъ а не на Европейскомъ берегѣ, въ столицѣ государства, въ гробницѣ Царей. Я полагаю — и это такъ же служитъ къ утвержденію прежней моей догадки — что могила, о которой Страбонъ говоритъ, сокрываетъ прахъ не *того* Сатира, о коемъ здѣсь рѣчь, но *другаго* древнѣйшаго, коего имя въ исторіи исчезло, а память осталась въ общемъ нарицаніи *Археанактидовъ.* Самое выраженіе Страбоново придаетъ вѣроятности моему заключенію: онъ говоритъ о могилѣ насыпанной надъ *какимъ то* изъ знаменитѣйшихъ владѣльцевъ Воспора. Конечно, онъ не назвалъ бы *какимъ то* Государя, имѣвшаго политическія связи съ Аѳинами, а того еще менѣе отца Левкона, столь извѣстнаго по Ди-

---

(8.) — *τὸ Σατύρȣ μνῆμα — τοῦτο δ᾽ ἐςὶν ἐπ᾽ ἄκρας* ΤΙΝΟΣ *χωςὸν* ΑΝΔΡΟΣ *τῶν επιφανῶς δυναςευσάντων τοῦ Βοσπόρου.* — Strab. Lib. XI. Cap. 2. §. 7.

мостеновой рѣчи противъ Лептина. — До сихъ поръ мы имѣли извѣстія о Воспорскихъ Царяхъ по одному только Діодору; но о Сатирѣ I упоминаютъ уже Риторы Аѳинскіе Лисій и Ісократъ. Сей послѣдній въ рѣчи произнесенной имъ за Воспорца, сына Сопея, любимца Сатирова, говоритъ Судьямъ Аѳинскимъ въ заключеніи: "вы конечно вспомните о заслугахъ „къ вамъ Сатира и отца моего, которые все„гда васъ, изъ всѣхъ Эллиновъ найболѣе уважа„ли; и такъ что когда въ случаяхъ неуро„жаевъ, купеческіе суда другихъ народовъ, при„ходившіе къ нимъ за житомъ, возвращалися „пустые; вашимъ напротивъ того, мы всегда „дозволяли вывозить отъ себя хлѣбъ "(9). — Можно съ большею вѣроятностію заключить что отъ сего Сатира начались тѣснѣйшія сношенія Воспора съ Греціею.

Левконъ.

Преемникъ и сынъ Сатира I, вступилъ на престолъ въ 4 г. 96 Ол. и царствовалъ 40 л. Изъ рѣчи Димосѳена противъ закона Лептиномъ предложеннаго, мы видимъ что онъ имѣлъ право гражданства въ Аѳинахъ. Ораторъ называ-

---

(9.) Isocrat. Orat. Trapezit. Cap. 29.

етъ благодѣтельнымъ другомъ республики какъ Левкона, такъ и предковъ его (10.). Это доказываетъ, что связи Воспора съ Аѳинами существовали уже и до Сатира, но не были еще такъ тѣсны, какъ при Левконѣ; ибо Ісократъ, говоря о отцѣ его, не упоминаетъ о дарованиомъ ему правѣ гражданства, чего бы онъ не преминулъ сказать, если бы онъ имѣлъ его. — Левконъ въ продолжительное Царствованіе свое утвердилъ государство внутри и распространилъ онаго предѣлы. Ему наконецъ покорилась и Ѳеодосія, гдѣ онъ основалъ главный торгъ хлѣбный; торгъ, какъ говоритъ Димостенъ, который не уступалъ и Воспорскому, т. е. Пантикапейскому (11.). Стравонъ пишетъ, что изъ одной Ѳеодосіи, при Левконѣ, вывезено было въ Аѳины миліонъ сто тысячь медимновъ жита (12). Онъ же упоминаетъ и о Царѣ семъ, какъ не заслуживающемъ носить имя Тирана (13.) Быть можетъ не во всемъ пространствѣ слова сего, уже и въ вѣкъ

(10.) Demosth. adversus Leptinem

(11.) Ibid. —

(12.) Strab. Lib. VII. Cap. IV. § 6. — Медимнъ полагать можно противъ нашей четверти въ половину.

(13.) Ibid — § 4.

Географа начинавшаго подходить къ смыслу, которое оно теперь имѣетъ: но, если сообразить преданное о немъ, хотя въ похвалу его воинской и политической хитрости, Полиэномъ, то обличится въ характерѣ Левкона ужасная смѣсь лютости и коварства (14.). Одна рѣчь его сохраненная Аѳинеемъ, заслуживаетъ имѣть здѣсь мѣсто. Левконъ, какъ всѣ подобные ему, окруженъ былъ льстецами, лазутчиками, доносщиками. Сіи послѣдніе успѣли клеветами своими лишить его добрѣйшихъ изъ приверженцевъ его, дабы похитить себѣ въ добычу ихъ имущества. Не много уже оставалося честныхъ и вѣрныхъ Царю людей, какъ еще предсталъ предъ нимъ клеветникъ съ доносомъ противъ одного изъ нихъ: "Мерзавецъ! сказалъ ему Левконъ, ты сей часъ „бы палъ мертвъ отъ рукъ моихъ, если бы „Тиранія не имѣла нужды въ подобныхъ тебѣ „злодѣяхъ"(15.). — Ужасная потребность! Страшное признаніе! — Ему наслѣдовалъ въ 3 г. 106 Ол. старшій сынъ его,

---

(14.) Polyaeni Strat. Lib. VI. Cap. IX.

(15.) *ἀπέκτεινα ἄν εἶπε (ὁ λεύκων τῷ διαβάλλοντι) δέ νὴ τοὺς θεοὺς, εἰ μὴ πονηρῶν ἀνδρῶν ἡ τυραννίς ἐδεῖτο* Athen. Deipnosoph. Lib. VI. C. XVI. pag 257.

Спартакъ III.

о коемъ мы знаемъ только по Діодорѣ, что онъ царствовалъ 5 л. и что наслѣдовалъ ему въ 4 г. 107 Ол. братъ его,

Перисадъ.

Царствовавшій 38 л. Де-Бозъ полагаетъ, что онъ принужденъ былъ уступить часть владѣнія братьямъ своимъ, Левконовымъ же дѣтямъ, Сатиру и Горгиппу; но Діодоръ, до сихъ поръ обстоятельно повѣствующій о всѣхъ перемѣнахъ на престолѣ Воспорскомъ, ни слова о семъ не говоритъ: слѣдственно, если Сатиръ и Горгиппъ и получили отъ брата своего какіе нибудь удѣлы въ Воспорѣ, то не менѣе того царствовалъ одинъ Перисадъ. Думать надобно, что долгое правленіе его было щастливо и основано на любви народной, ибо по смерти его онъ былъ Воспорянами сопричтенъ къ сонму боговъ (16.). Онъ умеръ въ 3 г. 117 Ол. По немъ остались три сына,

Сатиръ II, Пританъ и Эвмилъ.

Старшій, Сатиръ едва успѣлъ принять бразды правленія, какъ узналъ, что меньшій

(16.) Strab. Lib. VII. Cap. IV. § 4.

брать его Эвмилъ, собравъ ополченіе изъ сосѣдственныхъ варваровъ, покушается похитить у него престолъ. Сатиръ не медля пошелъ противъ мятежнаго брата съ многочисленнымъ войскомъ, въ коемъ, не щитая союзниковъ Скиѳовъ, находился Эллинскихъ наемниковъ до двухъ тысячь человѣкъ и столько же Тракіянъ. Съ симъ ополченіемъ Царь перешелъ за рѣку Тапсисъ (17.) и нашелъ готовое встрѣтить его не менѣе сильное войско Эвмилово, къ которому присоединился на вспоможеніе Тракійскій Царь Аріофарнъ, съ 20,000 конницы и 12000 пѣхоты. Щастіе на сей случай поборствовало мужеству и праву Сатира. Онъ разбилъ непріятеля и принудилъ Эвмила, вмѣстѣ съ Аріофарномъ и остаткомъ войскъ ихъ скрыться въ столицу, конечно какого нибудь Скиѳскаго Царька (18.). Доступъ къ убѣжищу сему былъ весьма затруднителенъ, ибо оно окружено было Тапсисомъ рѣкою, крутыми оврагами и густымъ лѣсомъ. Двѣ

17.) Я полагаю *Салгиръ;* и другой рѣки нѣтъ въ сихъ мѣстахъ, по близкости къ Воспорской Столицѣ.

(18) Если принять Тапсисъ за Салгиръ, то столица, о которой здѣсь рѣчь, находилася около мѣста, гдѣ Салгиръ впадаетъ въ Сивашъ.

только дороги проложены были къ нему: одна ведущая къ Царскому жилищу, укрѣпленная высокими башнями и стѣнами; другая по болоту, загражденная тыномъ. Домъ стоялъ на сваяхъ, такъ что подъ жильемъ была вода (19.). Сколь ни труденъ былъ приступъ къ такому мѣсту, но мужество Сатирово и приверженность къ нему воиновъ, все преодолѣвали. Ратники просѣкали дорогу чрезъ лѣсъ; множество изъ нихъ падали мертвы отъ стрѣлъ, которыхъ, по густотѣ деревъ, ни видѣть ни отвращать не могли: не смотря на то, избѣжавшіе смерть не унывали въ подвигѣ своемъ и по трехдневныхъ неослабныхъ усиліяхъ, открыли себѣ путь къ убѣжищу враговъ. Здѣсь началась битва жаркая. Минискъ, храбрый вождь наемниковъ, повелъ войско свое на битву; сражался отчаянно; но принужденъ былъ уступить превосходству числа. Сатиръ, узнавъ о семъ, бросился къ нему на помощь и конечно бы одолѣлъ враговъ, если бы роко-

---

(19.) Я такъ понимаю это мѣсто въ Діодорѣ и вмѣсто *οἴκοις* читаю *οἶκος*: *διεστύλωτο δ'* ΟΙΚΟΣ, *ὑπεράνω δὲ τῶν ὑδάτων εἶχε στήσεις* Diod. Sic. Lib. XX. C. 23.

вое копье не пронзило руки его. Клевреты Царскіе вынесли его изъ сѣчи. Рана была смертельная: въ ту же ночь Сатиръ испустилъ духъ, девять мѣсяцовъ послѣ отцовской смерти.

Не смотря на потерю сію, все доказываетъ что выгоды оставалися на сторонѣ права, ибо Эвмилъ не осмѣлился преслѣдовать отступающаго войска и Минискъ, переправясь обратно за рѣку, привезъ тѣло Сатира въ Пантикапей, гдѣ Приттанъ, отдавъ послѣдній, печальный долгъ брату своему, положилъ его въ гробницу Царскую.

Пританъ, заступивъ мѣсто Сатира, поспѣшилъ съ войскомъ идти въ городъ Гаргазу (20.), гдѣ встрѣтили его послы Эвмиловы, съ предложеніемъ уступить ему часть Воспорскихъ владѣній. Пританъ на то не согласился; оставилъ въ Гаргазѣ защитниковъ и самъ возвратился въ столицу, дабы тамъ утвердить новую власть свою. Между тѣмъ Эвмилъ, сово-

(20.) Diod. Sic. Lib XX. cap 23 и 24. — О городѣ семъ, кромѣ Діодора, ни кто изъ Географовъ не упоминаетъ: онъ находился отъ Пантикапея по ту сторону Салгира.

купно съ служащими ему варварами, вышелъ изъ убѣжища своего, овладѣлъ Гаргазою со многими другими мѣстами и наконецъ, разбивъ Притана, загналъ его къ *перешейку ближайшему къ Меотійскому озеру* и тамъ его заперъ (21.). Притану другаго не оставалось какъ только покориться. Онъ отдалъ войско брату своему и уступилъ ему Царство: но прибывъ въ Пантикапей, помышлялъ еще возвратить себѣ утраченную державу. Тогда Эвмилъ возсталъ противъ него всею силою своею и вторичною побѣдою рѣшилъ судьбу Царства Воспорскаго. Приштанъ бѣжалъ въ городъ Кипы (22.) и тамъ палъ отъ рукъ враговъ своихъ.

Такимъ образомъ Эвмилъ, обагренный кровію братьевъ своихъ, остался безъ совмѣстника на престолѣ Воспорскомъ. Дабы утвер-

---

(21.) Это долженъ быть *Арбатъ:* другаго нѣтъ *перешейка ближайшаго къ Меотису,* куда бы можно было загнать и запереть войско.

(22.) Diod. Sic. Lib XX. Cap 26. Плиній упоминаетъ о семъ городѣ, Cepi Milesiorum, и щитаетъ его въ числѣ городовъ Азіятскаго Воспора. Прилагательное Milesiorum, свидѣтельствуетъ о происхожденіи онаго отъ Милитійскихъ Іонійцевъ.

диться наономъ, онъ предалъ смерти всѣхъ ближнихъ Сапира и Притана; женъ, дѣтей, приверженцевъ ихъ. Изъ всѣхъ нещастныхъ сихъ одному юношѣ, Перисаду сыну Сапирову, удалось избѣжать общей гибели; онъ скрылся у Агара, Царя Скиѳскаго; но исторія молчитъ о жребіи его и намъ не извѣстно, возвратился ли онъ когда въ отечество свое. Столько невинныхъ жертвъ, принесенныхъ алчности властолюбца, произвели противъ него общій ропотъ въ народѣ. Эвмилъ умѣлъ успокоить умы. Дары, благодѣянія, блистательные успѣхи противъ враговъ Воспора, особливо противъ морскихъ разбойниковъ; и наконецъ можетъ быть искуство его представлять *Государственною необходимостію* самыя гнусныя злодѣянія, заградили уста недовольнымъ и поставили Эвмила въ Исторіи на чредѣ Государей, которымъ, подобно Августу, надлежало бы никогда не родиться или никогда не умирать. Однако же между Тиранами Римскимъ и Воспорскимъ, есть та разница, что первый, пресыщенный властію, въ дряхлой старости умеръ естественною смертію; а надъ Эвмиломъ Немесиса исполнила приговоръ свой, когда онъ былъ еще въ цвѣтѣ жизни и въ пылу славо-

любія мечталъ покорить себѣ всѣ берега Черного моря. На пути изъ Скиѳіи въ Пантикапей испуганные кони понесли Эвмила, который опасаясь быть опрокинутымъ въ пропасть, выскочилъ изъ колесницы; но мечь его запутался въ колесѣ и въ мгновеніе ока любимецъ щастія превратился въ безобразный трупъ (23.). — Эвмилъ царствовалъ 5 лѣтъ и 5 мѣсяцовъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его,

Спартакъ IV.

о коемъ намъ извѣстно одно то, что онъ владѣлъ Воспоромъ 20 л. т. е. отъ 1 г. 119 Ол. до послѣдняго 123й.

Здѣсь покидаетъ насъ надежный вождь Діодоръ и потерянныя въ немъ мѣста, въ разсужденіи Исторіи Воспора, ни кѣмъ не награждаются. И такъ мы должны перейти въ молчаніи періодъ 160 лѣтъ, до послѣдняго Царя Спартаковой Династіи, Перисада, который тѣснимъ будучи со всѣхъ сторонъ варва-

---

(23.) Diod. Sic. Lib. XX. Cap. 25.

рами, предпочелъ рабству политическую неволю и уступилъ добровольно съ царствомъ право защищать народъ свой могущественному Митридату (24.). — Но о семъ до завтра.

(24.) Strab. Lib. VII. Cap. IV. §. 4

ПИСЬМО XXIII.

Керчь.

Соединеніе великаго Генія съ великимъ характеромъ составляетъ то, что мы называемъ *великимъ человѣкомъ*. Въ такомъ человѣкѣ господствуетъ одна какая нибудь величественная мысль; онъ ею дышетъ; для нее существуетъ; ей подчинены всѣ движенія души его, всѣ страсти; она единственная цѣль его бытія, къ достиженію коей Геній изобрѣтаетъ средства, а воля исполняетъ ихъ; воля непреклонная, непреодолимая, которая въ нравственномъ мірѣ есть тотъ упоръ рычага, коего требовалъ Архимедъ, дабы вращать физическій: — Таковъ былъ Митридатъ. Господствующая мысль въ немъ была *ненависть къ Риму*. Слава, властолюбіе, всѣ страсти въ немъ подчинялись сей верховной владычицѣ души его; и міръ, въ которомъ Римъ существовалъ, казался тѣснымъ для него. Онъ жилъ единственно для того, что бы истребить *Державный городъ*; и истребилъ себя, когда увидѣлъ, что не могъ болѣе жить для цѣли, къ которой единственно стремился.

Сороколѣтняя борьба его съ Римомъ не принадлежитъ сюда; мое намѣреніе говорить не о Понтійскомъ, но о Воспорскомъ Царѣ Митридатѣ; особливо о послѣднемъ явленіи жизни его, происходившемъ на самомъ семъ мѣстѣ, гдѣ я пишу эти строки.

Приобрѣтая союзниковъ и подданныхъ на южныхъ и сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, Митридатъ не столько искалъ себѣ друзей, какъ враговъ Риму. Онъ зналъ, что стоглавую Идру всеобщей Монархіи ни гдѣ нельзя истребить какъ только въ гнѣздѣ ея и пронзивъ ее въ самое сердце. Участь Аннибалова не страшила его. Вождь Карѳагенскій имѣлъ дѣло съ Римомъ еще не утратившимъ *добродѣтель*, которая на языкѣ его значила *мужество;* и любви къ отечеству, которая была богослуженіемъ, *вѣрою* во градъ Квиритовъ судьбами *вѣчности* обреченный. Въ исходѣ VII вѣка его бытія, все измѣнилось: мужество сдѣлалось орудіемъ корысти; *божество Римъ*, предметомъ, добычею властолюбія. Гракхи первые открывали источники, гдѣ долго до нихъ скрывалася тайная причина разрушенія республики; Марій и Силла растравили рану, затопили Римъ въ крови лучшихъ гражданъ его

и показали что колоссъ Имперіи, страшный внѣ, уже колеблется внутри и готовъ къ паденію. Въ періодѣ, на который мы устремляемъ наше вниманіе, Германія, подъ предводительствомъ [illegible] храбрыхъ витязей, взывала къ сынамъ своимъ освободить ее отъ союзниковъ-властителей; Галлія удерживалась однимъ страхомъ Легіоновъ; въ Испаніи, Серторій называлъ народомъ Римскимъ станъ свой, Сенатомъ приверженцевъ своихъ; и въ самыхъ нѣдрахъ Италіи *война рабовъ* потрясала политическій составъ республики. Время сіе не то уже было, въ которое Фабій медлѣніемъ, а Сципіонъ рѣшимостію спасли Отечество; и если бы Митридату удалось, подобно Аннибалу, внести войну въ Италію, то можно навѣрно сказать, что Римъ тогда бы еще палъ и свѣтъ бы избавился ужаснаго позорища злодѣяній и пороковъ, коими осквернены лѣтописи міра. Но положеніе Ироя Африки было иное: онъ имѣлъ войско готовое по всюду за нимъ слѣдовать; еще отцемъ его приготовленное ненавидѣть и карать Римъ; Митридату надлежало на каждомъ шагѣ сражаться, побѣждать и покорять себѣ тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ готовилъ быть орудіями

своей мести. Овладѣвъ странами прилежащими къ родовому его *Понту*, онъ стремился къ противуположнымъ берегамъ, дабы тамъ открыть себѣ путь въ Италію; и къ сему служила ступенью Таврида, въ коей онъ утвердилъ владычество свое подъ именами, Царя въ Воспорѣ и покровителя въ Херсонѣ.

Уже Силла и Лукуллъ испытали въ премѣнномъ щастіи силу врага, страшнаго въ успѣхахъ, неистощимаго въ способахъ возставать послѣ ужаснѣйшихъ пораженій: первый заключилъ съ нимъ миръ, поспѣшая насытиться мщеніемъ въ Римѣ; второй можетъ быть удачно окончилъ бы войну, которую велъ благоразумно, если бы Помпей не вырвалъ изъ рукъ его пальму побѣды. Сему любимцу народа, нанесшему послѣдній ударъ Серторіеву войску, разсѣявшему остатокъ вооруженной шайки рабовъ, истребившему морскихъ разбойниковъ, отъ Киликіи, гнѣзда ихъ, до столповъ Ираклovыхъ, недоставало только положить въ Азіи конецъ войнѣ, томившей республику 40 лѣтъ: и сей тріумфъ обреченъ былъ Помпею; ему щастіе до сихъ поръ вездѣ сопутствовало.

Митридату оно измѣнило. Онъ бѣжалъ отъ Помпея, но и въ бѣгу еще страшный, подоб-

ный тигру ловцами гонимому. По мѣстамъ непроходимымъ, въ безпрестанной борьбѣ съ непріятелями, съ голодомъ, съ измѣною, онъ обошелъ восточный берегъ Понта и къ удивленію враговъ и друзей, прибылъ въ восточную свою столицу, пославъ впередъ Эвнуха Трифона, любимца своего, въ Фанагорію, дабы приготовить тамъ морское ополченіе. Намѣреніе Митридатово было, не отлагая уже времени, броситься съ остаткомъ войскъ своихъ въ малую Скиѳію; чрезъ Тракію, Паннонію, пройти въ Галлію, и оттоль съ соумышленниками своими начать войну въ предѣлахъ Италіи. Отчаянное предпріятіе, но еще возможное, съ упорною волею, съ умомъ изобильнѣйшимъ къ изобрѣтенію способовъ. Первою преградою была фанагорія. Касторъ, одинъ изъ знаменитыхъ гражданъ ея, мстя личной обидѣ своей, умертвилъ Трифона и воззвалъ Фанагорійцевъ къ независимости. Народъ съ восторгомъ услышалъ приглашеніе къ свободѣ; войско къ нему присоединилось и оступило крѣпость, въ которой заперлись находившіеся въ Фанагоріи дѣти Митридатовы. Въ одно мгновеніе, стѣны убѣжища ихъ обложены сухимъ хворостомъ; затвореннымъ угрожаетъ смерть

неизбѣжная; Артаферпъ, Дарій, Ксерксъ, Оксатръ и Эвпатра сдаются; одна Клеопатра, дочь отца достойная, не хочетъ слышать о сдачѣ и чудеснымъ образомъ спасается отъ смерти Митридатомъ, пославшимъ для избавленія ея вооруженное судно.

Примѣръ Фанагоріи послужилъ знакомъ возмущенія по всей Тавридѣ; городъ за городомъ отлагался; Херсонъ, Ѳеодосія, Нимфей и многіе другіе. Войско начинало колебаться и даже самые бѣглецы Римскіе, коихъ измѣна къ отечеству служила вѣрнѣйшимъ залогомъ приверженности къ Митридату. Фарнакъ, любимый сынъ его, тотъ, коему онъ хотѣлъ оставить царство по себѣ, уже въ тайнѣ приготовлялся къ предательству: но заговоръ открылся и Митридатъ въ первомъ пылу гнѣва умертвилъ бы невѣрнаго сына, если бы не удержанъ былъ отъ того наперсникомъ своимъ Минофаномъ.

И въ семъ положеніи, какого хуже не могло быть, Митридатъ еще не унывалъ. Готовясь отплыть къ Меотійцамъ, онъ послалъ нѣкоторыхъ изъ дочерей своихъ къ Скиѳамъ, дабы брачными союзами съ Царями ихъ, утвердить тѣснѣе съ ними связь. Эвнухи провожда-

ли Царевенъ; 500 ратниковъ прикрывали ихъ шествіе и изъ защитниковъ сдѣлалися ихъ предателями: отшедъ не далеко отъ Пантикапея, Эвнуховъ (всегда имъ ненавистныхъ какъ наушниковъ Митридатовыхъ) умертвили; Царевенъ выдали Римлянамъ.

Митридатъ не зналъ о произшествіи семъ и еще надѣялся, что Фарнакъ, тронутый великодушнымъ прощеніемъ, искренно къ нему обратился: онъ ошибался. Неблагодарный сынъ, въ прощеніи преступленія своего, видѣлъ одно только отложеніе до времени неизбѣжной казни, а въ предпріемлемомъ отцемъ походѣ, неминуемую гибель цѣлому Государству. Желая предупредить оную и можетъ быть алкая похитить власть до срока уставомъ природы опредѣленнаго, Фарнакъ воспользовался ропотомъ воиновъ противъ намѣренія вести ихъ въ Италію. Римскіе бѣглецы болѣе другихъ сего опасались: Царевичь въ полночь явился къ нимъ и безъ труда склонилъ къ измѣнѣ людей къ оной уже готовыхъ. Отъ нихъ онъ перешелъ въ большой станъ, гдѣ нашелъ то же расположеніе. Вся ночь употреблена была на мрачныя совѣщанія предательства. Съ первыми лучами солнца, крикъ и вопль мятежни-

ковъ раздались подъ горою; имъ отвѣчали соумышленники ихъ, на судахъ по Воспору расположенныхъ. Митридатъ, пробужденный шумомъ, выбѣгаетъ изъ чертоговъ своихъ; видитъ волненіе въ станахъ; посылаетъ узнать причину онаго; ему приносятъ отвѣтъ ратниковъ: *Желаемъ имѣть Царемъ сына вмѣсто отца; юношу вмѣсто старца, Эвнуховъ послушника, убійцы дѣтей, вождей, приверженцевъ своихъ.*

Надѣясь еще укротить присутствіемъ своимъ волненіе мятежниковъ, Митридатъ пошелъ къ стану бѣглецевъ; они не захотѣли принять его. Въ то самое время подходили къ нимъ нѣкоторые отряды, вблизи расположенные; „Не приближайтесь! возопили къ нимъ Римляне, указывая при томъ на Царя — не приближайтесь, не доказавъ на опытѣ, что вы съ нами за одно! „Воины бросились на Митридата, убили подъ нимъ коня; но онъ спасся бѣгствомъ.

Между тѣмъ Фарнакъ, Царемъ въ станѣ провозглашенный, увѣнчался уже Діадимою. На происшествіе сіе Митридатъ смотрѣлъ изъ чертоговъ Царскихъ на горѣ. Еще ненависть къ Риму превозмогала въ немъ отвра-

щеніе къ жизни: онъ разсуждалъ, что если бы только удалось ему удалиться въ Скиѳію, то достаточно будетъ одного имени Митридата, дабы возбудить тьмы сопостатовъ противъ враждебнаго ему города. Сею единственною мыслію движимый, онъ посылаетъ къ Фарнаку гонца за гонцемъ, умолять сына о свободномъ выпускѣ его изъ Воспора. Гонцы не возвращаются; и Митридатъ ясно видитъ, что единственное убѣжище ему остается — смерть.

Митридата и Нисса, двѣ любимыя дочери его, обреченныя невѣсты, одна Царю Египетскому, другая Кипрскому, всегда были неразлучны съ отцемъ своимъ, и въ сіе страшное мгновеніе не хотѣли разставаться съ нимъ. Наблюдая всѣ движенія его, онѣ видятъ, что онъ разрѣшаетъ узелъ, коимъ привязанъ былъ ядъ, всегда имъ носимый у меча. Митридатъ разтворяетъ отраву въ чашѣ; дочери вырываютъ ее изъ рукъ родительскихъ; умоляютъ его дозволить имъ первымъ испить изъ нея. Колеблется отецъ: и въ Митридатовомъ сердцѣ могло вмѣщаться нѣжное чувство родительской любви! Но дѣвы представляютъ ему позоръ ожидающій ихъ въ Римѣ .... и онъ болѣе не запрещаетъ имъ совершить горест-

ный подвигъ; раздѣляетъ съ ними чашу смерти; и въ одно мгновеніе два трупа лежатъ у ногъ его.

Сколько, судя по сему, ни силенъ былъ ядъ, но надъ Царемъ онъ не имѣлъ дѣйствія, по той причинѣ, что всегда окруженный измѣнниками, съ отроческихъ лѣтъ Митридатъ приучилъ себя къ безвредному принятію отравъ. Тщетно старался онъ ходьбою ускорить желаемое дѣйствіе; ядъ оставался безсильнымъ противъ него. Въ числѣ не многихъ оставшихся при немъ служителей находился храбрый вождь Галловъ, Вититъ; Митридатъ познаетъ его, подзываетъ къ себѣ и говоритъ ему: "Вититъ! часто мечь твой служилъ мнѣ въ браняхъ; не однократно избавлялъ меня отъ враговъ моихъ: да послужитъ онъ теперь мнѣ, въ послѣдній разъ, къ избавленію меня самаго отъ себя! Не попусти Владыкѣ толь обширной державы сдѣлаться посмѣшищемъ злодѣевъ его; украсить собою тріумфъ Помпеевъ на ненавистномъ Капитоліѣ! Сверши то, чего я ожидалъ отъ яда!... Безсмысленный! Я укрѣплялъ себя ядомъ противъ яда, и не помышлялъ, что жесточайшая отрава для Царей, скрывается въ нѣдрахъ ихъ

„семействъ, въ дѣтяхъ ихъ, въ невѣрности „народа и мнимыхъ ихъ друзей!"(1.)... Онъ сказалъ и Вититова рука отдала Царю послѣдній долгъ: избавила его отъ бремени несносной ему жизни.

Съ воображеніемъ наполненнымъ картинами послѣднихъ мгновеній Митридатовой жизни, я стою на горѣ, гдѣ былъ чертогъ его; можетъ быть на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пролилась кровь его, на которомъ трепетало тѣло его съ жизнію разрывающееся...— Солнце уже высоко поднялось; тусклая луна, какъ облачко бѣлѣется на чистомъ голубомъ сводѣ неба; утренній туманъ лежитъ еще на Воспорѣ и плескъ волнъ морскихъ мнѣ слышится издалека: но вокругъ меня царствуетъ глубокое, пустынное молчаніе. Я мыслями парю надъ минувшимъ и вижу 60 поколѣній человѣческихъ одно за другимъ изчезающихъ:

(1.) τὸ γὰρ δὴ χαλεπώτατον καὶ σύνοικον ἀεὶ βασιλεῦσι Φάρμακον; ἀπιστίαν στρατοῦ καὶ παίδων καὶ Φίλων, ὃυ προειδόμην, ὁ τὰ ἐπὶ τῇ διαίτῃ πάντα προϊδὼν καὶ Φυλαξάμενος. Appiani de Bello Mithrid. Cap. CXI.— Я слѣдовалъ Аппіяну въ описаніи Митридатовой смерти.

подобно древеснымъ листьямъ, въ осень низпадающимъ, дабы уступить мѣсто свое тѣмъ, коими юная весна вновь облечетъ лѣса. Все здѣсь измѣнилось, кромѣ природы; но природа попечительная только о *настоящемъ* не оставила бы памяти о *прошедшемъ*, если бы не сохранилъ ее Геній Исторіи, которымъ просвѣщенные люди сдѣлалися современниками всѣхъ вѣковъ. Хвала тебѣ, великій Геній! Тебѣ единому мы обязаны, что живемъ не чужды ни міру сему, ни тѣмъ, которые до насъ въ немъ обитали!

Размышляя здѣсь о жизни и концѣ Митридата, я спрашиваю себя; по какой причинѣ человѣкъ, убійца ближнихъ своихъ и дѣтей, кровожадный, вѣроломный, который могъ рѣшиться дать повелѣніе о убіеніи въ одинъ день полутора ста тысячь Римскихъ граждан, невинныхъ обитателей Малой Азіи; какимъ образомъ, говорю я, можетъ извергъ сей внушать къ себѣ какое нибудь сожалѣніе; я скажу еще болѣе—участи, которое мы, такъ сказать невольно принимаемъ въ немъ? Я, по крайней мѣрѣ, читая о немъ въ Аппіянѣ или въ Плутархѣ, всегда на его сторонѣ противъ Силлы, противъ Лукулла, противъ Помпея.

Отъ чего это? — Отъ того, что извергъ исчезаетъ предъ мощнымъ исполиномъ, который на поприщѣ одинъ въ борьбѣ съ тьмуглавымъ чудовищемъ всеобщей Монархіи, сего бича рода человѣческаго, которымъ угодно было Провидѣнію единожды только наказать землю. Тогда Римъ производитъ и надо мною дѣйствіе подобное тому, которое долженъ былъ ощущать Митридатъ; я радуюсь успѣхамъ Понтійскаго Царя; скорблю, что не удалось ему произвести въ дѣйствіе намѣренія своего. — Пускай Гиббонъ выхваляетъ спокойствіе и тишину, которыми знаемый міръ наслаждался въ краткій вѣкъ Антониновъ! Это спокойствіе—отсутствіе жизненныхъ силъ; тишина—безгласіе гробовъ. И что на роковыхъ вѣсахъ жребія человѣческаго, добродѣтели Тита, или Марка Аврелія, противъ гнусныхъ пороковъ Калигулы, Нерона, Элагабала и многихъ симъ подобныхъ, которые въ теченіе V. вѣковъ удручали злодѣяніями землю, представлявшую отвратительное позорище обществъ человѣческихъ превращенныхъ въ безмолвныя стада, потерявшихъ даже чувство почтенія къ имени *человѣка* и слѣпо повинующихся мановенію одного, какого нибудь изверга недо-

стойнаго носить образъ человѣческій. Деспотизмъ Азіи предпочтителенъ сему состоянію, до коего могли доходить политическія общества, въ изсуреніи всѣхъ силъ душевныхъ. Но благодареніе Небесамъ! Такое явленіе сдѣлалось уже на всегда невозможнымъ: Святая вѣра наша и степень просвѣщенія, до которой умы достигла, служатъ противъ него вѣрнымъ, непоколебимымъ оплотомъ. Если въ XVI. вѣкѣ, Карлъ V показалъ, сколь безплодны были тогда еще покушенія на всеобщую Монархію, то усилія, которымъ мы были свидѣтелями, которыя столь славно уничтожены Россіею, сугубо доказываютъ, что возрожденіе чудовища столько же невозможно, какъ и возвращеніе къ Идолопоклонничеству.

ПИСЬМО XXIV.

Керчь.

Воцарившійся Отцеубійствомъ, Фарнакъ приступилъ къ престолу по трупу родительскому и ознаменовалъ первый шагъ владычества своего нечестіемъ отвратительнѣйшимъ. Желая снискать себѣ въ Помпеѣ покровителя, онъ всячески хотѣлъ угодить ему и не обрѣтая у себя ничего драгоцѣннѣйшаго въ подарокъ, послалъ къ нему отцовское мертвое тѣло. Помпей явился достойнымъ щастія своего, ибо онъ умѣлъ уважать въ врагѣ великаго человѣка: по его повѣленію, тѣло Митридатово, со всею должною Царскому сану почестію, отвезено было въ родовую Столицу его Синопъ и тамъ положено въ гробницу Царей Понтійскихъ.

Точно то сдѣлалъ бы и Цесарь въ подобномъ случаѣ; но въ разсужденіи Фарнака, онъ бы иначе поступилъ: воспользовался бы измѣною, но измѣнника предалъ бы достойной казни. Помпей напротивъ того, утвердивъ Фарнака на отцовскомъ престолѣ, призналъ въ немъ *друга* и *союзника* республики. Чего должно было ожидать отъ такого *друга*, то вскорѣ и

случилось. Фарнакъ, недовольствуясь однимъ Воспоромъ и пользуясь смутами междоусобной войны, раздирающей Римскую Имперію, овладѣлъ *Понтомъ* и ознаменовалъ тамъ краткое свое пребываніе жестокостію противъ Понтійцевъ и Римлянъ служившихся въ завоеванной имъ странѣ. Не долго, однако же, медлило надъ нимъ мщеніе Небесъ: оно суждено было ему отъ той самой руки, которая низвергла покровителя его. Юлій Цесарь, покоривъ Александрію и усмиривъ Египетъ, поспѣшилъ въ Малую Азію, *пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ* Фарнака, бѣжавшаго въ столицу Воспора, гдѣ оставленный имъ намѣстникомъ Асандръ, встрѣтилъ его кинжаломъ и показалъ ему, чего неблагодарный долженъ ожидать отъ неблагодарныхъ.

Асандръ

владѣлъ Воспоромъ 34 г, отъ 49 по 14й до Р. Х. сперва подъ именемъ Этнарха, наконецъ подъ Царскимъ, достоинство, которое ему даровалъ Августъ. Начало его владычества было потревожено Митридатомъ Пергамскимъ, коего Цесарь, послѣ побѣды надъ Фарнакомъ, нарекъ Царемъ Воспора, повелѣвъ ему идти занять престолъ свой и въ то же время наказать

вѣроломнаго. Митридатъ приступилъ къ исполненію двоякаго порученія, но Асандръ побѣдилъ его и съ тѣхъ поръ, искуствомъ угождать Владыкамъ Рима, удержалъ власть надъ Воспоромъ до конца жизни своей, которую произвольно прекратилъ голодомъ, услышавъ, что Августъ послалъ Скрибонія начальствовать надъ Римскими войсками въ Воспорѣ.

Не смотря на предложительное царствованіе Асандрово, Исторія ни какой памяти о дѣлахъ его не оставила. По Страбонѣ мы знаемъ, что онъ укрѣпилъ стѣною Керченскій перешеекъ (1.); а изъ Лукіяна видимъ, что онъ жилъ за 90 лѣтъ, сохранивъ всю бодрость юнаго возраста (2). По смерти его Скрибоній похитилъ престолъ Воспорскій, женился на вдовѣ Асандровой, сестрѣ Фарнаковой Динамисѣ и выдалъ себя за Царя Августомъ нареченнаго; но щитать его въ числѣ Государей Воспора не должно, ибо обманъ его вскорѣ обнаружился. Начальствовавшій въ Сиріи Агриппа, послалъ противъ него Полемона, Царя части Понта. Скрибоній былъ умервщленъ пре-

(1.) Strab. Lib. VII. Cap. IV. § 6. См. Письмо XXI.

(2.) Lucian. Macrob. Cap. 17.

жде нежели Полемонъ успѣлъ прибыть въ Воспоръ; однакоже народъ не вдругъ покорился ему; сначала противился съ оружіемъ въ рукахъ; былъ побѣжденъ имъ и не прежде призналъ его Царемъ, какъ услышавъ о прибытіи Агриппы въ Синопъ. Августъ утвердилъ Полемона въ Царскомъ достоинствѣ, не смотря на то, что онъ былъ на сторонѣ Антонія, во время междуусобной брани. Сынъ Ритора Зинона, онъ обязанъ единственно личнымъ достоинствамъ своимъ и мужеству, что въ началѣ достигъ до владычества надъ частію Понта, потомъ Антоніемъ возведенъ на престолъ Малой Арменіи и наконецъ Августомъ на Воспорскій (3.). Полемонъ умеръ еще при жизни Августа, какъ явствуетъ изъ медалей его преемника

Савромата I.

извѣстнаго только по нумизматикѣ. За нимъ слѣдуетъ,

Рискупоръ

Царствовавшій 29 л, если непосредственымъ преемникомъ его былъ

---

(3) Dion Cass. Lib. LIV. p. 365.

Полемонъ II. (38 л. отъ Р. X.)
Калигулою на царство Воспорское возведенный, владѣлъ 4 г и по повелѣнію Клаудія уступилъ престолъ

Митридату (42 г. отъ Р. X.)
потомку великаго. Имя отца его неизвѣстно. Царствованіе его продолжалося 7 лѣтъ. — Я здѣсь слѣдую Кари, хотя и не нахожу достаточной причины щитать Митридата въ числѣ Царей Воспорскихъ. Діонъ Кассій (на котораго опирается Карп) говоритъ что Клаудій отрѣшивъ Полемона, далъ ему въ замѣну часть Киликіи, а на мѣсто его послалъ царствовать въ Воспорѣ Митридата (4.). Но что онъ былъ посланъ, еще не доказываетъ, что онъ царствовалъ; и я болѣе думаю, что (если и былъ посланъ Клаудіемъ) прибывъ въ Воспоръ, онъ нашелъ уже утвержденнымъ на престолѣ брата своего Котиса, которому, по всему видно, покровительствовало и войско Римское. Повѣствованіе о немъ Тацита совершенно соглашается съ симъ мнѣніемъ моимъ. Митридатъ (пишетъ Историкъ сей) скитающійся, всего лишенный, воспользовался новостію правленія

(4.) Ib. Lib. LX. p. 460.

(Котиса) и отсутствіемъ лучшихъ Римскихъ войскъ, дабы начать войну противъ брата своего, вмѣстѣ съ Зорсиномъ, Царемъ Сираковъ . . . едва не ворвался въ Воспоръ, (Европейскій) . . . . Наконецъ, потерявъ вновь надежду преодолѣть противника, обратился къ посредничеству Эвнона, Царя Аорсовъ, добровольно предалъ себя ему въ руки, сказавъ: "Митридатъ, коего Римляне столько лѣтъ ищутъ на сушѣ и на водахъ, добровольно тебѣ сдается (5.)".— Тронутый сею великодушною довѣренностію, Эвнонъ какъ союзникъ Рима, употребилъ ходатайство свое у Клаудія за Митридата и успѣлъ въономъ. Освобожденный отъ казни и позора украшать собою тріумфъ, Митридатъ былъ сосланъ въ Римъ. Однако же и тамъ гордый духъ его не измѣнился: оскорбленъ будучи обхожденіемъ съ нимъ Клаудія, онъ при многихъ въ слухъ сказалъ ему: „я не сосланъ сюда, а самъ собою возвратился; если не вѣришь, отошли назадъ и увидишь, легко ли будетъ взять меня (6.)".

(5.) Tacit. Annal. Lib. XII. Cap. 15 & 21.

(6.) Non sum remissus ad te, sed reversus: vel si non credis, dimitte et quaere. Tacit. eod. loco.

Котисъ I. (49 отъ Р. Х.)

извѣстенъ только намъ по вышесказанному состязанію его съ братомъ.

Рискупоръ II. (83 г, отъ Р. Х.)

Изображеніе Домиціяна на медаляхъ его, доказываетъ, что онъ былъ современникомъ сего Государя.

Савроматъ II.

о посольствѣ его къ Траяну, упоминаетъ младшій Плиній въ письмахъ 13, 14, 15 Х. Книги. (7)

Котисъ II.

царствовалъ и умеръ при Адріянѣ, что мы видимъ изъ Арріанова Перипла (8). Надобно полагать, что онъ пользовался особливымъ къ себѣ благоволеніемъ Императора, ибо, по словамъ Константина Багрянороднаго, Адріянъ подчинилъ ему многія земли въ Тавридѣ и между прочими Херсонъ (9).

Римиталкъ (132 г. отъ Р. Х.)

Адріаномъ же возведенный на престолъ Воспорскій, тревожимъ былъ Эвпаторомъ, изгнавшимъ его по смерти Императора. Снова

(7.) Plin. junior. Epistolae.

(8.) Arrian. Peripl. Ponti Eux.

(9.) Const. Porphyrog De Them. Lib. II. Thema XII.

возведенный Антониномъ, вскорѣ потомъ умеръ.

Эвпаторъ

тѣмъ же Антониномъ на царство утвержденный; о немъ говоритъ современникъ его Лукіянъ (10.)

Савроматъ III.

Царствовалъ при Коммодѣ: извѣстенъ по многимъ медалямъ съ изображеніемъ сего Императора.

Извѣстны только по медалямъ.

Рискупоръ III. (при Коммодѣ же)
Котисъ III. (при Гетѣ)
Ининтимій (при Александрѣ Северѣ)
Рискупоръ IV (при Гордіанѣ, филипѣ и до Галіана)
Тиранъ. (при Пробѣ
Торорсъ. (при Діоклиціанѣ)

Савроматъ IV.

при Діоклиціанѣ. Государь войнолюбивый и предпріимчивый Побѣдивъ Лазовъ (народъ въ Колхидѣ, у Фасиса обитавшій) онъ прошелъ до рѣки Алиса, древней границы Царства Лидійскаго. Тутъ ожидалъ его Цесарь Констансъ, Императоромъ противъ него посланный. Изъ словъ Констан-

---

(10.) Lucian in Alex. pseud. Cap. 57.

тина Багрянороднаго явствуетъ, что Цесарь, довольствуяся обороною, не смѣлъ ничего предпринимать рѣшительнаго противъ многочисленнаго войска Меотійскихъ Сарматовъ, при Воспорскомъ Царѣ находившихся. Избавленіемъ отъ сего врага, Имперія обязана была данникамъ Херсонцамъ. По требованію Діоклиціана, Протевонъ ихъ, Христосъ, собравъ войско въ городахъ Херсону послушныхъ, пошелъ съ ними на Воспоръ и овладѣвъ столицею и всѣми городами на проливѣ, послалъ къ Савромату объявить: что не имѣя противъ него личной вражды, а дѣйствуя единственно по волѣ Діоклиціановой, которому какъ данникъ обязанъ повиновеніемъ, онъ готовъ оставить Воспоръ и возвратить ему семейство его, если только Царь прекратитъ военныя дѣйствія противъ Констанса и не замедлитъ заключить миръ съ Имперіею. Савроматъ, какъ должно было ожидать, предпочелъ сохраненіе своей, завоеванію чужой земли; и такимъ образомъ кончилась война, щастливо для Римлянъ и славно для Херсонцевъ (11).

---

(11). Constant. Porphyrog. De Adm. Imp. Cap. 53.

Савроматъ V.

внукъ Савромата IV. Неизвѣстно, наслѣдовалъ ли онъ престолъ непосредственно по дѣдѣ своемъ, или нѣтъ. Желая отмстить Херсонцамъ за обиду нанесенную ими предку его, онъ пошелъ противъ нихъ съ войскомъ и побѣжденъ былъ ими въ урочищѣ Каффа (12).

Рискупоръ V.

Извѣстенъ только по медалямъ, съ изображеніемъ Константина Великаго.

Савроматъ VI.

Нарушивъ договоръ заключенный съ Херсонцами (13.), перешелъ за Каффу съ оружіемъ въ рукахъ. Фарнакъ, Протевонъ Херсонскій поспѣшилъ съ войскомъ на встрѣчу Воспорянамъ и предложилъ Царю ихъ рѣшить споръ единоборствомъ. Охотно согласился Савроматъ, надѣясь на силу свою: но хитрость Фарнакова превозмогла. Онъ приказалъ вои-

---

(12.) Ibid. —

(13.) *Καὶ ὅρκους ἐπετέλεσεν ὁ αὐτος Σαυρομάτος* (IV) *καὶ οἱ σὺν αὐτῷ ὑπολειφθέντες, τοῦ μηκέτι αὐτοὺς χάριν πολέμου ὑπερβαίνειν τὰς μεταξὺ χὐτῶν τεθεῖσας ὁροθεσίας (ἐν τόπῳ κάφα λεγομένῳ).* Const Porphyrog. loco supra cit. См. Письмо XIX.

намъ своимъ всѣмъ вдругъ вскрикнуть, какъ скоро они увидятъ Царя обращеннаго къ нимъ тыломъ. Хитрость сія удалась: удивленный крикомъ Савроматъ оглянулся и въ то мгновеніе Фарнакъ пронзилъ ему копьемъ шею. Палъ мертвъ Царь Воспора. Побѣдитель отпустилъ Меотійцевъ въ домы ихъ, но Воспорянъ заключилъ въ узы и положилъ имъ границею, вмѣсто бывшей въ Каффѣ, — *Киверникъ* (14), въ сорока только Римскихъ миляхъ (около 60 верстъ) отъ береговъ пролива. Граница сія существовала еще и во дни Константина Багрянороднаго. Съ Савроматомъ пресѣкласся Династія его и можно сказать разрушилось и Царство Воспорское. Хотя Константинъ еще упоминаетъ о владѣвшемъ въ Воспорѣ Асандрѣ, но это уже была одна тѣнь Царскаго достоинства; сила, могущество на вѣки исчезло. При Асандрѣ семъ или вскорѣ по немъ, овладѣли Воспоромъ Гунны. Юстиніанъ, лѣтъ полтораста послѣ того возвра-

---

(14.) Полагать надобно *урочище*, такъ какъ Каффа; иначе бы Константинъ назвалъ *Киверникъ* городомъ или деревнею.

пилъ оный Восточной Имперіи и возобновилъ укрѣпленія города, какъ будто для того только, что бы Пантикапею достаться, обновленному и уже не возвратно, варварамъ.

ПИСЬМО XXV. и последнее.

Керчь. 25 Октября.

Глухая осень приближается и напоминаетъ мнѣ, что дорога на сѣверѣ давно уже портится. Иначе бы я осмотрѣлъ весь здѣшній берегъ пролива, отъ устья до другаго и посѣтилъ бы противоположный Таманъ; но время не позволяетъ мнѣ продолжать долѣе мое здѣсь пребываніе и я ограничиваю любопытство мое проѣздомъ отсюда до маяка стоящаго у устья Азовскаго моря.

Въ четырехъ верстахъ на востокъ отъ Керчи я нашелъ развалины, весьма древнія на небольшомъ мысѣ, образующемъ бухту, къ югу обращенную. Здѣсь полагать надобно стоялъ Мирмикіонъ, городокъ, о коемъ упоминаетъ Страбонъ и ставитъ его въ 20 стадіяхъ отъ Пантикапея (1.), что совершенно соглашается съ разстояніемъ сего мѣста отъ Керчи. По чему здѣшніе жители называютъ развалины сіи *змiинымъ городкомъ*, я узнать

(1.) Strab. Lib. VII. Cap. IV. §. 5. Я въ семъ мѣстѣ подозрѣваю, что вмѣсто *εἰσπλέοντι* должно читать: *ἐκπλέοντι*.

не могъ; но замѣтивъ круглость мыса, нѣкогда строеніемъ покрытаго, я нашелъ, что названіе Мирмикіонъ (Муравьиное гнѣздо (2.)) могло быть дано ему весьма къ стати.

Въ одинадцати верстахъ отъ Керчи, Іеникале, т. е. *новая крѣпость*; и точно новая, ни чего древняго, ни даже Генуэзскаго неимѣющая, а просто Турецкое созданіе. Крѣпость стоитъ на горѣ; подъ нею на берегу не большій городъ, населенный Греками, съ того еще времени, какъ флотъ нашъ, подъ предводительствомъ Гр. Орлова дѣйствовалъ въ Архипелагѣ. Весь промыслъ и торгъ сихъ поселенцевъ состоитъ въ рыбной ловлѣ, производимой тѣми, которые изъ нихъ по зажиточнѣе, большими морскими неводами, другими же, т. е. большею частію, желѣзными крючками на тоняхъ у косы утвержденными. Но и тутъ бѣда! Меотійцы жалуются на сей родъ ловли, утверждая, что рыбы пугаются крови текущей изъ ранъ попавшихся на крючки и что отъ того осетры, не входя въ Азовское море возвращаются обратнымъ путемъ въ Черное. Воспоряне противъ сего воз-

---

(2.) *Μυρμήκιον* отъ *μυρμηξ*.

ражают, опираясь на давность: рыба, говорят они, 50 л. тому назад не пугалась крови; от чего же бы ей теперь начинать бояться ее? Если бы это подлинно было так, то должно бы полагать, что усовершенствованіе есть свойство, не только человѣческому, но и рыбьему роду принадлежащее. От чего Господи нас упаси! Ибо в таком предположеніи может и то случиться, что не мы осетров, а осетры нас будут ловить.

Крайній предѣл моего путешествія по Тавридѣ, было устье Азовскаго моря, у котораго на крутом берегѣ, построена высокая башня, Маяк для показыванія ночью входа в Воспор. Маяк сей во всем схож на Севастопольскій: тот же вид, такими же лампами с ревербѣрами освѣщается; уступает только образцу своему в высотѣ и в том, что лѣсницы в нем деревянныя и весьма крутыя. Боже сохрани от пожара! Дерево маслом напитанное, может от искры вспыхнуть и сгорѣть, как сажа в трубѣ.

И отсюда вид прекрасный на Воспор и Азовское море; но всего любопытнѣе явленіе, которое, как сказывали мнѣ, осенью здѣсь обыкновенно. Пока я стоял на Маякѣ и у-

стремлялъ взоры мои къ сторонѣ, гдѣ *священная рѣка Скиѳовъ*, Танаисъ, вливаетъ обильныя воды свои въ Меотисъ, нѣсколько разъ туманъ подымался, но не въ видѣ тумановъ, какіе бываютъ на моряхъ, а точно какъ облака, лучи солнечные отражающія, онъ выходилъ изъ пучины, стлался рядами по волнамъ, рѣдѣлъ и мгновенно исчезалъ.

Вчера, когда вечерняя заря догорала на вершинѣ Киммеріона, я ходилъ въ послѣдній разъ, при мерцаніи умирающаго дня, проститься съ прахомъ Пантикапея. Бродя въ задумчивости, по берегу Воспора, я вопрошалъ хладную персть: гдѣ скрылась слава? Гдѣ памятники? Гдѣ хотя одинъ камень, обломокъ столпа того, на коемъ начертанъ былъ взаимный союзъ дружбы между Левкономъ и Аѳинами? Все исчезло! —

Ne in voi qui resta
Testimonio di voi un sasso solo!
Jo sull' arena solitaria e mesta,
Voi sovente in voi cerco, e trovo solo
Un silenzio, un orror, che d' atto duolo
M' empie, e gli occhi mi bagna, e il pie m' arresta.

Подобно старцу Поджьо (3) на развалинахъ Капитолія, я мечталъ здѣсь о событіяхъ прославившихъ Тавриду, отъ изгнанія Киммеріанъ Скиѳами, до населенія ея выходцами изъ Іоніи; отъ покоренія Воспорскаго Царства Митридату, до покоренія же цѣлаго полуострова подъ Державу Россійскую. Промежутки вѣковъ исчезали предъ воображеніемъ моимъ, оставалися одни *великіе*, Митридатъ, Св. Владимиръ, Екатерина, *Таврическій*; и ты мужъ кроткій и добродѣтельный, Ирой *Крымскій*, Долгорукій! Тебѣ Россія обязана основаніемъ владычества своего въ странѣ сей; а я, отродію твоему щастіемъ жизни моей! (*)

Не довольствуясь созерцаніемъ прошедшаго, я хотѣлъ проникнуть будущее, предузнать участь которую Судьбы провидѣнія готовятъ Тавридѣ. Россія, воскликнулъ я восторженный; О! Отечество мое! На поприщѣ славы оружія ты уже достигла до меты; но сколько еще открывается тебѣ иныхъ путей къ славѣ! Я вижу

---

(3) Gibbon's Rom. Empire: the last chapter.

(*) Супруга Сочинителя родная внука Кн. Василія Михайловича Долгорукаго-Крымскаго.

.... но рядъ облаковъ луною посребренныхъ разстлался по небокраю. Казалося, завѣса спустилась между мною и *будущимъ*, завѣса, которую взоры смертнаго не проникаютъ!

ПЕРЕВОДЪ

ОТРЫВКА ИЗЪ РѢЧИ,

ВОРИСТЕНСКОЮ НАЗЫВАЕМОЙ,

ДІОНА ХРИСОСТОМА.

Діонъ, Пасикраповъ сынъ, по прозвищу Хрисостомъ, т. е. *Златоустъ*, былъ родомъ изъ города Прусы въ Вишиніи, и процвѣталъ въ началѣ 2го вѣка Христіянства. Съ юныхъ лѣтъ, посвятивъ себя исключительно искуству витійства, онъ долго былъ явнымъ врагомъ всѣхъ Философскихъ сектъ вообще; но потомъ живучи въ Александріи и познакомившись тамъ съ нѣкоторыми Стоиками, до того къ ученію ихъ пристрастился, что сколько прежде отвращался отъ Философіи, столько послѣ того и до конца жизни своей прилѣжно ею занимался.— Гнушаясь покориться Тираніи возникшей въ Прусѣ, Діонъ покинулъ мѣсто рожденія своего, мечтая найти свободу внѣ Вишиніи: но онъ ошибся. Нѣкоторыя неосторожныя слова имъ произнесенныя на щетъ Домиціяна, дошли до ушей се-

го изверга и Діонъ печальнымъ опытомъ узналъ, что не было мѣста на образованной части земнаго шара, куда бы не досязалъ чугунный жезлъ Римскаго Деспотизма. Онъ былъ заточенъ въ землю Тракіанъ и Гетовъ; и полагать надобно, что во время сей ссылки посѣщалъ Ольвіополь, съ такою вѣрною точностію имъ описанный. — По смерти Домиціяна, заточеніе Діоново прекратилось и онъ отправился въ Римъ, гдѣ обласканъ былъ Нервою, а особливо Траяномъ, удостоившимъ его короткаго, дружескаго съ собою обхожденія.— До нас дошли 80 Діоновыхъ рѣчей, въ коихъ не смотря на послѣдовавшую съ нимъ въ Александріи перемѣну, обнаруживается Софистъ-Ораторъ болѣе нежели Философъ.

Извлеч. изъ Фотія и другихъ.

Бѣжавъ изъ отечества моего, случилось мнѣ быть лѣтомъ въ *Ворисненѣ* (городѣ) куда я заплылъ съ намѣреніемъ, если можно, оттоль проѣхать далѣе чрезъ Скиѳскую землю къ Гетамъ, дабы и тамъ посмотрѣть на то, что любопытства достойно.

Въ ожиданіи сего, я прохаживался по многолюдной береговой площади на Ипанисѣ (1). — Надобно знать, что *городъ сей хотя и получилъ названіе свое отъ Ворисmена* (2) (*рѣки*) *по причинѣ превосходной красоты и величины рѣки сей, однакоже онъ подлинно стоитъ на Ипанисѣ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ и прежде стоялъ, насупротивъ, хотя не много повыше, мыса Ипполая* (3). Сей мысъ есть узкій корабельному носу подобный, острый конецъ берега, около котораго соединяются обѣ рѣки (4) и далѣе уже до моря составляютъ общій Лиманъ, стадій въ 200 (5) въ длину и

(1.) На Бугѣ. (2.) Отъ Днѣпра. (3.) Станиславскаго. (4.) Днѣпръ съ Бугомъ. (5.) 30 верстъ.

не менѣе того въ ширину. Большая часть Лимана сего покрыта камышемъ и вода въ немъ тихая, безъ волнъ, какъ обыкновенно бываетъ стоячая (6): но подъ правымъ берегомъ рѣки она чиста. Плывущіе вверхъ замѣчаютъ глубину по стремленію теченія; и тѣмъ же стремленіемъ пользуются внизъ плывущіе, безъ чего случается, что южный вѣтръ, часто въ устье дующій, препятствуетъ выходу изъ Лимана. Остальная часть береговъ онаго мѣлководная и покрыта камышемъ и деревьями, которыя видны даже въ срединѣ Лимана, такъ что не опытные на водахъ сихъ моряки, иногда принимаютъ ихъ издали за мачты кораблей, на встрѣчу имъ идущихъ. Тутъ же добывается множество соли, которую покупаютъ и забираютъ, не только большая часть окружныхъ варваровъ, но и сами Эллины и Скиѳы, обитающіе на Таврическомъ полуостровѣ (1). Обѣ слившіяся вмѣстѣ рѣки впадаютъ въ море, у крѣпости Алектросъ (2),

(6·) Діонъ говоритъ о Днѣпровскомъ берегѣ подъ Херсономъ, ибо рѣка дѣйствительно теряется тутъ въ камышахъ; Бужскій же берегъ чистъ до самаго моря.

(1.) Все это описаніе относится къ Днѣпровскимъ берегамъ.

(2.) Очаковъ.

которая какъ сказываютъ, принадлежитъ Супругѣ Савроматскаго Царя. —

Пространство настоящимъ *Ворисшеномъ* занимаемое, уже не соотвѣтствуетъ прежней славѣ города сего, пришедшаго въ упадокъ отъ всегдашней войны и частыхъ набѣговъ непріятельскихъ. Общая издревле посреди варваровъ, изъ всѣхъ почти воинственнѣйшихъ, Ворисшениты ведутъ съ ними безпрерывную войну и городъ ихъ неоднократно доставался врагамъ въ добычу. — Послѣднее и жесточайшее раззореніе ими претерпѣнное, послѣдовало за 150 лѣтъ, когда Геты овладѣли въ одно время Эллинскими поселеніями на правомъ берегѣ Понта, даже до самой Аполлоніи (*). Съ тѣхъ поръ дѣла Эллинскія въ краѣ семъ пришли въ великій упадокъ: нѣкоторые изъ городовъ ихъ совершенно опустѣли, другіе же хотя и снова населились, но весьма скудно, и то со смѣшеніемъ большой части варваровъ: ибо напасть сія постигла Эллиновъ вдругъ, хотя и по разнымъ мѣстамъ разселенныхъ. Ворисшениты вновь водворились здѣсь, какъ

(*) Тракійской.

я полагаю, по собственному желанію Скиѳовъ; ибо по истребленіи города ихъ ни одинъ уже Эллинскій купецъ не отважился плыть къ берегамъ, гдѣ не надѣялся болѣе слышать природнаго языка своего: такимъ образомъ Скиѳы, сами по себѣ невѣжи въ торговлѣ и къ тому презирающіе купеческое состояніе, изъ собственныхъ выгодъ своихъ дозволили Вористенитамъ вновь поселиться.

Жестокость претерпѣннаго Вористенитами пораженія доказывается скудостію строенія и малостію города, занимающаго теперь часть бывшаго, коего древняя окружность явствуетъ изъ оставшихся еще не многихъ башенъ, не соотвѣтствующихъ болѣе малости и слабости настоящаго Ольвіополя, обнесеннаго низкою, бѣдною стѣною и землянымъ валомъ, простирающимся по пустырямъ между стѣною и помянутыми башнями. Изъ сихъ башенъ есть нѣкоторыя въ такомъ отдаленіи отъ настоящаго жилья, что съ трудомъ повѣрить можно, чтобы онѣ когда нибудь принадлежали одному городу. Сверхъ сего слѣды опустошенія видны еще и въ томъ, что ни одного идола въ храмахъ, ни одного

надгробнаго памятника не осталося цѣлаго въ городѣ: всѣ онѣ безъ изъятія изуродованы. —

Когда я, какъ выше сказалъ, прохаживался по городу, нѣкоторые изъ Ворисѳенитовъ по обыкновенію своему вышли ко мнѣ на встрѣчу изъ домовъ своихъ. За ними и Каллистратъ явился: онъ было сперьва проскакалъ верьхомъ мимо насъ за городъ; но вскорѣ потомъ возвратился, отдалъ лошадь свою конюху и подошелъ ко мнѣ, съ большею ловкостію поддерживая рукою плащь свой. Препоясанный большимъ палашемъ, конными воинами употребляемымъ, Каллистратъ одѣтъ былъ въ шаравары и прочую Скиѳскую одежду, съ накинутою на плеча легкою, короткою черною епанчею, по обычаю всѣхъ Ворисѳенитовъ, которые и другія платья употребляютъ того же цвѣта, на подобіе Меланхленовъ, одного изъ Скиѳскихъ племенъ, у коихъ наипаче цвѣтъ черный въ употребленіи: обстоятельство, по коему я полагаю, мы и назвали ихъ Меланхленами (черноризцами). Каллистратъ имѣлъ отъ роду лѣтъ 18; прекрасный собою; роста большаго; въ немъ мно-

го было Іонійскаго. Онъ успѣлъ уже отличиться на войнѣ храбростію; многіе Савроматы пали отъ ударовъ его; нѣкоторые достались ему въ плѣнъ. Краснорѣчіе, Философія были предметами прилѣжныхъ его занятій; и онъ желалъ вмѣстѣ со мною путешествовать. По всѣмъ симъ причинамъ онъ славился между согражданами своими ....

Какъ я зналъ, что онъ великій охотникъ до Омира, то я тотчасъ и завелъ съ нимъ о немъ разговоръ. Здѣсь надобно замѣтить, что и вообще всѣ Ворисфениты рачительно занимаются симъ поэмомъ; обстоятельство, которое вмѣстѣ съ пристрастіемъ ихъ къ Ахиллесу можетъ быть причиною воинственнаго духа, до сихъ поръ въ нихъ сохранившагося. Въ почтеніи ихъ къ Ахиллесу, они не знаютъ мѣры; ему создали храмы, одинъ на островѣ (*) по имени его названномъ, другой въ городѣ своемъ: и ни о чемъ иномъ слышать въ разговорахъ не хотятъ, какъ только объ одномъ Омирѣ: такъ, что хотя они уже и не чисто выговариваютъ по Эллински, по причинѣ оби-

(*) Тендрѣ.

танія ихъ между варварами, но Иліаду почти всѣ знаютъ наизусть. — Заведя, какъ я выше сказалъ, разговоръ съ Каллистратомъ, я въ шутку спросилъ его, кого онъ изъ поэтовъ предпочитаетъ, Омира или Фокилида?— Фокилида, отвѣчалъ онъ, улыбаясь, я и по имени не знаю; да и не думаю, чтобы кто нибудь изъ нашихъ слыхалъ о немъ: ибо кромѣ Омира другаго поэта мы не знаемъ. — И подлинно они другаго не знаютъ: о немъ одномъ упоминаютъ поэты ихъ, одного читаютъ; и когда идутъ на сраженіе, то его же стихами другъ друга побуждаютъ, такъ точно какъ Тиртеевыми Лакедемонцы. На его щетъ, можно сказать, они ослѣпли и воображать себѣ не въ состояніи, чтобы послѣ него кто нибудь могъ быть стихотворцемъ. — Ваши поэты, продолжалъ я, заразились Омиромъ точно такъ, какъ глазнымъ повѣтріемъ Ты самъ Каллистратъ признался, что Фокилидъ вамъ не извѣстенъ: теперь я спрашиваю тебя, когда случится, что какой либо купецъ въ первые приплыветъ къ вамъ съ товарами, не начнете ли вы съ того, что отвѣдаете винъ его, посмотрите на образчики издѣлій, и потомъ, если товаръ его вамъ понравится

вы его купите, если же нѣтъ, откажете ему? Не должно ли вамъ такимъ же образомъ поступить и съ Фокилидомъ: посмотрѣть на образчикъ поэзіи его; и тѣмъ охотнѣе, что онъ не изъ числа тѣхъ, которые пишутъ длинныя, связныя поэмы, подобно вашему Омиру, у котораго на одну битву сплошь тысячь пять стиховъ. Нѣтъ; у него въ двухъ или трехъ стихахъ, начало и конецъ поэмы; и онъ не забываетъ ставить имени своего тамъ, гдѣ думаетъ, что мысль его заслуживаетъ прилѣжнаго вниманія; не такъ какъ вашъ Омиръ, который ни гдѣ ни разу не упомянулъ о себѣ. Ты напримѣръ долженъ согласиться, что Фокилидъ имѣлъ право поставить имя свое предъ слѣдующимъ заключеніемъ своимъ:

„Фокилидъ мыслитъ, что градъ на скалѣ стоящій не большій, но мудро управляемый, предпочтителенъ безумной Ниниviи."

Кто со вниманіемъ слушалъ Иліаду и Одиссею, тотъ пускай скажетъ, естьли въ обѣихъ поэмахъ сихъ хотя одинъ стихъ симъ подобный? И не ужели вамъ полезнѣе слушать

о этихъ скочкахъ и прыжкахъ Ахиллесовыхъ и о крикѣ его, которымъ однимъ онъ опрокидываетъ Троянъ, нежели о томъ, что не большой городъ на узкой скалѣ стоящій, но добрыми людьми населенный, лучше и щастливѣе, чѣмъ большой, который хотя и построенъ на ровномъ, пространномъ полѣ, но за то наполненъ безумцами, живущими безъурядно и беззаконно? —

Слова мои весьма не понравились Каллистрату: и онъ отвѣчалъ мнѣ: гость дорогой! мы всѣ тебя любимъ и почитаемъ, иначе бы, увѣряю тебя, что никто изъ Ворисфенитовъ не потерпѣлъ бы такого не уваженія къ Омиру и Ахиллесу, изъ коихъ Ироя мы (ты самъ это видишь), какъ бога чтимъ, а поэта ставимъ почти на ряду съ безсмертными.— Желая смягчить его, и между тѣмъ склонить рѣчь къ чему нибудь полѣзному; — прошу тебя (сказалъ я) простить меня, если я промолвилъ теперь что нибудь не приличное о Омирѣ; я заглажу это и скажу послѣ въ похвалу Ахиллесу и Омиру, все то, что вы въ правѣ ожидать отъ меня; но теперь не разобрать ли намъ, подлинно ли такъ хорошо,

какъ мнѣ кажется, Фокилидъ объясняется на щетъ города? — Охотно! отвѣчалъ Каллистратъ. И тѣмъ болѣе, что вся эта толпа, которую ты видишь здѣсь, желая послушать тебя, нарочно собралась сюда на рѣку, да и въ такое время, въ которое она не безъ заботъ; ибо вчера только, какъ ты самъ знаешь, Скиѳы въ полдень нападали на передовыхъ городскихъ стражей нашихъ, изъ коихъ нѣкоторыхъ оплошныхъ перебили, другихъ же, полагать надобно, увели съ собою въ плѣнъ; чего однакоже утверждать не можемъ, потому, что они далеко отъ города отступили. — И оно дѣйствительно такъ случилось, какъ сказывалъ Каллистратъ: городскія ворота были заперты; и на стѣнахъ возвѣвалося знамя предстоящую войну означающее. Не смотря на это, они такіе охотники до рѣчей, такіе Эллины въ крови, что почти всѣ до одного, даже и съ оружіемъ въ рукахъ, собрались послушать меня. — Удовлетворяя ихъ желанію, я спросилъ: не идти ли намъ сѣсть куда нибудь? Ежели я буду говорить здѣсь ходя взадъ и впередъ, то не всѣ равно услышатъ меня; и тѣ, которые случатся позади, обезпокоютъ и себя и другихъ, толкаясь въ передъ. — Я

не успѣлъ этого выговорить, какъ вся толпа двинулась и пошла къ Зевсову храму, гдѣ обыкновенно старшины собираются на совѣщанія. Пожилые люди, почетные, первые чиновники посѣли въ кружокъ на ступеняхъ крыльца; а толпа помѣстилась на пространной площади, предъ храмомъ находящейся. Философъ-наблюдатель увидѣлъ бы съ удовольствіемъ въ семъ множествѣ людей картину древнихъ обычаевъ этихъ Эллиновъ, коихъ Омиръ описываетъ съ длинными волосами, съ отпущенными бородами. Одинъ только изъ нихъ былъ бритой; и за то его ругаютъ и ненавидятъ всѣ, говоря, что онъ такимъ образомъ отличается, не изъ чего другаго, какъ только изъ подлаго угожденія къ Римлянамъ, и для того, чтобы всякой вѣдалъ о его къ нимъ преданности: поступокъ по общему ихъ заключенію постыдный и мужа не достойный. —

(Здѣсъ начинается Діонова рѣчь къ Ольвіополитанцамъ, никакого отношенія къ городу ихъ не имѣющая, кромѣ слѣдующаго Эписода. Окончивъ вступленіе къ слову своему — образецъ Софистики, гдѣ

сравнивается гражданство смертныхъ съ гражданствомъ безсмертныхъ — Діонъ такъ продолжаетъ):

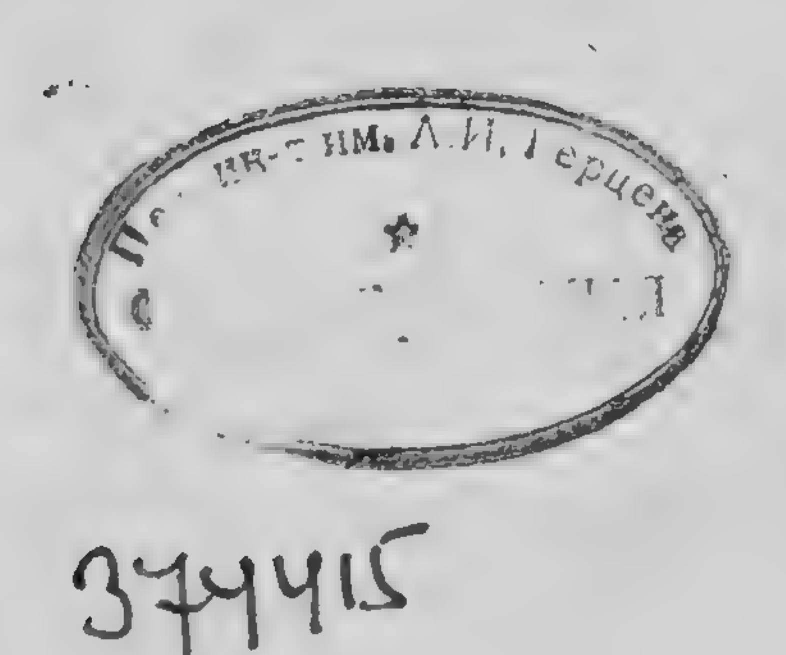
Я дошелъ до сего мѣста въ словѣ моемъ, какъ одинъ изъ предстоящихъ, всѣхъ старѣе лѣтами, всѣхъ болѣе уважаемый, прервавъ рѣчь мою, сказалъ съ умиленіемъ: не вмѣни мнѣ, гость дорогой, въ невѣжество и *варварство*, что я такъ осмѣливаюсь перебить рѣчь твою; у насъ этого нѣтъ въ обыкновеніи; потому, что мы страстно любимъ Философскія разсужденія и знаемъ, что не должно сбивать того, кто говоритъ предъ многими, наипаче же того, коего мы наиболѣе желаемъ слушать.— Къ тому же намъ истинно чудомъ кажется и то, что ты посѣтилъ насъ, ибо сюда по большой части пріѣзжаютъ люди, которые по имени только Эллины, но въ существѣ еще болѣе варвары нежели мы: купцы, торгаши, привозящіе къ намъ дрянныя ветоши, дурныя вина и вывозящіе отъ насъ не лучше сего товары. Тебя же, кажется, самъ Ахиллесъ прислалъ сюда съ острова своего; и мы съ восхищеніемъ видимъ тебя между нами; съ восхищеніемъ слушаемъ твои рѣчи; и тѣмъ болѣе,

что мы не ожидаемъ долго пользоваться такимъ щастіемъ; чего впрочемъ и не требуемъ; но желаемъ тебѣ благополучно и въ скорѣйшемъ времени возвратиться восвояси. — Прости же ты меня .... Но ты тронулъ струну, отъ которой я пришелъ внѣ себя и перебилъ рѣчь твою. — Я разумѣю сказанное тобою о *устройствѣ гражданства безсмертныхъ*. Я, и всѣ мы какъ вижу, горимъ нетерпѣніемъ слышать о семъ твои разсужденія; ибо знаемъ уже, что ты можешь говорить великолѣпно и достойно столь важнаго предмета. Но мы не испытаны въ утонченностяхъ Философіи; всѣ, какъ ты самъ знаешь, пристрастны къ Омиру; не многіе изъ насъ къ Платону, изъ числа коихъ, ты видишь предъ собою меня, всегда ловящаго какой нибудь случай заняться имъ .... Можетъ быть тебѣ и странно покажется, что человѣкъ, который едва говоритъ по Эллински, находитъ удовольствіе читать и понимать того изъ Философовъ, коего слогъ самый чистый Эллинскій и мысли самыя глубочайшія; но я таковъ; и въ этомъ подобенъ человѣку, почти слѣпому, который глядитъ прямо на солнце, а отвращается отъ всякаго другаго свѣта; — и такъ,

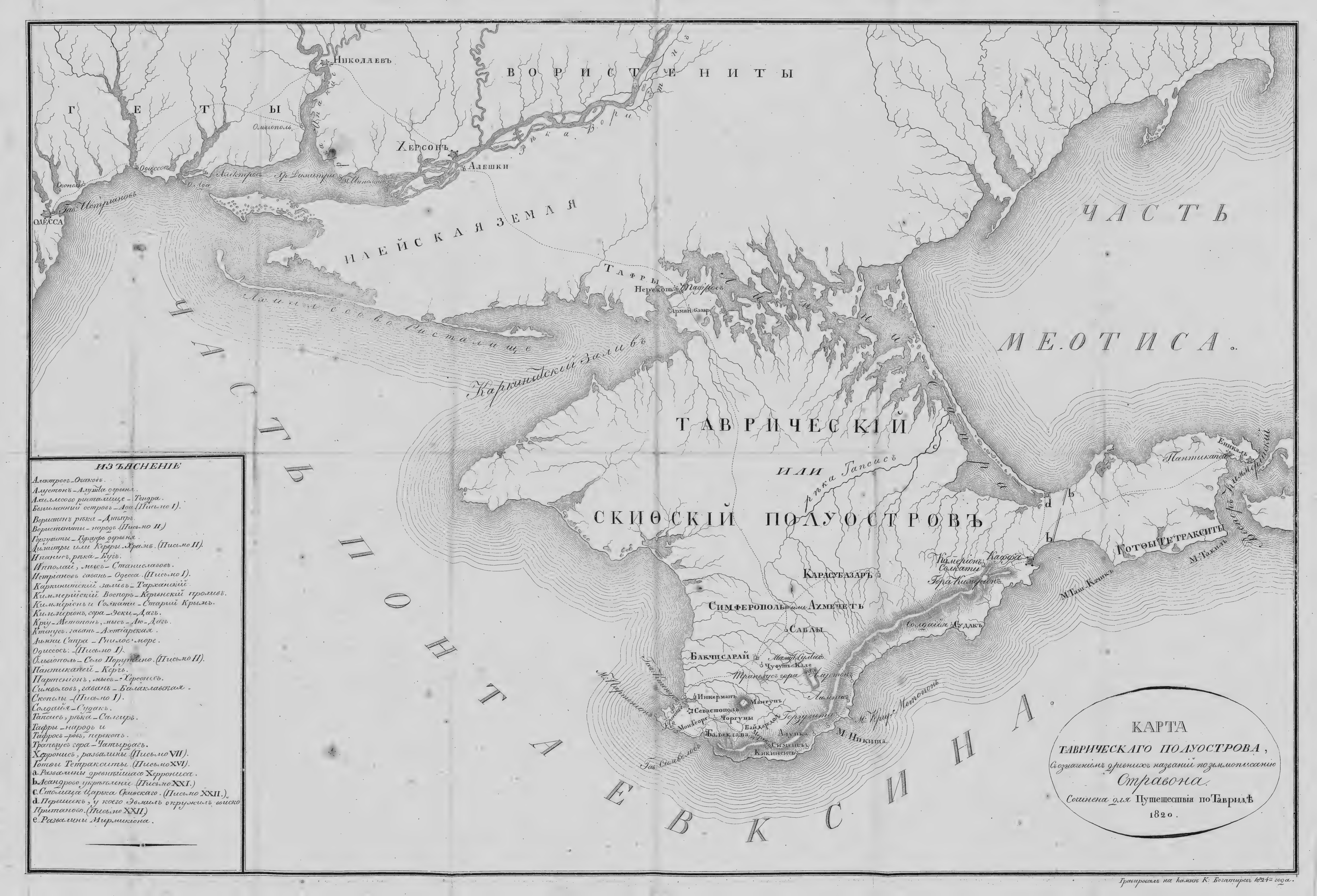
хочешь ли всѣмъ намъ угодить, то отложи рѣчь свою о *гражданствѣ смертныхъ* до завтра, (если сосѣды дадутъ намъ покой и не принудятъ насъ развѣдаться съ ними, какъ то часто случается у насъ), а теперь поговори о *управленіи* или *гражданствѣ*, какъ тебѣ любо назвать его, *безсмертныхъ*; гдѣ оно? Какъ оно? И сколько возможно держись ближе къ Платонову, свободному слогу, что ты въ состояніи сдѣлать, какъ мы сей часъ то слышали. А мы, если не изъ другаго чего, то по крайней мѣрѣ по большому навыку нашему, однимъ слухомъ узнаемъ этотъ слогъ, который и не съ лишкомъ близокъ и не съ лишкомъ далекъ отъ Омировскаго. — Простосердечіе стариково полюбилось мнѣ, и я улыбаясь отвѣчалъ ему: Любезный Росонъ! — Если бы ты повелѣлъ мнѣ вчера, когда враги на васъ нападали вооружиться и идти сражаться подобно Ахиллесу; я бы исполнилъ первое приказаніе твое и старался бы помогать друзьямъ; что же касается до втораго, то сколько бы и желалъ повиноваться тебѣ, но чувствую, что сравниться съ Ахиллесомъ я не въ состояніи. Точно такъ и теперь, одно изъ приказаній твоихъ, я исполню, постараюсь сказать вамъ

рѣчь, какъ самъ умѣю, но „съ мужами вѣковъ прежнихъ состязаться не хочу (*) ни съ Платономъ, ни съ Омиромъ: потому, что и Эвритъ, какъ говоритъ поэтъ, не нашелъ пользы своей въ подобномъ состязаніи .... —

(*) Ἀνδράσι δὲ προτέροισιν ἐριζέμεν οὐκ ἐθελήσω. Odyss.. VIII. V. 223.

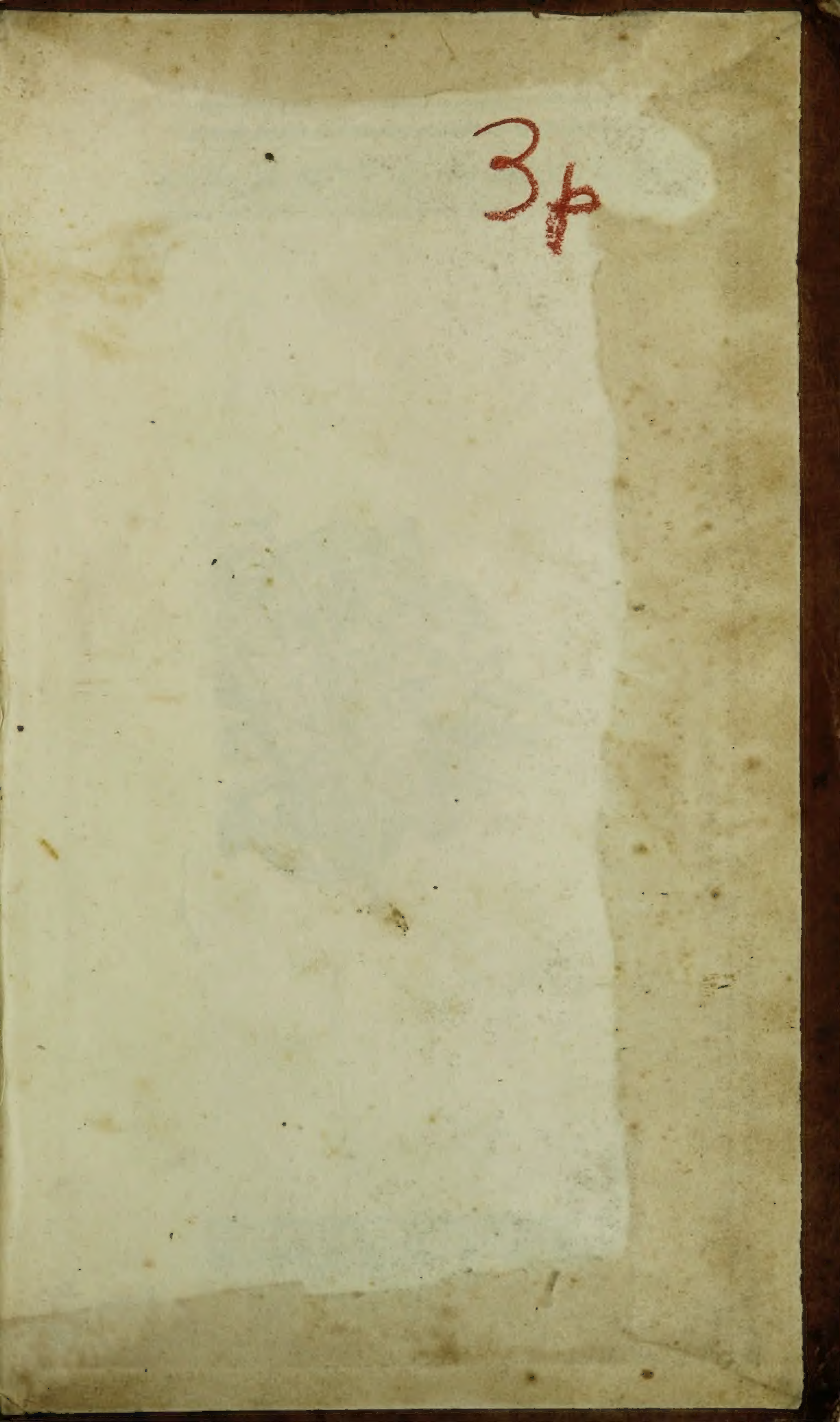

374415

Гравировалъ на камнѣ К: Богатыревъ 1824го года.

3p

